

ОШО

УНИО МИСТИКА

ОШО

УНИО МИСТИКА

Беседы по книге Хакима Санан
"Огражденный Сад Истины"

МОСКВА
1998

ББК 84,5 Ид
096

ОШО

096 Унио мистика. Москва ИПА “ТриЛ” 1998.
ISBN 5-71-35-0046-33

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш - просветленный Мастер нашего времени. “Ошо” означает “подобный океану”, “Благословенный”.

В этой книге представлена вторая серия бесед по книге Хакима Санаи “Огражденный Сад Истины”. “Хакиму Санаи удалось постичь самую душу суфизма. Такие книги не пишутся, они рождаются. Никто не может их сочинить. Они не производятся в уме, они не создаются умом; они приходят из запредельного. Это дар. Они рождаются столь же таинственно, как и ребенок, птица или цветок розы. Они приходят к нам; это дары.”

Беседы были проведены с 11 по 20 декабря 1978 года в аудитории Гаутамы Будды, Пуна, Индия.

© OSHO INTERNATIONAL 1979г.

© МОСКОВСКИЙ МЕДИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ОШО
“НИРВАНА”, ПЕРЕВОД 1998

04030300 - 018

7П6(03) - 97

без объявления

ББК 84,5 Ид

ISBN 5-7135-0046-33

The page is framed by a wide, intricate border of repeating floral and geometric motifs. In the center, a large, ornate wreath of leaves and flowers surrounds the title. The title is written in a bold, serif font.

На пути
ВЗДОХОВ

11 декабря
1978 года

Мистическое единство

Друг мой, все существующее
существует через него;
твое собственное существование — просто подделка.
Нет большего вздора! Утрать себя,
и ад твоего сердца превращается в небеса.
Утрать себя, и что-то может быть завершено.
Твой эгоизм — необученный жеребенок.

Ты то, что ты есть:
отсюда твоя любовь и ненависть;
ты то, что ты есть:
отсюда вера и безверие.

Надежда и страх управляют судьбой на твоём пути:
утрать себя, и их не будет больше.

Какая разница у его дверей
между мусульманином и христианином,
добродетельным и грешным?
У его дверей все — искатели,
и его они ищут.

Бог существует без причины:
зачем ты ищешь причины?
Солнце истины восходит неожиданно,
и с ним закатывается луна учения.

На этой стоянке, всего лишь на неделю,
быть — значит не быть,
а приходить — значит уходить.

И существует ли солнце
для пения петуха?

На пути вздохов

Что для него -
здесь ли ты или нет?
Многие пришли, подобно тебе,
в дом его.

Ты не найдешь свой путь
на этой улице; если есть путь,
он на твоей дороге вздохов.
Все в тебе далеко
от пути посвящения:
иногда ты добродетелен,
иногда ты грешен,
потому что ты надеешься на себя и боишься себя;
но когда твоя маска мудрости и глупости
наконец поблекнет, ты увидишь,
что надежда и страх — едины.

Мистическое единство

Истина — это не традиция. Она не может быть ею, потому что истина никогда не бывает старой. Она вечно новая, она вечно свежая, такая же свежая, как капли росы утром или звезды в ночи.

Претензии традиций в основном неистинны. Слово «традиция» «tradition» происходит от корня «tradere». Он означает «от кого-то кому-то еще, передаваемое». От «tradere» происходит также слово «trade» торговля. Истина не может быть передана от одного человека другому. Ее невозможно передать. Это не вещь, поэтому она непередаваема. Ею нельзя торговать, никто не может дать ее, никто не может ее взять. Она возникает в бытии каждого человека, это — цветение вашего сердца.

Поэтому суфизм — не традиция. Нет истинной религии, которая будет традицией; всякая истинная религия будет революцией, восстанием. Суфизм — один из самых проникновенных, самых подлинных экспериментов и исследований истины, из всех, которые были на этой земле. А Хаким Санаи, в сутры которого мы снова погрузимся сегодня — один из трех величайших суфиев во всей истории человеческого сознания. Он стоит среди трех великих мастеров — Аттара, Руми и Санаи.

На несколько дней вы снова погрузитесь в одну из величайших душ. Это паломничество, святое паломничество; вы будете ходить по святой земле. Будьте очень бдительными, наблюдательными, любящими, открытыми, уязвимыми, тогда что-то может возникнуть в вас, тогда в вас возникнет то, что может стать трансформацией; что-то может быть в вас затронуто. Но помните, это не обусловлено внешним, это не вопрос причины и следствия. Следовательно, это далеко за пределами науки. Наука может понять только закон причины и следствия. Если что-то может быть обусловлено, это обязательно будет принадлежать науке. Но истина не может быть обусловлена.

Тем не менее в присутствии Мастера это может случиться. Это случается беспричинно; это синхронность. Это похоже на то когда кто-то танцует и что-то в вас пробуждается — не вызывается в вас, помните, потому что никакой танцор не может вызывать в вас танец, но вы начинаете что-то чувствовать. Вы начинаете покачиваться, вы внезапно чувствуете прилив энер-

На пути вздохов

гии, вы хотели бы танцевать сами. Это синхронность: что-то происходит в вас одновременно, но не вызвано этим.

Я буду здесь, подобно полому бамбуку, доступен Хакиму Санаи, так что он может петь свою песню, и он может танцевать свой танец. Если вы открыты, что-то может начать происходить в вас. Это не будет передаваться от меня вам — это не может быть передано; это не будет вызвано. Я не буду источником этого, вы останетесь источником этого. Но это может быть запущено: я могу действовать как катализатор.

Эти несколько дней, проведенные с Хакимом Санаи, могут преобразить вашу жизнь. Вы будете здесь с одним из величайших из когда-либо бывших здесь людей — людей такой величины как Будда, Иисус и Магомет.

Но помните: во первых — истина не есть традиция. Если вы верите в традицию, вы никогда не узнаете, что есть истина. Традиция — это верование, она заимствована; это знание, но, не опыт. Традиция — это писание, философия, много слов — слова о словах. Это огромные джунгли теорий, и вы можете очень легко заблудиться в них. Ум готов попасть в ловушку.

Поскольку истина не традиция, к ней нельзя подойти через ум. Ум — это традиция, ум живет прошлым. Ум всегда стар; ум никогда не оригинален, он никогда не нов, он никогда не свеж, он никогда не юн, он никогда не жив. Ум есть не что иное, как накопленное прошлое; все, что вы узнали прошлым, записано внутри вас. Это не реальность этого мгновения. Ум — это традиция.

Поэтому, если кто-то говорит, что он индуист, или христианин, или джайн, или мусульманин, он говорит, что он не религиозен. Он говорит, что он принадлежит к прошлому, не к настоящему. Он говорит, что он принадлежит уму, а не сознанию.

Сознание всегда здесь и сейчас: оно не знает прошлого, оно не знает будущего. И это красота сознания — оно медитативно. Ум — это процесс мышления, череда воспоминаний, образов, мечтаний, проекций. Сознание — это чистота, зеркало, которое просто отражает реальность как она есть.

Все системы верований должны быть отброшены, только тогда вы можете быть суфием. А быть суфием — это самое величайшее, что может случиться с человеком.

Мистическое единство

Никто другой, кроме человека, не может быть обманут словами; никто, кроме человека, вообще не может быть обманут.

Я слышал:

У Мерлин был ручной любимый попугай, но попугай смущал ее всякий раз, когда она приходила в квартиру с мужчиной. Он кричал разные непристойности, и первой всегда было: «Кто-то это сегодня получит! Кто-то это сегодня получит!»

В отчаянии Мерлин пошла в зоомагазин и объяснила его владельцу проблему со своим попугаем.

«Мне кажется, вам нужна самка попугая. У меня сейчас ее нет, но я закажу одну для вас. А пока я могу предложить вам самку совы, пока не придет самка попугая».

Мерлин взяла клетку с совой и поставила ее около своего попугая. Сразу же стало ясно, что попугаю она безразлична. Он просто посмотрел на нее.

Этим вечером, придя со своим другом домой, Мерлин не нервничала как обычно, открывая дверь. И вдруг она услышала зловеющий крик попугая и поняла, что все осталось по-старому.

«Кто-то это сегодня получит! Кто-то это сегодня получит!» — сказал попугай.

Сова сказала: «Ктооооо? Ктооооо?»

А попугай ответил: «Не ты, лупоглазая сукина дочь!»

Только человек может быть обманут. Вы не можете обмануть даже попугая, но пандиты обмануты быть могут и они обманываются. Пандиты — большие попугаи, чем сами попугаи.

Остерегайтесь. Ваш ум готов попасть в любую ловушку из слов. Он может создавать прекрасные теории, философии; он может продолжать производить великие системы мысли — все воображаемые.

Истина не имеет ничего общего с вашим воображением. Она так же не имеет ничего общего с вашим вмешательством, вашим воображением. Истина уже здесь: истина есть. Вам нужно не искать ее но быть доступными, открытыми и пустыми как зеркало, так что бы вы могли отражать то, что есть. Истина окружает вас; истина внутри и снаружи. Есть лишь истина. Вам не нужно куда-то идти в Каабу или в Каши. Вам не нужно даже выходить из комнаты, вам не нужно даже выходить из вашего тела, вам не нужно никуда идти.

На пути вздохов

Сидя в молчании, ничего не делая, весна приходит и трава растет сама по себе.

Просто сидите молчаливо в своей комнате, когда вы пусты, и она раскрывается.

Она была открыта Магомету, когда он был предельно молчалив и пуст, она была открыта Санаи, когда он был молчалив и пуст, она была открыта Махавире, когда он был молчалив и пуст. Быть пустым — это быть религиозным.

Но вы так полны знаний, вы так полны ненужным багажом, ваш ум находится в постоянной болтовне. Вы можете назвать это Ведами, или вы можете назвать это Кораном, это несущественно. Пока вы не пусты, Веды не случатся с вами, Коран не изольется на вас. Пока вы не пусты, вы не соприкоснетесь с истиной — а истина есть другое имя Бога. Я использую слово «истина», чтобы атеисты не обиделись, но истина и Бог — синонимы, они взаимозаменяемы, они обозначают одно и то же.

Тогда что такое истина, если она не традиция? Это революция, это обращение во внутрь. Традиция смотрит назад, традиция смотрит на других, традиция хочет чтобы что-то было дано вам. Революция смотрит внутрь. Вам не нужно ничего давать ни из какого источника; вы уже получили это, это уже есть. Просто обратитесь во внутрь, просто посмотрите во внутрь, ждите, наблюдайте, идите во внутрь к самому сердцу своего бытия.

Суфизм — это внутреннее путешествие. Когда я говорю «революция», я не имею в виду политическую революцию. Политические революции — вообще не революции; они просто заменяют одно рабство другим. Единственная возможная революция — религиозная. Есть лишь одна революция — уйти от традиций и повернуть внутрь, к источнику собственного бытия.

Знать «кто я?» есть единственный революционный шаг — первый и последний, альфа и омега.

Вот значение того, что вы стали суфием или стали саньясином. «Саньясин» — это мое название для суфия — тот, кто пресытился внешним миром, тот кто познал его огорчения, тот, кто познал его полную тщетность, тот, кто познал все его тревоги и беспокойство и готов жить глубоко в себе, чтобы узнать «кто я?» Потому что пока человек не познает себя, все знания бесполезны.

Самое главное фундаментальное в том, чтобы осознать суть своего бытия. И это чудо — осознать его, потому что в сердце-

Мистическое единство

вине вашего существа вы всегда чисты, невинны, всегда непорочны, всегда целомудренны. В самой сердцевине вашего существа вы никогда не покидали райского сада, вы все еще в раю.

Таково название книги Хакима Санаи: «The Hadiqa». Оно означает «Сад» — Сад Бога, рай.

Где этот рай? Есть глупцы, которые ищут сад Эдема. Некоторые думают, что он был в Вавилоне, некоторые думают, что он был на континенте атлантов, который ушел под воду — там ищут. Это полная глупость.

Сад существует *в вас*. Адам не изгонялся из сада Эдема, он заснул. «Первородный грех» просто означает, что вы забыли, кто вы есть. Адам стал способен познавать и потерял чистоту сознания.

Вот в чем значение притчи о Древе Познания. Адам вкусил от Древа Познания — вот первородный грех. Взгляните на красоту притчи: знание — первородный грех, стать познающим — выпасть из благодати. Тогда, как достичь ее вновь? Отбросьте ваши знания, станьте снова невинными. Будьте снова детьми, и вы сможете войти в сад Эдема.

Адам стал познающим, Христос стал невинным. Становясь познающим, Адам идет во внешнее, становится жертвой философий, систем веры, теорий, слов. Иисус отбросил все традиции; вот почему евреи были так злы на него. Евреи — самый традиционный народ, они были разгневаны, потому что он был революционером. Он вышел — он просто отбросил все знания всех старых раввинов — и стал невинен. Но когда он стал невинен, он снова вошел в то первоначальное состояние Адама, перед тем, как тот съел плод с дерева познания.

Я слышал вот что :

Два университетских профессора прогуливаются вокруг университета. Они оба известные историки и выражают свое уважение к Иисусу. Когда они расстаются, один говорит задумчиво: «Ты знаешь, он действительно был хорошим парнем, но он не издавался».

Профессор, пандит, человек полный знаний, ученый не имеет понятия о внутреннем опыте. Он знает лишь мусор так называемой, исследовательской работы, он знает лишь слова.

На пути вздохов

Те слова пусты, они ничего не содержат, они бессмысленны — поскольку смысл возникает только из вашего собственного опыта.

Суфизм — это эксперимент в экзистенциальном опыте. Это не философия; скорее о нем можно думать, как о лестнице. Вы не соглашаетесь с лестницей и не верите в нее так же. Вы поднимаетесь по ней, а если она ломается, вы берете новую. Поэтому относиться к суфизму, как к системе, в которую надо верить, или привязываться к ней — есть упустить всю суть. Это лестница, не система веры. Используйте ее, поднимайтесь по ней, и идите дальше за ее пределы. Это лодка.

Будда называет свою систему «плот» — вот что такое суфизм. Используйте это, чтобы идти к другому берегу, к удаленному берегу, а потом полностью забудьте о нем. Истина, в которую верят есть ложь, истина, которую заимствуют есть ложь. Моя истина не может быть вашей истиной; в момент, когда моя истина достигает вас, она больше не та же самая. Со мной, во мне, она имела смысл моего переживания, опыта. Когда она идет к вам, вас достигают только слова — пустые, бессодержательные. Вы можете привязаться к этим словам, вы можете очень сильно верить в них, и вы потеряете.

Это самое основное, что нужно запомнить, суфизм — практическая наука, он прагматичен. Он не зависит от философствования, спекуляции и предположений; он указывает прямо на экзистенциальный опыт.

Вы можете много знать о любви. Вы можете пойти и посмотреть в библиотеках, вы можете посмотреть в Британской энциклопедии, и вы многое узнаете о ней. Но это будет о любви — это не будет любовью. Чтобы узнать любовь, вы должны влюбиться; нет другого, более краткого пути.

Двое итальянцев разговаривали в Риме, когда наверху пролетел самолет, и один сказал другому: «На борту этого самолета Папа Римский».

«Нет, — сказал другой, — он в южной Италии, на летнем отдыхе».

«Нет, он на борту этого самолета» — сказал первый.

Слово за слово, и вскоре было заключено пари на несколько тысяч лир на то, находится или нет Папа Римский на борту са-

Мистическое единство

молета. Двое мужчин поспешили в аэропорт как раз вовремя, чтобы увидеть, как Папа Римский выходит из самолета.

Проигравший пари повернулся к своему другу и сказал: «Скажи мне, Тони, как ты мог утверждать, что в шести тысячах метров над тобой, на борту самолета находится Папа Римский?»

«Это легко, — сказал он. — На нем так четко было написано: «Т. В. П.»

«Что это значит?»

«Только для высоких персон».

Иногда ваша догадка даже может сработать, но все же это никогда не истина. Истина должна быть пережита.

Вы догадываетесь о Боге, вы спорите о Боге, рассуждаете о Боге, боретесь из-за Бога. И не остается времени чтобы ощутить его.

Когда вы здесь со мной, всегда помните : мы не интересуемся предположениями, мы заинтересованы чтобы в самом деле войти в это. А когда переживание возможно, зачем спорить о нем? Зачем ходить вокруг да около? Почему бы не проникнуть в самую сердцевину? Вы можете ходить вокруг да около веками и вы никогда никуда не придете. А вы можете прийти прямо сейчас, в это самое мгновение, если вы идете во внутрь.

Все эти сутры «Хадики» просто готовят вас к совершению внутреннего скачка, внутреннего прыжка.

Суфизм — это попытка разморозить процесс мышления, сделать его более мягким и убрать ограничения. Суфизм критикует, растворяет и перешагивает через все предрассудки, растворяя все жесткое и ограничивающие структуры мышления. Суфизм — это расслабление в вашем собственном «Я»; это отпущение.

Когда все предрассудки отброшены, все концепции отвергнуты, все писания сожжены, все традиции отброшены, тогда вы невинны, вы незагрязнены. В этой чистоте настоящего момента восходит солнце.

Именно с этой точки, человек начинает становится подлинным человеком. Именно отсюда он начинает идти за пределы человечества; он начинает выходить за пределы обычного человека. Настоящий рост не знает пределов. Вы содержите в себе

На пути вздохов

что-то бесконечное, что-то океаническое — и пока вы не познали это, не будьте удовлетворены, не будьте довольны. Эта самоудовлетворенность будет самоубийственна.

Я вижу миллионы людей: они все мертвы, они совершили самоубийство, потому что они стали самоудовлетворенными — и заполненными ерундой, заполненными ничем.

Никогда не будьте удовлетворены, пока вы не узнали ваше внутреннее бытие, пока вы не пришли в свой внутренний храм. Оставайтесь неудовлетворенными. Суфии называют это «божественной ненаполненностью».

Тейяр де Шарден говорит: «Самая подлинная часть жизни есть страсть роста».

Да, будьте страстно увлечены вашим собственным ростом. Никогда не допускайте ни единого дня без роста, иначе вы останетесь семенем и вы никогда не узнаете красот существования цветка. Весна придет и уйдет, а вы останетесь мертвы.

Миллионы людей мертвы. Они ходят, они разговаривают, они делают свою работу, но все это механично, совершенно механично. Они ходят в каком-то сне, они сомнамбулы.

Один мужчина отвез свою жену на спектакль на Бродвее. Во время антракта после первого действия он мучительно хотел сходить в туалет. Он поспешил в фойе театра и долго напрасно искал мужскую комнату.

В конце концов он наткнулся на фонтан, окруженный зарослями. Он понял, что заблудился за кулисами. Убедившись, что вокруг никого нет, в отчаянии он расстегнул свои брюки и помочился в фонтан.

Он с трудом нашел обратную дорогу в зал, и к тому времени, как он сел рядом со своей женой, занавес был поднят и актеры двигались по сцене.

«Я много пропустил во втором действии?» — прошептал он.

«Пропустил? — сказала она. — Ты же в нем участвовал!»

Но это — ситуация. Люди двигаются бессознательно, механически, неосознанно; они не знают, что они делают. Как могут они знать, что делают, ведь они не знают, кто они сами. Если вы не знаете своего существа, вы не можете осознавать свои действия; это невозможно. Сначала человек должен осознавать

Мистическое единство

свое существо — а это и есть рост. Расти вовнутрь есть рост, достичь внутреннего есть рост.

Сутры:

Друг мой, все существующее
существует через него;
твое собственное существование — просто подделка.
Нет большего вздора! Утратить себя,
и ад твоего сердца превращается в небеса.
Утратить себя, и что-то может быть завершено.
Твое эго это необученный жеребенок.

Первое, помните, Хаким Санаи обращается к вам «Мой друг». Это отношение всех великих мастеров. Ученик думает, что мастер очень-очень далеко — и со стороны ученика это истина, потому что ученик крепко спит. Мастер в его сне — далекая звезда.

Но не так со стороны мастера. Мастер знает, что вы можете спать, но вы — Будда, вы можете спать, но вы — Бог. Ученик может не знать, что он Бог, но мастер знает это. Мгновение, когда он знает себя, должно быть божественным, он знает, что все существование должно быть божественным. Со стороны мастера, никто не является учеником, все — учителя. Некоторые спят, некоторые бодрствуют; различие только в этом. Со стороны мастера, это только вопрос времени: завтра, или послезавтра, или кто знает — даже сегодня вы можете стать просветленным.

Возможность есть. С точки зрения семени, цветок далеко. Но цветок знает, что семя содержит цветы, бесконечные цветы. Со стороны цветка, семя — друг.

А если вы находите мастера, который не думает в этих терминах, тогда запомните очень хорошо — он еще не мастер. Если он думает, что вы грешники, если он думает, что вы падшие души, тогда он еще не мастер; он не пришел к осознанию своей собственной реальности.

Будда заметил: «В день, когда я стал просветленным, все существование стало просветленным во мне — все деревья, все камни».

На пути вздохов

Хаким Санаи говорит:

Друг мой, все существующее
существует через него...

Бог — это единственная реальность — или назовите его истиной, или природой, или дао, или всем, чем бы вы ни назвали. Имена несущественны. Не продолжайте бороться из-за имен; X-Y-Z, любое подойдет. Просто помните одно — что-то здесь, удивительное настоящее, которое окружает все, которое пронизывает все.

Суфии говорят: Бог содержит все вещи, как абсолютный максимум. Несомненно, это определение Бога: тот, кто содержит все. Он есть свое свертывание и свое развертывание. Бог — в семени, Бог — в цветке; в семени скрытый, в цветке проявленный. Бог в грешнике и в святом — в грешнике спящий, в святом бодрствующий. Но все есть Бог: Бог равноценен существованию.

Христианские мистики используют два слова: одно — компликацию, оно означает свертывание. Бог это complicatio, свертывание, и explicatio, развертывание. Это два движения Бога: свертывание и проявление. Каждое семя становится цветком, а потом, в свою очередь, цветок становится семенем, и круг замкнут.

Подобно тому, как каждую ночь вы засыпаете, а утром вы просыпаетесь снова, так и Бог — в природе спящий, в Буддах бодрствующий. Просто поймите — это великое освобождение. Внезапно вы самодостаточны; внезапно вы больше не осужденное существо. Внезапно вы необходимая часть существования; вы не случайны, вы принимаете участие в божественном труде своим собственным способом. Вы нуждаетесь в Боге, Бог нуждается в вас; вы не ненужные.

В этом столетии миллионы людей чувствуют свою ненужность, потому что Бог исчез из их жизней. А это одна из фундаментальных потребностей — быть нужным. Если вы чувствуете нужность, вы чувствуете достоинство. Если вы чувствуете ненужность, вы чувствуете никудышность, вы чувствуете себя похожим на грязь.

Вот почему мужчины женятся — потому что всегда будет женщина которой они нужны. Мужья не любят, когда их жены

Мистическое единство

работают, потому что тогда они меньше нужны, тогда они менее достойны. Мужья любят, чтобы их жены постоянно нуждались в них; это дает им достоинство, чувство важности.

Жена также, своим собственным способом, делает мужа предельно зависимым; без нее он не будет способен существовать. Даже если она уходит на один день, ее муж словно потерянный. Он не может найти вещь в своем собственном доме; он начинает понимать, что без жены невозможно существовать. Тогда они оба приносят в мир детей, и оба счастливы, потому что дети нуждаются в них чрезвычайно, абсолютно.

Вот почему люди любят детей — они беспомощны, они зависимы. Но рано или поздно дети пойдут своим собственным путем. И это одна из проблем в мире: когда дети пошли своим собственным путем и они обзавелись своими собственными семьями, тогда старики, пожилые люди, начинают чувствовать ненужность — они никому не нужны.

Это психологическая истина, что, раз человек начинает чувствовать, что он не нужен, он начинает совершать самоубийство, психологическое самоубийство. Он умирает на десять лет раньше. Когда он уволен со своей работы, он начинает уменьшаться — он не нужен более. Он был начальником и так много людей шумело вокруг него; он делал что-то необходимое для общества. Это дело ушло. Теперь, если он умрет, для мира будет все равно, он будет продолжать существовать таким как он есть.

Дети вырастают, они уходят жить своей собственной жизнью, и старики просто чувствуют себя оставленными. Они начинают медленно умирать, уменьшаться. Они были здоровы, когда они работали на своей работе, когда они были нужны, они были здоровы. Но теперь внезапно что-то исчезает; исчезает земля под их ногами, они не нужны более.

Мы создаем произвольные потребности. Но человек, у которого есть ощущение, что «Бог существует, и я необходим Богу», никогда не чувствует никчемность — никогда. До последнего мгновения, до последнего дуновения жизни он действует, служит чему-то высшему, чем он сам. Он знает о существовании чего-то большего чем он сам, и из этого существования появляется смысл.

Смысл всегда есть только в определенном контексте, содержании. Одно слово бессмысленно; когда оно включено в

На пути вздохов

стихотворение, оно имеет безмерное значение: теперь у него есть контекст. Краска в тюбике бессмысленна; когда она покрывает холст и становится частью картины, она больше, чем краска, она имеет контекст, внезапно появляется смысл.

Рассказывают, что однажды очень богатый человек попросил Пабло Пикассо сделать его портрет. Пикассо сказал: «Это будет очень дорого стоить». Человек был так богат, он сказал: «Не беспокойтесь об этом. Вам не нужно даже говорить об издержках, деньги несущественны. Сделайте мой портрет, а все, что вы потребуете, я дам».

Через шесть месяцев портрет был готов. Богач пришел, но запрошенная цена была фантастична: один миллион долларов, просто за маленький холст и несколько красок! Богач сказал: «Ты шутишь? Просто за несколько красок и холст?»

Пикассо сказал: «Хорошо, тогда ты можешь взять пустой холст и несколько тюбиков, наполненных краской, и ты можешь заплатить столько, сколько хочешь».

Богач сказал: «Но это не то же самое».

Пикассо сказал: «Вот что я пытаюсь донести до вас. Я создал содержание, я создал структуру, образ. И никто другой не может создать это, отсюда и цена. Это — картина Пикассо: никто другой не может сделать ее так же, как я сделал ее, это моя подпись на ней. Созвучие красок, музыка красок, поэзия красок — эта вещь. Я прошу цену не за краски, а за то, что было выражено через краски».

Настоящая картина не есть просто полная сумма красок, она большее — и это «большее» есть значение, смысл. Настоящая жизнь не есть полная сумма того, что вы делаете; пока нет чего-то большего этого, вы живете ненастоящей жизнью. Это «большее» — Бог. Эта поэзия — Бог, эта музыка — Бог, то что окружает и затопляет вас.

Люди приходят ко мне и спрашивают: «Где Бог?» Это не вопрос «где»; Бог есть смысл, не человек. Я не могу указать: «Там — идите туда, и вы найдете его». У Бога нет адреса, Бог не может быть обнаружен, он есть смысл. Вы должны создать смысл в вашей жизни, тогда Бог здесь. Бог должен быть создан.

И начало сотворения Бога — начинать становиться все более и более чувствительными к существованию, что окружает вас. Деревья, камни, звезды, земля — вы окружены великой

Мистическое единство

поэзией. Но вы остаетесь отделены, и поэтому, вы продолжаете упускать ее.

Друг мой, все существующее
существует через него;
твое собственное существование — просто подделка.

Если вы живете, отдельно, если вы думаете: «Я отделен», если вы живете как эго, тогда ваше существование — подделка. Тогда ваше существование останется бессмысленным. Тогда вы никогда не узнаете славы и величия жизни; вы никогда не узнаете великолепия, что всегда было доступно вам, но вы продолжали упускать.

Если вы существуете как отдельный индивид, вы создали вокруг себя стену, вы стали островом. А нет человека-острова, мы — части бесконечного континента: этот континент — Бог. Мы части океана. В мгновение, когда вы осознаете это, что мы части океана, ваша жизнь начинает приобретать контекст, больший, чем вы, выше, чем вы. В этом контексте начало смысла — а смысл есть Бог.

Нет большего вздора! — говорит Санаи. — Утрать себя,
и ад твоего сердца превращается в небеса.

Достаточно просто одного шага: утратьте себя. Не существойте как «Я», не продолжайте провозглашать себя как эго. Отбросьте эго, и внезапно, немедленно, тотчас же ад вашей жизни превращается в небеса. Страдание исчезает.

Страдание — побочный продукт вашей отделенности. Блаженство это тень возвращения в единство: *unio mystica*. Когда вы снова начинаете чувствовать себя подобно волне в океане, страдание не может существовать. Что есть страдание? Страх смерти. Но вы можете умереть, только если вы отделены, вы не можете умереть, если вы не отделены.

Если волна думает: «Я отдельна от океана», она собирается умереть; она останется испуганной, дрожащей. Если она знает, что она часть океана, она не умрет. Она вернется к источнику, она снова вернется; она уйдет, она придет, она возникнет, она исчезнет, но она не может умереть.

На пути вздохов

Рождение это появление, смерть это исчезновение. Но рождение не является началом, а смерть это не конец: океан продолжается. Наполненность этим океаническим чувством есть медитация, молитва.

Утратить себя и все может быть завершено.

Тогда невозможное возможно, потому что нет ничего невозможного для Бога. Мы напрасно стали такими ограниченными, маленькими; мы стали земными. Мы утратили наше собственное наследство, мы не осознаем всех красот, что мы сохраним, и всего потенциала, который внутренне присутствует в нас.

Твой эгоизм — необученный жеребенок.

Ваше эго — не что иное, как ваша неосознанность, ваш недостаток дисциплины. Создайте внутреннюю дисциплину, небольшую тренировку в осознанности, и ваш эгоизм исчезнет, потому что ваше эго исчезнет.

И когда эго не будет, тогда возникает подлинное, высшее эго. Вы исчезаете как волна, вы появляетесь как океан. Это освобождение.

Признайте высшее эго, которое не является простым эго. Индусские мистики называли это *атман*. Будда дал этому полностью другое имя, не только другое, но диаметрально противоположное: он назвал это *анатта*, не-я.

Эго — это не-я, потому что в ней нет эго. Быть эго — значит выпасть из вашей реальности — первородный грех. Высшее эго это не эго; оно персонально. Это заблуждение — говорить «мое эго». Высшее эго универсально. В мгновение, когда вы говорите «мое эго», вы утратили тропу всеобщего и вы уменьшились. Теперь вы почувствуете удушье; вы сами создали себе удушье.

Эго, подлинное, высшее эго, превышает всякой личности, определения, формы, процесса, места. Но все они возникают в нем и разрешаются в нем — это океан. Эго — это пространство, в котором все появляется и исчезает. Это пространство должно быть найдено в вас самих. Не отождествляйтесь ни с каким содержанием, иначе появляется эго.

Мистическое единство

Например, вас окружает печаль. Вы немедленно начали отождествляться, вы говорите: «Я печален». Это глупо, неразумно, вы не осознаете, вы не знаете, что вы говорите. Вы не печаль, вы — свидетель. Печаль здесь, но вы отделены от нее; вы — знаете ее.

Говорите: «Я вижу печаль, окружающую меня», но не говорите «Я печален». Гнев здесь, но не говорите «Я — гнев» или «Я сержусь». Просто скажите: «Здесь гнев, я могу видеть его здесь». Гнев — это содержимое вашего сознания, это не само сознание. Сознание — это пространство, свидетельствующее пространство.

Это революция, если вы забываете содержимое и вспоминаете сознание. Две вещи постоянно происходят в вас: содержимое и сознание. Мысль движется через ваш ум и вы становитесь отождествленными с ней; вы говорите: «Я есть это». Если вы голодны, вы говорите: «Я голоден». Пожалуйста, будьте немножко осознаннее: скажите «Я наблюдаю, я свидетельствую, что мое тело чувствует голод».

Когда вы хорошо поели и вы чувствуете сытость, не говорите «Я сыт». Снова, помните. Из-за нашего невежества мы также создали и неверный тип языка. Мы говорим «Я сыт». Вы никогда не были голодны и вы никогда не были сытыми. Голод был содержимым, как и насыщение. Печаль была содержимым, как и радость.

Эту полноту ума суфии называют *зикр*, вспоминание. Будда назвал это «полнотой ума, правильным осознанием».

Просто продолжайте отсекайте себя от содержимого. Постепенно мост разрушен. В день, когда вы осознаете, что вы никогда не являетесь содержимым, но всегда сознанием, вы достигли дома.

Английское слово «созерцание» (*contemplation*) очень красиво; оно происходит от корня «tem». «Тем» означает «отсекать». От того же самого корня происходит «temple» (храм); это так же прекрасно. Temple означает то, что отсекает вас от мира, а «contemplation» означает процесс отсечения вас от ума, от содержимого. Отождествление — это ловушка: вы стали Адамом, вы изгнаны. Через разотождествление, отсечение себя от ума и его содержимого, вы становитесь Христом. Вы больше не изгнанник, началось внутреннее путешествие. Адам повернулся к источнику, возвращается домой.

На пути вздохов

Эго возникает из-за отождествления, обычное эго возникает из-за отождествления. Высшее эго возникает из-за разотождествления. И в этом — все искусство религии.

Ты то, что ты есть:
отсюда твои любовь и ненависть;
ты то, что ты есть:
отсюда вера и безверие.

Прямо сейчас вы двойственны: ваше сознание и его содержимое. Вы разделены между этими двумя. Поэтому во всей вашей жизни имеется двойственность. Вы любите одного и того же человека и вы ненавидите одного и того же человека: вы верите и вы не верите. А они идут вместе — вера и безверие, любовь и ненависть, гнев и сострадание, счастье и несчастье, это две стороны одной и той же медали. Поскольку Вы двойственны, каждое ваше действие будет двойственным, дуальным. И в этой двойственности — страдание, поскольку в двойственности имеется напряжение.

Вы всегда растерзаны. Вы любите женщину, и вы ненавидите ту же самую женщину. Вот почему пары постоянно ссорятся. Это что-то, что должно быть понято. Почему пары продолжают постоянно ссориться? Они любят, они определенно любят, но почему они ненавидят? Это остается тайной, если вы не понимаете двойственности человека. Он двойственен во всем. Пока вы не разотождествились с умом, вы никогда не станете недвойственными.

Вот почему я говорю, что только тот, кто достиг, может любить. и он может любить без ненависти. В его любви совсем не будет ненависти, его пламя будет бездымным. Ваше пламя не может быть бездымным, у вашей любви будет дым — ваша любовь останется отравленной ненавистью. Ваша вера не что иное, как скрытое безверие; за вашей верой всегда есть сомнение. Вы говорите: «Я верю в Бога» — но просто поищите немножко глубже, и вы увидите, что сомнение есть.

Когда человек это чистое сознание, нет ни веры, ни безверия. Это состояние называется доверием; ни сомнение, ни вера.

Мистическое единство

Один человек, профессор философии, пришел к Шри Ауробиндо и спросил его: «Верите ли вы в Бога?» И Ауробиндо сказал: «Нет, совсем нет».

Философ был очень озадачен и смущен. Он приехал из отдаленного места, чтобы увидеть этого человека, думая, что он узнал Бога. И этот человек здесь, и он говорит: «Я даже *не верю* в Бога». Философ спросил: «Что вы сказали? Вы не верите в Бога?»

Ауробиндо сказал: «Да — я не могу верить в Бога, поскольку я знаю его».

Когда вы знаете, вы знаете; это не вопрос веры. Вера — из невежества, безверие — из сомнения. Если вы спросите меня, я не могу сказать, что я верю в Бога: я знаю.

Вы не верите в солнце, вы *знаете*. Верите ли вы в этот день? Если кто-то верит, это только покажет, что он слеп. Человеку, имеющему глаза, не нужно верить, что это день — он есть! Только слепец может верить, что день есть.

Когда сознание не загроузено никаким содержимым, движущимся вокруг вас, когда ваше внутреннее пространство чисто — оно всегда чисто, вы просто должны осознать факт — внезапно вся двойственность исчезает. А вместе с двойственностью исчезает и ад.

Ад не что иное, как двойственность. Любить одного и того же человека и ненавидеть того же самого человека это ад, верить в Бога и сомневаться в Боге — ад. Вы двигаетесь в диаметрально противоположных направлениях, вы распадаетесь надвое. Это чудо, как вы вообще продолжаете удерживать себя вместе, почему вы не падаете со стены, как Шалтай-Болтай.

Надежда и страх управляют судьбой на твоем пути;
утратить себя, и их не будет больше.

Санаи говорит: Надежда и страх — две стороны одной монеты. Если вы надеетесь, всегда будет присутствовать страх. Надежда — следствие страха, она не против страха. Вы надеетесь, что завтра что-то придет, случится, что-то великое, на что вы всегда надеялись. Теперь, можете ли вы не бояться? Это может случиться, это может не случиться; вы можете быть способны сделать это, вы можете быть неспособны сделать это.

На пути вздохов

Это всегда вопрос «быть или не быть», это всегда неясность, и есть страх.

Будда говорит: Отбросьте надежду. А когда он впервые сказал ученику: «Отбрось надежду», ученик был озадачен. Он сказал: «Если я отбрасываю надежду, тогда все потеряно! Поскольку есть надежда, я живу из-за нее и ради нее».

Будда сказал: «Не беспокойся — отбрось надежду!» И вы будете удивлены, поскольку в мгновение, когда вы отбрасываете надежду, исчезает страх. А когда нет ни надежды, ни страха, человек слитен; разделение отсутствует.

Разделение это ад. Стать слитным это небеса — стать кристаллизованным, быть единым: одним куском, одним целым, одним единством; нет даже объединения, есть единство. Помните, объединение не есть единство, это соглашение: в вас имеется много частей, и все они договорились жить в сосуществовании, они решили не бороться. Это и есть союз — но борьба может разразиться в любой момент.

Индуисты и мусульмане тихо жили в Аллигархии в течение стольких лет; это было объединение. Потом однажды, что-то, какой-то вздор, и союз исчез. Индуисты и мусульмане жили вместе в этой стране так долго; это был союз, и теперь он закончился. Теперь здесь две страны, Индия и Пакистан. Потом Пакистан разделился на две страны, Бангладеш и Пакистан.

Это всё союзы. Единство означает, что все малые части исчезли и появилось Высшее Я. Теперь нет даже возможности когда-либо разделиться снова.

Какая разница в доме его
между исламом и христианством,
добродетельным и грешным?
В доме его все — искатели,
а он цель.

Медитируйте над этими прекрасными словами Санаи. В доме его никто не христианин, или мусульманин, или индус, или буддист. В доме его вы — любящий, а он — возлюбленный. В доме его вы — искатель, а он — цель. В доме его вы — река, а он — океан.

А когда Ганг исчезает в океане, считаете ли вы, что океан принимает Ганг по-другому, нежели он принимает другие реки?

Мистическое единство

Океан даже не знает имени — кто Ганг, кто Брахмапутра, кто Волга, кто Амазонка. Когда река исчезает в океане, она утрачивает все имена, все формы.

Вот почему я повторяю снова и снова, что действительно религиозный человек не может быть мусульманином, не может быть индусом, не может быть джайном, не может быть сикхом. Действительно религиозный человек это лишь любящий, искатель. Он не может отождествляться ни с какой церковью; он не может носить никаких названий.

Магомет — не мусульманин, не может им быть. И Христос не христианин, не может им быть. И Будда не буддист, он не может им быть.

И я говорю вам: Вы тоже не будьте индуистами, мусульманами, христианами, буддистами. Если вы становитесь буддистом, вы никогда не станете Буддой, запомните, а если вы становитесь мусульманином, вы никогда не будете Магометом. Если вы становитесь христианином, вы упустили возможность быть Христом — а быть Христом прекрасно, а быть Магометом — безобразно; это просто политика, и ничто иное. Это не имеет ничего общего с религией.

Послушайте этого великого суфия, Санаи:

Какая разница в доме его
между мусульманином и христианином,
добродетелью и грехом?

Он говорит: Здесь даже нет различия между грешником и святым. В доме его исчезают различия. Никто не грешник и никто не святой, никто не добродетелен и никто не виновен.

Вы не достигнете Бога добродетельными, поскольку это — эго. Чувствовать: «Я добродетелен» — это тончайшее эго — чувствовать про что-то, что «Я знаю, потому что я выучил Веды; я знаю, потому что я могу продекламировать Коран». Если вы пытаетесь достичь Бога как познающий, вы никогда не достигнете его; его двери останутся для вас закрытыми. Его двери могут открыться, только когда вы невинны. Когда вы ни добродетельны, ни грешны, когда вы ни знающие, ни невежественны, когда вы ни мужчина, ни женщина, ни черный, ни белый — только тогда.

На пути вздохов

Я слышал:

Однажды ночью негр постучал в дверь церкви. Конечно, днем он боялся: церковь принадлежала белым, они не пустили бы его. Но он знал священника, он был славный парень: может быть, ночью, когда никто не видел, он смог бы впустить его внутрь — он хотел помолиться в церкви.

Священник открыл дверь. Он *был* славным парнем — но быть славным парнем — это одно, а быть настоящим мужчиной — совершенно другое. Все эти славные формальности — просто подделка, фальшивка. Он говорил великие вещи, но когда этот негр постучал в дверь, и он открыл дверь, и негр сказал: «Не могли ли бы вы позволить мне войти? Я ничего никому не скажу, но я хочу помолиться Богу», священник был озадачен: что делать? У него была маска славного парня, очень религиозного, святого: из-за этой маски он не мог бы сказать «нет». Но глубоко внутри действительность была такова, что он, как никто другой, был сектантом, сторонником расовой сегрегации. Так что он в глубине не был готов позволить человеку войти — церковь могла бы быть осквернена, отравлена.

Итак, он нашел стратегию, технику, как избежать этой ситуации. Он сказал: «Да, ты можешь войти, но сначала ты должен стать чистым. Я дам тебе молитву: твори эту молитву, требуются годы, прежде чем человек становится чистым. Когда ты очистился, возвращайся и, если я увижу, что ты очистился, я пушу тебя внутрь».

Бедный человек поверил ему. Это была просто стратегия, как избежать ситуации, так что священнику нет нужды говорить «да» или «нет». И это был трюк. Если он когда-нибудь придет, вы всегда можете сказать: «Ты все еще не очистился: иди и твори молитву дальше».

Человек был прост: он ушел прочь и молился. Три недели, день и ночь, он молился. Даже когда он работал, он молился, молился.

К исходу третьей недели священник увидел его идущим к церкви, и он очень испугался, поскольку у человека была такая прекрасная аура. Он был так наполнен светом, что священник изумился. Он сказал: «Теперь это трудно — что я скажу? Он сделал это. Он идет как чистейший человек, которого я только

Мистическое единство

видел. У меня нет такой чистоты, у меня нет такой ауры. А этот человек идет полный света, излучая свет».

А когда человек подошел ближе, священник задрожал: «Теперь, если он спросит, я не смогу сказать «нет». Но я *должен* сказать «нет»!»

Но человек вообще не вошел. Он просто подошел к церкви поближе, засмеялся и ушел прочь.

Священник озадачился еще больше. Он побежал за человеком, взял его за руку: «В чем дело? Ты шел в церковь, не так ли?»

Он сказал: «Нет!»

«Тогда почему ты смеялся?»

Он сказал: «Я смеялся потому, что прошлой ночью Бог явился ко мне, и он сказал: «Человек, зачем ты стремишься войти в эту церковь? Я больше здесь не живу! И поверь мне, — продолжал он, — что они никогда не пустят тебя войти — потому что они не пускают даже меня!»

Церкви пусты, храмы пусты, мечети пусты. Бог не живет там более.

Бог существует без причины:

зачем ты ищешь причины?

Солнце истины восходит неожиданно,

и с ним закатывается луна учения.

«Бог существует без причины: зачем ты ищешь причин?» А люди продолжают спрашивать: «Как могу я достичь Бога? Как могу я сделать так, чтобы Бог случился со мной?» Бог не имеет причины. Он уже здесь: его не надо обуславливать, его даже не надо вызывать. Он был здесь прежде вас, существовавший всегда, и он будет здесь спустя много времени после того, как вы уйдете навсегда.

Бог *есть*. Не нужно аскетизма. Он не ставит перед вами условий: «Сначала ты должен поститься, тогда я приду». Это будет неправильный Бог, желающий, чтобы вы страдали от голода много-много дней, только тогда он придет. Это будет Бог-садист, желающий истязать людей: «Сначала стойте нагими на жарком солнце много лет, только тогда я приду».

На пути вздохов

Никакая мать не ведет так себя со своим ребенком. Никакая мать не требует от ребенка оставаться голодным в течение многих дней, только тогда она уделит ребенку свою любовь.

Бог — это matka, материя, мать. Бог — мать, из которой мы все возникаем и в которой мы все исчезаем. Бог есть любовь! Как может он требовать тех глупостей которые аскеты творили веками!

Суфизм не аскетичен. Бог желает, чтобы вы праздновали. Взгляните на его деревья, как зелены они и как насыщены. Взгляните на его розы, как красны они и как живы. Взгляните на его птиц в полете, взгляните на его звезды — все существование — танец, все существование это постоянное празднование. Почему он должен просить, чтобы мы стали грустными, усталыми и тоскливыми? Думаете ли вы, что он хочет, чтобы вы стали безобразными — истязали себя, насильовали себя, тогда вы будете способны вызвать его реакцию, тогда вы будете способны провоцировать его? Он не ставит условий, помните. Его любовь безусловна. Он уже полюбил вас, вот почему он создал вас. Ведь вопрос не в том, чтобы вызвать его, он явился вашей причиной. Тогда что должно быть сделано?

Солнце истины восходит неожиданно...

Вам не нужно звать его, вам не нужно побуждать его, вам не нужно даже готовиться для него. Все, что нужно — это чтобы вы стали разотождествленными с тем, чем вы не являетесь. Всякий раз, когда вы есть ваша реальность, ваша естественная реальность, Бог существует — поскольку это естество есть Бог. И в мгновение, когда вы разотождествлены со всем мусором ума, луна учения закатывается, и солнце мудрости восходит в вас.

Незванный, беспричинный, он приходит сам по себе. Бог — это происшествие, это не что-то, что вы должны делать. Вы должны допустить его, вот и все. Вы должны стать доступными, открытыми — и он начинает снисходить, он начинает воскресать, он окружает вас во всех закоулках и углах, он переполняет вас и он начинает изливаться из вас.

Это мое переживание, это может также быть и вашим переживанием. Санаи говорит, исходя из своего переживания; это не слова философа, это полные смысла сообщения мистика.

Мистическое единство

На этой стоянке, всего лишь на неделю,

быть — значит не быть,

а приходить — значит уходить.

Не становитесь слишком привязанными к вещам здесь, поскольку это только вопрос недели. Семь ли дней или семьдесят лет, это не имеет значения: скоро вы уйдете, и все, что вы собрали, будет утрачено. Вы пришли с пустыми руками, вы уйдете с пустыми руками. Можете ли вы жить с пустыми руками? Если вы можете жить с пустыми руками, Бог ваш.

И под жизнью с пустыми руками я не имею в виду, что вы должны идти в Гималаи. Это — только осознанность. Живите, как вы живете, просто измените отношение. Я не говорю отвергните мир; это *его* мир — если вы отвергаете его, вы оскорбляете Бога. Я не говорю отвергните вашу семью; это *его* семья — если вы отвергаете ее, вы плохо себя ведете по отношению к Богу.

Тогда что надо сделать? Живите в мире и все же не будьте его частью. Оставайтесь пустыми внутри, постоянно помня, что ваше сознание есть чистое зеркало. В этой осознанности слушается Бог. Бог — это происходящее.

И существует ли солнце

для пения петуха?

Что для него -

здесь ли ты или нет?

Многие пришли, подобно тебе,

в дом его.

И не хвалитесь вашей религиозностью. Не хвалитесь вашей дисциплиной, не хвалитесь, что вы сделали это для Бога и то для Бога. Любовь никогда не хвастает, любовь свершает деяния из чистой радости. Вы делайте то, что естественно для вас, из чистой радости этого. Если вы хотите рисовать, рисуйте; если вы хотите петь, пойте; если вы хотите ваять, ваяйте. Все, что, чувствуете вы, вы любите делать, делайте — но помните, вы не делатель, он делатель. Позвольте ему овладеть вами.

Вы — исчезните. Позвольте ему действовать через вас, и тогда каждое действие становится таким прекрасным, таким

На пути вздохов

неправдоподобно прекрасным, что вы не можете представить. Тогда все, что вы делаете — свято.

Ты не найдешь свой путь
на этой улице; если есть путь,
он на твоей дороге вздохов.
Все в тебе далеко
от пути посвящения:
иногда ты добродетелен,
иногда ты грешен:
поэтому ты надеешься на себя, боишься себя;
но когда твоя маска мудрости и глупости
наконец поблекнет, ты увидишь,
что надежда и страх — одно.

«Ты не хочешь найти свой путь на этой улице». Какая улица? Улица двойственности: улица надежды и страха, улица любви и ненависти, улица тьмы и света, улица индуиста и мусульманина. Вы не найдете Бога на этой улице; он не существует в двойственности. Он существует до двойственности, он случается перед разделением. Тогда где вы найдете его?

...если есть путь, — говорит Санаи, -
он на твоей дороге вздохов.

Слезы. Слезы любви, вздохи сердца. Это — не на улице головы, но на улице сердца. Суфизм предлагает пробудить сердце: станьте любящими и осознающими в своем сердце. Суфизм — это путь любви.

Все в тебе далеко
от пути посвящения...

Буддизм — путь размышления, медитации, дзен это медитация. Суфизм это путь любви, суфизм есть любовь. А есть только два пути, чтобы достичь его: или через медитацию, или через любовь. И оба они встречаются на вершине, оба они становятся одним на вершине. Если вы достигаете одного, другое

Мистическое единство

достигается просто как часть этого; это только вопрос расстановки ударений.

Если вы становитесь медитативными, вы удивитесь: после медитации приходит любовь сама по себе. Если вы любите, вы снова удивитесь: медитация, точно тень, приходит за ней.

Любовь это сердце медитации, медитация это сердце любви. Они вместе как два имени одного и того же явления. Подходы различны, но достигается одна и та же вершина, одна и та же высшая точка. Некоторые люди найдут легким следовать по пути медитации — несомненно, пятьдесят процентов людей в мире найдет легким следовать пути медитации: дзен это их путь. А пятьдесят процентов найдет любовь ближе своему существу: суфизм это их путь.

В настоящем мире, в разумном мире, будет только два пути, суфизм и дзен, а все остальные исчезнут. Все остальное бесполезно. Почему два? Потому что есть мужчины и есть женщины. И запомните, под «мужчинами» я не имею в виду биологических мужчин, поскольку есть женщины, которые психологически мужчины, и есть мужчины, которые психологически женщины. Я подразумеваю психологических мужчин и женщин. Есть мужчины, более способные к любви, чем иная женщина, но их мало. Есть некоторые женщины, более способные к медитации, чем иной мужчина, но их мало. Подавляющее большинство женщин должно будет следовать суфизму, а подавляющее большинство мужчин должно будет следовать дзен. Но это не может быть предопределено биологически; это совершенно другое. Вы должны наблюдать себя: то что кажется хорошо для вас, то что естественно, спонтанно, это и есть ваш путь.

У Санаи душа женщины. У всех суфиев душа женщины.

Все в тебе далеко
от пути посвящения:
иногда ты добродетелен,
иногда ты грешен...

Но никогда не посвященный. Не поможет ни добродетель, ни ваша греховность; это сохраняет вас разделенными.

Я слышал:

На пути вздохов

Человек был близок к совершению своего первого прыжка с парашютом и очень нервничал. Инструктор пытался убедить его, что ничего не может произойти, поскольку, во-первых, парашют раскрывается сам; а если он, что маловероятно, не раскроется, тогда был второй парашют, который он мог дернуть за веревку; и в-третьих, если не сработают оба, он должен был выкрикнуть три раза имя Дьявола.

Короче говоря, он прыгнул, первый парашют не раскрылся, второй не отреагировал, и в беспамятстве он заорал «Дьявол» три раза и, вполне очевидно, гигантская рука появилась под ним, мягко поднесла его к земле и усадила на землю. Он упал на колени и в молитвенной позе вскричал: «Благодарю, Боже!»

После чего гигантская рука протянулась сверху и раздавила его насмерть.

Бог или Дьявол, это снова та же самая двойственность, а двойственность раздавит вас. Добродетель или греховность, это та же самая двойственность, а двойственность раздавит вас. Бог — это не ваш Бог, поскольку ваш Бог есть что-то, что против Дьявола. Бог — это что-то, что превышает вашего Бога и Дьявола: Бог — трансцендентен, Бог и есть трансцендентность. Эта трансцендентность возможна, легка; она также и не труднодостижима. Позвольте мне снова напомнить вам: измените направление вашего сознания с содержания на сознание, с ума на пространство, в котором ум существует.

В небе есть облака: вы можете видеть облака, тогда вы забываете небо. Измените ваше направление: смотрите на небо и забудьте облака. Это приносит преобразование.

Небо — это ваше сознание, а ваши мысли, ваши желания — не что иное, как облака; они приходят и уходят. Они вообще не касаются вашего неба, ваше небо остается нетронутым. Вы чисты от века, и вы останетесь чисты в веках. Чистота — это ваша природа. Признать это, осознать это значит стать просветленным.

И храните жар неудовлетворенного горения. Пока вы не стали просветленными, не оставляйте неперевернутым ни одного камня. Вы должны стать тем, что вы есть, потому что только тогда есть блаженство, только тогда есть свобода, только тогда есть благословение.

Побеждая
Будду

12 декабря
1978 года

Первый вопрос:

Ошо, что я ищу?

Ева Пармита, человек — это поиск Себя — чего-то определенного в себе. Человек постоянно ищет утраченный рай: где-то глубоко в тайниках человеческого существа остается тоска по родине. Мы узнали что-то, что есть только далекая память. Память даже не осознаваема; мы утратили всякий след этого, где это. Но аромат продолжает распространяться.

Поэтому религия — не случайное явление. Она не исчезнет в мире; ни коммунизм, ни фашизм не могут заставить ее исчезнуть. Религия останется, потому что она очень нужна. Пока человек не превосходит человеческое, пока человек не становится Буддой, религия остается важной. Только для Будды религия не важна. Он достиг: и ему не нужен никакой поиск.

Пармита, нет различных поисков различных человеческих существ. Поиск единственен, он один, он всеобщ. Поиск Себя, высшего я. Человек хочет знать: «Кто я?», ибо все остальное вторично. Без знания себя все, что делает человек, бессмысленно. Пока я не знаю точно, кто я, вся моя жизнь останется бесполезной. Она не принесет насыщения, она не принесет цветения, она не принесет наполненности.

Первое, что необходимо сделать — самопознание. Но парадокс в том, что если вы начинаете искать себя, вы упустите Себя. Под «себя» я подразумеваю эго, процесс эго. Это ложная самость: поскольку мы не можем найти истину, мы начинаем создавать ложь, просто чтобы утешить себя. Это заменитель. Но заменитель никогда не может стать истиной, и заменитель становится рабством.

Истина освобождает. Замены истине создают тюрьмы. Эго — величайшая тюрьма из уже придуманных человеком; вы все чувствуете удушье, сдавленность. И ни кто-то другой делает это с вами: творящий это — вы. Вы сделали неверный шаг. Вместо того, чтобы искать, что это, вы стали это чем-то заменять — игрушкой, псевдо-вещью. Это может утешить вас, но это не может принести празднование в вашу жизнь. А все утешение —

Побеждая Будду

самоубийственно, поскольку пока вы остаетесь утешенными, время продолжает ускользать из ваших рук.

Высшее Я — это не эго. Высшее Я это точно не ваше эго: в нем нет идеи личного «Я», оно всеобщее. Все идеи возникают в нем, но оно не может быть отождествлено ни с какой из идей, возникающих в нем. Все идеи возникают в нем, все идеи растворяются в нем. Это — небо, то, где все проявляется, это пространство, в котором все происходит. Но пространство само по себе никогда не происходит — оно постоянно, оно всегда здесь, а поскольку оно всегда здесь, легко упустить его. Поскольку его здесь так много и оно всегда здесь, вы никогда не осознаете его присутствие.

Это как воздух: вы не осознаете его присутствие. Это как океан, окружающий рыбу: рыба никогда не осознает его. Это как давление воздуха: давление такое сильное, оно всегда было здесь, но вы не осознаете его. Это как гравитация: она так велика, но вы не осознаете ее. Это как бег земли с огромной скоростью вокруг солнца: земля — это космический корабль, но никто не осознает этого. Мы на борту космического корабля, и он движется с огромной скоростью. Все же мы не осознаем этого.

Осознанности нужны пустые места. Когда нет пустых мест, вы спите; вы не можете оставаться осознающими.

Если человек всегда был здоров, он не знает об этом. Осознанности нужно пустое место — иногда вы должны быть нездоровыми. Вы должны бы заболеть, тогда вы можете иметь ощущение здоровья. Если бы в мире не было тьмы и был только свет, никто никогда не смог бы узнать света; люди упустили бы его.

Вот как мы продолжаем упускать подлинное я — вы можете называть это Бог или нирвана, несущественно. У суфиев есть два прекрасных слова. Одно — *фана*: *фана* означает растворение эго, растворение ложного заменителя. И другое слово — *бака*: *бака* означает достижение, возникновение, подлинное Я.

Настоящая самость всеобща. Как найти ее? Она недалеко отсюда, так что вам не надо предпринимать к ней долгое путешествие. Она так близко, что никакого путешествия не нужно вообще. Она внутри вас. Прежде чем путешествовать, вы должны будете научиться тому, как молчаливо сидеть.

Мистическое единство

Вот что такое медитация во всей полноте — просто молчаливое сидение, неделание ничего. Мысли возникают: вы наблюдаете. Желания возникают: вы наблюдаете. Но вы остаетесь наблюдающим. Вы не становитесь жертвой желаний и мыслей, что возникают; вы остаетесь наблюдающим. Вы остаетесь основой всех основ, вы остаетесь местом, перед которым все возникает. Но место никогда не возникает перед самим собой — оно не может, это невозможно.

Зеркало не может отразить себя, глаза не могут видеть себя. Я не могу схватить мою руку той же самой рукой; это невозможно.

Это наиболее важная вещь, запомни, Пармита. Ты — наблюдающий и никогда — наблюдаемый, ты — видящий и никогда — видимое, ты — свидетель и никогда — свидетельствуемое. Ты — чистая субъективность. Ты никогда не возникаешь как объект — как можешь ты возникнуть как объект перед самим собой? Все, что возникает перед тобой — не ты.

Продолжайте исключать содержание. Продолжайте говорить: «*Нети нети*, я не это, я не то». Продолжайте исключать, и приходит момент, когда не осталось ничего, что можно исключить. Это чистое молчание: нет содержимого, что движется перед вами, зеркало отражает ничто. Это — мгновение, когда в вас возникает самопознание. Вы становитесь светящимися, вы становитесь просветленными.

Итак, эти несколько фундаментальных вещей нужно запомнить: истинное Я — не есть эго. Истинное Я не лично, оно всеобщее. Истинное Я — это пространство или контекст, в котором все «события» в жизни появляются, встречаются, возникают. Это экран жизни, но сам экран никогда не появляется на экране, он не может это. Все остальное на нем возникает, но сам он остается скрытым. Это — чистая субъективность.

Эта чистая субъективность есть окончательная цель всех ищущих. Но это кажется трудным. Мы так основательно стали отождествленными с содержанием. Итак, прежде чем искать настоящее, мы создали что-то ненастоящее, что легко. Искусственное всегда легко, вы можете изготовить его.

Ваше эго — изготовленное явление. А раз вы изготовили эго... Как эго изготавливается? «Я индус»: и вы на пути создания эго. «Я прекрасен, я разумен, я то, я се» — вы приносите все больше и больше кирпичей, строя тюрьму, называемую эго.

Побеждая Будду

И это то, что мы продолжаем делать всю нашу жизнь. Зарабатывайте больше денег, имейте большой банковский счет, и ваше эго почувствует большую основательность, большую поддержку, большую безопасность. Станьте знаменитыми: чем больше людей знают о вас, тем больше вы будете думать, что вы есть.

Отсюда постоянный поиск внимания. Если никто не платит вам вниманием, вы сводитесь к ничтожеству. Если вы идете по улице и никто не говорит «привет», люди продолжают идти мимо, даже не обращая на вас никакого внимания, внезапно вы начинаете чувствовать, что земля исчезает под вашими ногами.

Что случилось? Они не подпитывают ваше эго. Но люди питают эго друг друга, и вот как *они* могут это делать. Кто-то говорит: «Как поживаешь?» В действительности он говорит: «Спроси *меня*: «Как поживаешь?»» Он просто напрашивается на ответное вознаграждение. И люди делают друг другу приятное; мы поддерживаем эго друг друга: кто-то хвалит вас, вы в ответ хвалите его.

Вот что мы называем обществом. Оно зависит от взаимного удовлетворения, и величайшее удовлетворение — это удовлетворение эго.

Поэтому люди так много интересуются политикой, поскольку политика может доставить вам удовольствие, как не может ничто другое. Если вы стали влиятельным политиком, вся страна в вашей власти; вся страна должна платить вам вниманием. Вы можете навязать людям свою волю, у вас есть власть.

Власть политика — это власть насилия. И он контролирует весь механизм насилия: он контролирует полицию, правительство, войска, он контролирует все. Он может навязать вам свою волю. Вот почему политики склонны рано или поздно становиться жестокими. Глубоко внутри политики желают войны, поскольку только в войне политик становится *великим* политиком. Если просмотреть историю, вы поймете суть.

Уинстон Черчилль не мог бы быть таким великим политиком, если бы не было второй мировой войны. Ни Адольф Гитлер ни Муссолини не имели бы такой власти, если бы не было второй мировой войны. Война создала контекст: они могли максимально проявить свою жестокость. Они могли убивать, умерщвлять людей миллионами.

Мистическое единство

Люди немедленно уделяют вам внимание, если вы жестоки. Если вы живете мирной жизнью, ни одна газета не сообщит о вас за всю вашу жизнь. Но если вы убиваете кого-то или совершаете самоубийство, то ваше имя немедленно появятся в газетах.

Только несколько дней назад священник Джонс совершил самоубийство вместе со своими девятьюстами учениками. Вы никогда прежде не слышали об этом бедном человеке, никто не знал, что такой существует. И о нем знает весь мир.

Они жили в коммуне много лет, но никто не обращал на них внимания. Возможно, что, обрати вы на них внимание, им не нужно было бы идти на такую крайность, они могли не совершить самоубийство. Это их способ заставить весь мир почувствовать их присутствие — это очень патологический, безобразный способ. Но это снова то же самое явление. Люди ищут Эго: если они не могут найти его через творчество, они найдут его через разрушение. Если они не могут найти его как великие святые, они найдут его, как великие грешники.

Кто-то спросил Джорджа Бернарда Шоу: «Куда бы вы хотели попасть, когда вы умрете — в рай или в ад?» Он сказал: «Все зависит от обстоятельств».

Человек сказал: «Что вы имеете в виду под этим?»

Он сказал: «Если я буду первым в раю, тогда рай. Если я буду вторым, тогда нет. Тогда лучше быть в аду, но быть первым».

Он шутит, но он говорит правду — правду о вас, правду о всем человечестве, то как оно живет честолюбием, созданием эго.

Помните, настоящая индивидуальность не имеет ничего общего с кем-то другим, платящим вам вниманием. Заметьте различие: эго нуждается во внимании к вам других, а ваша истинная индивидуальность нуждается только в вашем внимании — просто ваше внимание, и этого достаточно.

Если вы обратите свое внимание внутрь, вы узнаете свое настоящее лицо. Если вы продолжаете искать внимания других, вы будете постоянно жить в ложном существовании, которое всегда готово исчезнуть, если вы не питаете его постоянно. Оно должно поддерживаться.

Эго это не сущность. Это не существительное, это глагол. Вот почему я называю это эго-творением. Вы не можете оста-

Побеждая Будду

ваться удовлетворенными без какого-то ответного внимания к вам, вы должны спрашивать и страстно желать большего. Вы должны продолжать творить эго; эго может существовать только через действие. Это процесс — и он так лжив и его требования так безобразны! Это ложь. Это требует от вас все больше и больше лжи, и, чтобы удовлетворить его, вы должны стать предельно лживыми. Вы должны стать личностью.

Личность означает ложное явление, маску. Вы должны стать актером; вы больше не настоящий человек, вы больше не подлинны. У вас нет никакого основания, вы просто тень. И из-за этой тени всегда присутствует страх смерти, поскольку в любой момент эта тень может исчезнуть.

Ваш банк может обанкротиться, и немедленно вы исчезли, вы никто. Ваша власть может быть утрачена, поскольку есть другие соперники, подталкивающие вас. Вся эта жизнь — постоянное толкание и напряжение, отсюда так много агонии.

Знаете ли вы корень слова «агония» (agony)? Оно происходит от «ag»: «ag» означает подталкивание. Вас постоянно толкают, и в ответ вы подталкиваете других; это создает страдание.

Весь мир живет в тоске и страдании. Только человек, пришедший к знанию своего настоящего «Я», идет за пределы этого и входит в мир экстаза. Существуют два состояния: страдание и экстаз.

Пармита, ты в страдании, как и все остальные. А поиск это поиск экстаза. Всегда помните, ваши обязательства, ваши идеологии, ваши так называемые вечные ценности, ваши теологии, философии и религии предоставляют вам основу, иногда важную, для индивидуального существования. Но вы не являетесь этим.

Вы даже не ваше тело. Вы — не ваш ум. Вы ни белые, ни черные, вы ни индусы, ни немцы. Вы не можете быть определены никаким образом, все определения будут неверными. Вы неопределимы; вы что-то, превосходящее все определения. Вы — огромное небо, в котором возникают планеты и появляются земли, солнце, луна, звезды — и все они исчезают, а небо остается, таким, каким оно было всегда. Небо не знает изменения. Вы — это неизменяющееся небо. Облака приходят и уходят, вы всегда здесь.

Мистическое единство

Когда Раман Махарши умирал, кто-то спросил: «Багван, скоро ты покинешь свое тело; куда ты уйдешь?» Он открыл глаза, засмеялся и сказал: «Куда я могу уйти? Я был здесь, я буду здесь. Куда я могу уйти — куда? Некуда идти. Я везде: я был здесь и я останусь здесь навсегда, вечно».

Он говорит, что он познал свое бытие как небо; он больше не облако.

Если вы действительно хотите искать подлинное «Я», не привязывайтесь ни к каким обязательствам, ни к каким программам, ни к каким идеям. Оставайтесь не привязанными, гибкими, текучими; не становитесь статичными. Всегда оставайтесь в состоянии незамороженности; не замерзайте. В мгновение, когда вы заледенели, у вас в руках что-то фальшивое, ложное; появилось облако. Оставайтесь в состоянии растопленности, не веряйтесь никакой форме или имени. И тогда что-то безмерное начинает происходить в вас: вы впервые начинаете чувствовать, кто вы. Ощущение не приходит извне, оно появляется из внутренних глубин вашего существа. Оно затопляет вас. Это свет, высший свет, это блаженство, чистое блаженство. Это божественно. Это — другое имя Бога.

Никогда не становитесь кристаллизованными; если вы становитесь кристаллизованными в чем-то, вы попали в клетку. Оставайтесь свободными, оставайтесь свободой. Все отождествления создают закрепление; а любое закрепление, любое отождествление — это долг. Чем фиксированнее что-то отождествление, тем меньше переживание, на которое он способен. Смысл не в отсутствии позиции, а в том, чтобы не быть позиционируемым.

Я не говорю стать бездумными. Оставайтесь разумными, способными к размышлению, но никогда не отождествляйтесь ни с какой мыслью. Используйте мысль как орудие, как инструмент; помните, что вы хозяин. Не быть привязанным к той позиции, которую ты занимаешь в каждое отдельное мгновение есть начало самопознания. Человек *есть*, он жизнеспособен до той степени, до которой он может превзойти определенные позиции и может воспринять другие точки зрения.

Вот что я подразумеваю под тем, чтобы оставаться текучими, струящимися. Человек должен оставаться доступным настоящему. Умирайте для прошлого каждое мгновение, так что

Побеждая Будду

бы ничто в вас не оставалось фиксированным. Не несите свой характер с собой; все характеры это доспехи, латы, тюрьмы.

Настоящий человек характера бесхарактерен — вы будете удивлены этим. Настоящий человек характера бесхарактерен: у него есть сознание, но нет характера. Он живет от мгновения к мгновению. Он отзывчив, но он отвечает исходя из настоящего мгновения а не из прошлых состояний. Он не несет в себе готовых программ. Чем больше у вас готовых программ, тем больше вы, это эго. Когда у вас нет ничего — нет программ, в вас нет ничего готового — когда в каждый момент вы так свежи, как будто родились заново, по мне, это и есть свобода. А только свободное сознание может познать истинное «Я».

Это поиск, Пармита. Ничто другое никогда не удовлетворит, ничто другое не может никогда удовлетворить. Все это утешения — и лучше отбросить их, лучше стать осознающим, потому что утешения не помогут.

Вот что я называю саньясой: отбросить утешения, отказаться от утешений — не от мира, но от утешений — оставить все, что ложно, стать истинным, простым, естественным и спонтанным. Вот мое видение саньясына, мое видение полной свободы.

И в эти прекрасные моменты полной свободы первые лучи света входят в вас, первые проблески того, кто вы есть. И величие этого таково, и великолепие этого таково, что вы будете удивлены узнать, что вы несли в себе царство Божие, но вы так долго были такими неосознающими. Вы удивитесь тому, что было возможным не знать о таком сокровище. В вас есть такое неистощимое сокровище.

Иисус продолжает повторять снова и снова: «Царство Божие внутри вас». Назовите это царством Божьим или высшим «Я» или нирваной или чем хотите, это поиск всех, не только человеческих существ, но всех. Даже деревья растут к нему, даже птицы ищут его, даже реки стремятся к нему, Все существование — приключение.

И в этом — красота существования. Если бы оно не было приключением, жизнь была бы совершенной скукой. Жизнь это празднование, потому что это приключение.

Второй вопрос:

Мистическое единство

Почему мне так повезло попасть в милость твоей любви в эти времена такого беспорядка в мире?

Прем Дебал, времена беспорядка и хаоса — это самое лучшее время для жизни. Когда общество стабильно, больше не за чем и не для кого жить. Когда общество безопасно и нет беспорядка, нет хаоса, тогда люди живут тупой, тусклой, тянущейся жизнью — удобной, подходящей, стабильной, но не живой.

Только во времена хаоса и беспорядка случается все великое, поскольку люди свободны. Они свободны, неукоренены: они могут искать новые земли, они могут искать новые области, они могут искать новые страны, они могут искать новые континенты бытия.

Это один из величайших моментов в истории человеческого сознания. Такого никогда не было; это — крещендо.

Будда сказал — и, кажется, заметил верно — что каждые двадцать пять столетий приходит момент великого смятения и хаоса. И это время, когда огромное количество людей становятся просветленными.

И со времен Будды минуло двадцать пять веков. Снова вы ближе и ближе подходите к тому мгновению, когда прошлое утратит весь смысл. А когда прошлое утрачивает всякое значение, вы свободны, вы не определяетесь прошлым: вы можете использовать эту свободу, чтобы безмерно расти, расти к высотам, которые вам и не снились.

Но вы также можете разрушить себя. Если вы не интеллигентны, беспорядок и хаос разрушат вас. Миллионы будут уничтожены — из-за своей не интеллигентности, не из-за хаоса. Они будут уничтожены, потому что они будут неспособны найти безопасную, удобную и подходящую жизнь, какая была возможна в прошлом. Они не смогут найти то, чему они принадлежали. Им придется жить самим по себе; они должны будут быть индивидуумами, они должны будут быть бунтарями.

Общество исчезает, семья исчезает; и очень трудно. Пока вы не способны к существованию как индивидуум, жить будет очень, очень трудно. Выживут только индивидуумы.

И люди, которые привыкли к рабству, которые привыкли к тому, что ими командуют, привыкли к тому, что им кто-то приказывает — люди, так сильно привыкшие к фигуре отца, — они

Побеждая Будду

будут в состоянии психоза. Но это их вина, это не вина времени. Время — прекрасное, ибо времена хаоса — это времена революции.

Сейчас возможно выбраться из колеса жизни и смерти с большей легкостью, чем это было возможно в течение двадцати пяти веков, прошедших со времени Будды. Во времена Будды многие люди стали просветленными; общество было в смятении. Это происходит снова. Впереди великие времена — готовьтесь к ним.

Вот что я пытаюсь делать здесь. Ортодоксальные люди не могут понять, что здесь происходит; у них нет глаз видеть это и нет сердца чувствовать это. У них есть только старые гнилые ценности, и они продолжают судить меня согласно этим ценностям. Эти ценности устарели. Я создаю новых людей, я создаю новые ценности, я создаю новое будущее. Они живут в прошлом; они не могут понять будущее, которое я пытаюсь принести на землю.

Мои саньясины не принадлежат прошлому, они не представляют никакую традицию. Они принадлежат будущему: они принадлежат чему-то, что собирается произойти и еще не произошло. Поэтому нет критериев — они не могут быть легко судимы, и они будут непонятыми.

Я буду непонятым, поскольку у людей есть свои ценности, и эти ценности пришли из прошлого. А я пытаюсь создать пространство, чтобы произошло будущее.

Ты говоришь: Почему мне так повезло попасть в милость твоей любви в эти времена такого беспорядка в мире?

Это не вопрос везения, это вопрос интеллигентности. Есть одно везение в мире — интеллигентность, разумность. И запомните, всякий рождается с интеллигентностью, но люди не используют ее, ибо быть интеллигентным — это жить в опасности.

Сообразительный ребенок будет постоянной головной болью для своих родителей; они пытаются уничтожить, раздавить его сообразительность. Никто не хочет смышленного ребенка, потому что он создает в вас подозрение, он создает в вас сомнения. Смышленный ребенок задает вопросы, на которые вы

Мистическое единство

не можете ответить. Смешливый ребенок — это проблема для учителей в школе, в колледже, в университете.

Разумный, интеллигентный человек всегда будет оставаться проблемой, где бы он ни был. Так что общество пытается всеми способами разрушить вашу интеллигентность.

Я слышал:

Учительница сказала учащимся, что они будут играть в игру.

«Я что-то спрячу за спину, и опишу это, а вы догадайтесь, что это такое, — сказала она. — Я держу что-то круглое и красное. Может кто-нибудь догадаться?»

«Яблоко?» — сказал маленький Герби.

«Нет, — сказала учительница, — но это показывает, что ты думаешь. Это вишня. А теперь я держу что-то круглое и оранжевое. Можешь ли ты сказать мне, что это?»

«Апельсин?» — сказал маленький Герби.

«Нет, — сказала учительница, — но это показывает, что ты сообразительный. Это персик».

Герби поднял руку: «Учительница, можно я тоже сыграю в игру?»

Учительница сказала «Да», и Герби подошел к задней стене комнаты, повернулся спиной и сказал: «Учительница, я держу что-то около пяти сантиметров длиной с красным концом».

Учительница сказала: «Герби!»

«Нет, — сказал маленький Герби, — но это показывает, что вы думали. Это спичка».

И эти сообразительные дети не могут быть допущены жить! Никто не любит смешливого человека. Поэтому люди начинают играть в жизни глупые роли, поскольку неинтеллигентных людей принимают везде. Вот почему миллионы людей стали посредственностями. Никто не рождается посредственностью позвольте мне напомнить вам. Бог дает разум всем; точно как он дает всем жизнь, он дает разум. Интеллигентность — существенная часть жизни.

Видели ли вы когда-нибудь неразумное животное? Видели ли вы когда-нибудь неразумную птицу, неразумное дерево? Каждое дерево достаточно сообразительно для того, чтобы найти источник воды и дотянутся до него корнями. И вы будете

Побеждая Будду

удивлены, ученые очень сильно удивились, как деревья находят места.

Когда дерево начинает тянуть свои корни, оно иногда вытягивает их на сотни футов в определенном направлении, туда, где есть вода. Но как оно находит ее? Вода в сотне футов отсюда к северу: оно не вытягивает свои корни к югу, оно вытягивает свои корни на север — за сотню футов! И не только естественные водные источники — иногда оно протягивает свои корни к трубам, большим трубам; оно обнаруживает их. Это занимает у него *годы* — вытянуть свои корни, Оно живет по-своему разумной жизнью.

Если соперников слишком много, деревья растут выше; они должны. Вот почему в джунглях Африки деревья растут очень высокими. Те же самые деревья в Индии не вырастут до этой высоты; нет необходимости, соревнование не такое острое. В дремучих лесах, если дерево остается маленьким, оно умрет; оно будет в тени других деревьев. Оно должно достичь солнца: оно продолжает двигаться, двигаться вверх.

Деревья разумны по-своему, птицы разумны по-своему, животные разумны по-своему. Так же и человек.

Вы найдете посредственности и глупцов только среди людей. Я никогда не наткнулся на глупого пса — я попробовал — но есть миллионы глупых людей. Что случилось с людьми? Разумность не допускается.

Все общество и модель общества против разумности; оно поддерживает посредственных людей. Все счастливы с ними, поскольку когда вы с ними, проблем не возникает; он всегда готов быть послушным, и он дает вам чувство, что вы выше его.

Если бы люди жили разумно, это было бы удачей для всех. Если вам не везет, это не оттого, что Бог несправедлив к вам, это только потому, что вы пошли на компромисс с обществом.

Дебал, ты смог прийти ко мне, потому что ты достаточно смел, чтобы использовать свою разумность. Это не вопрос везения, это только вопрос мужества, смелости. И эти дни действительно прекрасны, чудесны. Используй эти дни, это время: ты можешь парить выше, выше, чем это было возможно когда-либо прежде.

Миллионы людей находятся в ситуации, когда просветление может произойти. Мы можем в первый раз нанести поражение Будде. Время очень благоприятно, поскольку так много хаоса и

Мистическое единство

так много беспорядка, а все старые идеологии мертвы и умирают, каждая по-своему. Человек становится свободным, выходит из своей скорлупы.

Претий вопрос:

Ошо, у меня было много гуру, но я ничуть не изменился. Почему?

Ожидать, что просто через пребывание со многими гуру ты будешь трансформирован — глупо. Никто не может трансформировать тебя. Сама идея, само ожидание того, что кто-то может трансформировать тебя, сохраняет твою неразумность. Когда ты собираешься объявить о владычестве над своим существованием? Когда ты собираешься взять вожжи в свои собственные руки? Когда ты собираешься сказать: «Я буду и жить в согласии с самим собой»?

А те так называемые гуру, у которых ты был, сделают тебя все более и более посредственным и глупым. Они хотят твоего подчинения — а только глупец может быть послушным. Они не помогут тебе стать более разумным.

Это большая редкость — найти Мастера. Девяносто девять из ста поддельны, а один, кто не подделен, потребует от вас так много. Сначала он потребует разумности — а вы должны полностью забыть то, что у вас вообще на первом месте. Он потребует осознанности.

Ложные гуру, ложные так называемые мастера снабжают снотворными таблетками получше. Они снабжают вас психологическими стратегиями, как оставаться удобно спящими, они дают вам колыбельные, так что вы можете жить одурманенной жизнью. Их методы — не что иное, как психологические транквилизаторы, немедицинские транквилизаторы. Итак, в течение нескольких дней вы чувствуете себя хорошо, вы повторяете определенную мантру и вы чувствуете себя хорошо, а потом вы насытились и вы начинаете видеть главное — что это не приводит вас никуда. Тогда вы идете к следующему гуру, он дает вам какой-то другой метод, снова на несколько дней медовый месяц, а потом это исчезает.

Побеждая Будду

Но за одно вы должны быть благодарны: что из-за всех тех гуру вы пришли сюда. И вы не можете валять дурака; это невозможно.

Я не даю вам никакой колыбельной, я шокирую вас — потому что это единственный способ, каким вы можете выйти из вашего одурманенного состояния.

Двое пьяниц сидели в баре, размышляя о том, как провести время.

«Давай играть в телевидение,» — сказал один.

«О'кей, — сказал другой. — Как?»

«Я делаю вид, что я великая телезвезда, а ты догадываешься, кто я».

«Хорошо, — сказал первый. — Во мне пять футов четыре дюйма, светлые волосы, голубые глаза, у меня 90-60-90 и я хошенькая».

Второй пьяница быстро и изумленно на него посмотрел.

«Неважно, кто ты, — сказал он. — Поцелуй меня».

Это ваше состояние. Вы должны быть шокированы, вы должны быть приведены в сознание. Поэтому я не снабжаю вас утешениями — вы предпочитали их, вы любили их.

Итак, те, кто пришел сюда за утешениями, могут не понимать, что здесь происходит. А вы можете продолжать дальше и дальше переходить из одной школы в другую, от одного гуру к другому гуру; это вообще не изменит вас. Это не вопрос путешествия с одного места на другое; вы останетесь теми, кто вы есть. Только если вы шокированы, только если есть кто-то, кто может разрушить вас таких, какие вы есть, только тогда выйдет ваша настоящая сущность. Фальшь стала густой кроной вокруг вас.

Индуист может стать христианином; ничего не изменится. Вместо Кришны он начнет истязать Христа, вот и все. Еврей может стать индуистом; это также не поможет. Вы продолжаете менять ваши маски, ваши одеяния, но перемена нужна где-то глубоко в вашем существе — не на поверхности, но в сердцеvine.

Моргенштерн жил в трудные времена. Жизнь тяжела, особенно если ты еврей. И он решил стать католиком и крестился.

Мистическое единство

В первый раз, когда он пришел на исповедь, он украл золотые часы приходского священника! Но он был честен и немедленно исповедовался:

«Отец, я украл дорогие часы и чувствую себя очень виноватым за это. Я исповедуюсь, что то, что я сделал, было аморально и полностью неправильно. Пожалуйста, отец, нельзя ли отдать вам часы?»

Священник был удивлен, но помотал головой: «Нет, я не могу принять их».

Моргенштерн настаивал: «Пожалуйста, отец, я чувствую такую вину, не могли бы вы принять часы как знак моего покаяния?»

«Это невозможно, сын мой, — сказал священник, глубоко тронутый искренностью Моргенштерна. — Вы должны вернуть часы их законному владельцу».

«Ах-х! — сказал Моргенштерн с глубоким вздохом. — Я пытался, отец, я, клянусь, пытался, но я боюсь, что добрый человек не хочет взять их».

«В этом случае, сын мой, — сказал священник, — я не вижу ничего плохого, если ты оставишь часы у себя, и поскольку сейчас ты исповедовался, для тебя вообще нет нужды больше испытывать вину!»

Вы видите еврейский ум?

Вы можете продолжать менять вашу религию, вы можете продолжать менять вашу философию — это настоящие способы избежать подлинных перемен. Настоящие перемены должно произойти глубоко в вас. Вы бессознательны, и единственная переменная, которая поможет — стать сознательным. Вы живете механически: единственное, что может помочь это жить немеханично. Деавтоматизируйте себя, дегипнотизируйте себя.

Общество загипнотизировало вас. Общество затупило ваши чувства, оно отравило вас. Оно хочет умелые эффективные машины; оно не хочет людей. Оно свело вас к машине. Вы хороший клерк или хороший солдат или хороший начальник станции или хороший представитель — оно свело вас к чему-то, что полезно. Оно сделало вас товаром. Оно не хочет вашей разумности, вашей осознанности. Вы должны будете восстать против этого.

Побеждая Будду

А гуру, которые у вас были, не что иное, как агенты того же самого общества. Поэтому общество уважает их, поэтому общество поддерживает их.

Меня общество не может поддерживать. Это чистое чудо, что я существую, это очень нелогично. Я не должен быть здесь вообще. Общество не поддерживает меня, оно *не может* поддерживать меня. Всеми возможными способами оно будет создавать, оно *создает* — помехи моей работе.

Буквально на днях я читал в газетах, что один человек убедил правительство, что я должен быть выслан из Индии. Он, наверное, очень религиозный человек, потому что он сказал, что я разрушаю религию. И он не удовлетворяется просто моим изгнанием — он предлагает также отрезать мне язык, чтобы я не мог говорить, и мои руки также должны быть отрезаны, чтобы я не мог писать. И он думает, что он религиозный человек.

Но это то, что люди делали всегда. Они распяли Иисуса, и они думали, что они сделали что-то очень религиозное. Они умертвили великого суфийского Мастера, Аль-Хилладж Мансура, точно таким же образом. Этот человек, который предложил в это правительство, должно быть, был в толпе, которая убивала Мансура, поскольку все было именно так: его руки были отрезаны, его язык был отрезан, потом отрубили голову. Кажется, общество продолжает увековечивать свои старые глупости. И он думает, что он предлагает это, чтобы защитить религию, что религия в опасности — из-за меня религия в опасности.

Религия не в опасности из-за меня, но псевдорелигия действительно в опасности. А обществу нужны псевдорелигии, чтобы избежать настоящей религии, потому что подлинная религия всегда создает беспокойство.

Будда, Иисус, Мансур, Санаи — когда эти люди приходят на землю, они творят огонь, они творят революцию. Они начинают преобразовать людей, трансформировать их бессознательность в сознательное. И тогда создается проблемы.

Это происходит здесь каждый день: пары приходят сюда, и через семь дней они уже раздельны. Что произошло? А они жили вместе двадцать лет! В течение двадцати лет они все время шли на компромисс. В течение двадцати лет они страдали; они были несчастны вместе. Но они влачили свое существование в бессознательном состоянии.

Мистическое единство

Когда они приезжают сюда, они начинают медитировать, думать. Они проходят несколько терапевтических групп, они становятся бдительными, и они говорят: «Что мы делали?» Мужчина приходит к пониманию, что он никогда не любил эту женщину, он обманывал — он обманывал женщину, он обманывал себя. Женщина приходит к пониманию, что она никогда не любила этого мужчину; этот мужчина выглядит чужаком, она не знает, кто он. И почему они должны жить вместе и истязать друг друга? Внезапно они пробудились и брак летит к черту.

Люди будут бояться такого места: их брак может исчезнуть, их старые способы жить могут быть разбиты. Это очень хорошо, что что-то неправильное отпадает и исчезает, но в начале это больно. Вы прожили с женщиной двадцать лет: это трудно — отцепить себя, это больно, это агония.

Но если вы не прекратите фальшивые отношения, в вашей жизни никогда не будет истинных отношений. А истинные отношения — это зеркало: они помогают вам увидеть ваше лицо, кто вы. Но только истинные отношения — зеркало. Фальшивые отношения подобны каменной стене, в них нельзя отражаться, они совершенно бесполезны.

Родители боятся; они не хотят, чтобы их дети приходили сюда, поскольку я учу их быть самими собой. А если ребенок хочет быть музыкантом, я скажу: «Стань музыкантом, даже если ты останешься нищим». А родители хотели, чтобы он стал врачом или инженером — и возникает конфликт.

У ребенка, если он становится инженером, будет иметь много денег, престиж, власть, но он упустит свою душу. Он никогда не узнает никакой радости в своей жизни; он познает несчастье, он никогда не узнает никакого блаженства. Но родителей больше интересуют деньги, власть, престиж. Именно так говорили им ИХ родители; это их традиция.

Каждое поколение продолжает развращать новое поколение. Каждое поколение продолжает нагружать новое поколение своими собственными болезнями, страданиями, патологией.

Если вы пришли сюда, я собираюсь снять с вас груз всех ваших патологий. А они могут быть очень традиционными и уважаемыми очень долгое время, и ваши предки могли нести их тысячи лет, но я буду учить вас отбрасывать весь этот вздор, весь этот мусор, и просто стать вашим собственным бытием, вашей собственной личностью. И общество не может вытерпеть

Побеждая Будду

это. Общество обречено быть враждебным, антагонистичным по отношению ко мне. Так было всегда.

Должно быть, вы ходили к гуру, являющихся агентами того же самого гнилого общества. Как они могут помочь вам измениться? Они здесь, чтобы защитить общество. Общество дает им уважение, вот как общество оплачивает их услуги.

Ваши учителя — на службе у прошлого. Ваши священники — на службе у прошлого, ваши политики — на службе у прошлого. А я хочу, чтобы вы стали осознавать настоящее.

Если у вас в вашем сердце есть какая-то смелость и вы не убегаеете из этого операционного энергетического поля, вы будете преобразованы. И помните, не я преобразую вас, я могу только создать ситуацию, в которой вы можете преобразить себя. Я просто создаю поле, в котором все может случиться и все случается. И не бегите отсюда. Всего несколько месяцев, и тогда вы *не сможете* уйти!

Четвертый вопрос:

Почему вы так сильно против аскетизма? Разве аскетизм не является действенным путем к Богу?

Путь? Это патология. Быть аскетом — это просто показывать, что вы мазохист, что вы самоубийственны, что вы просто наслаждаетесь, истязая себя. А истязанием себя вы можете создать определенный характер, но характер будет только на поверхности. Это не преобразит вас, это будет лишь притворством. Это будет только личиной, фасадом, маскировкой.

Аскеты существуют в мире, поскольку есть самоубийственные люди. А в человеке есть инстинкт смерти — Зигмунд Фрейд назвал его «танатос». Вклад Зигмунда Фрейда в человеческий рост огромен. В своей юности он открыл инстинкт жизни — секс, эрос. А потом, в своей старости, когда он старел, он открыл другое явление — танатос, противоположное эросу.

В человеке есть два основных инстинкта: один — жить, другой — умереть. Оба присутствуют. Если инстинкт жить не поддерживается, усиливается другой инстинкт. Если инстинкт жить поддерживается, если жизнь утверждается, тогда другой инстинкт исчезает. Это одна и та же энергия — или она будет течь

Мистическое единство

через эрос, или она будет течь через танатос. Это зависит от вас.

Мировые религии до сих пор были ориентированы на смерть. И запомните, когда я говорю «религии», я не включаю Будд. Я не включаю Бахауддина, Санаи, Аттара, Махавиру, Иисуса, Магомета, нет. Но я включаю ислам, христианство, индуизм, иудаизм. джайнизм, буддизм. Все организованные мировые религии ориентированы на смерть. И это что-то невероятное: все подлинные существа были ориентированы на жизнь.

Будда предельно ориентирован на жизнь, но буддизм ориентирован на смерть. Магомет ориентирован на жизнь, но ислам ориентирован на смерть. Как это произошло?

Только на днях я говорил, что истина, переданная от одного к другому, становится ложью; она переворачивается. Когда Будда что-то говорит, он подразумевает что-то полностью отличное от того, что было понято слепыми и бессознательными людьми. Все стало шиворот-навыворот. Его утверждение жизни становится в учениках утверждением смерти. Это было и остается постоянной проблемой. Вплоть до настоящего времени не было возможности передать истину, и я не думаю, что когда-либо будет возможно её передать. Ибо Будда говорит с вершины Гималаев, а вы слушаете в темном ущелье. Но к тому времени, когда она достигает вас, когда вы интерпретировали ее, она уже прокисла, стала горькой; это уже не та же самая истина.

Итак, все изначальные основатели религий были ориентированы на жизнь. А все религии, родившиеся из их учений, стали ориентированными на смерть.

Аскетизм — это влюбленность в смерть. Это патология, это не путь. Но люди уважают его, потому что аскет кажется таким отличным от вас. Вы любите пищу, он ненавидит пищу. Вы любите хорошую ванну, он ненавидит принимать ванну. Джайнские монахи не принимают ванн — не только это, они также не чистят свои зубы. Они против тела.

Вы любите комфорт, аскет любит дискомфорт. Ему спокойно в комфорте, ему спокойно, только когда ему неудобно. Вы называете это путем? Это патология. Человек, стоящий на голове и чувствующий себя удобно, только когда стоит на голове — болен, ненормален.

Побеждая Будду

Все животные смеются над этим. Когда животные видят йога, стоящего на голове, они смеются. Они не могут понять, что случилось с этим человеком. Люди продолжают истязать свои тела, уродовать их.

Я слышал:

У Реджи был слон, но стоимость питания была ему не по карману. Тогда у него появилась идея. Он видел слонов, поднимающих одну ногу, даже две ноги. Однажды в цирке он видел слона, поднимающего в воздух три ноги и стоящего только на одной.

Итак, Реджи оповестил мир, что он заплатит десять тысяч долларов любому, кто сможет заставить его слона висеть в воздухе без ног. Однако, каждый человек, желавший попробовать, должен был заплатить сто долларов.

Люди пришли из близких и дальних мест. Они пробовали все, от уговоров до гипнотизма, но ни один не смог заставить слона подняться в воздух.

Потом однажды подкатил голубой кабриолет, из него вышел маленький человечек и обратился к Реджи: «Правда ли, что вы заплатите десять тысяч долларов, если я заставлю вашего слона оторвать от земли все четыре ноги?»

«Да, — сказал Реджи. — Но вы должны заплатить мне сто долларов за попытку».

Малютка отдал Реджи стодолларовую банкноту. Потом он вернулся к машине и вытащил металлическую дубинку. Он забрался на слона и посмотрел ему в глаза. Потом он зашел за слона и, хорошенько размахнувшись, стукнул слона прямо по яйцам. Слон взревел и взмыл в воздух.

После того, как малютка собрал свои десять тысяч долларов, Реджи был очень угнетен. Он заработал только восемь тысяч долларов, и он не только потерял связанный с этим доход, но не решил проблему питания и содержания слона.

Внезапно Реджи посетила другая светлая мысль. Он знал, что слоны могут двигать своей головой вверх и вниз, но он никогда не видел ни одного, двигавшего из стороны в сторону. Итак, он оповестил, что он заплатит десять тысяч долларов любому, кто сможет заставить его слона качать головой из стороны в сторону. Однако каждый человек, желавший попробовать, должен был заплатить сто долларов.

Мистическое единство

Люди пришли из ближних и дальних мест. Они заплатили свои сто долларов, и они попытались, но, разумеется, ни один не достиг успеха.

И тогда, когда все шло хорошо, подкатил знакомый голубой кабриолет из которого выскочил тот же маленький человек. Он обратился к Реджи: «Правда ли, что вы заплатите мне десять тысяч долларов, если я смогу заставить вашего слона помотать головой из стороны в сторону?»

«Да, — сказал Реджи. — Но вы должны заплатить сто долларов за попытку».

Малютка вручил Реджи сто долларов. Потом он обернулся к своей машине и вытащил свою металлическую дубинку. Он забрался на слона.

«Помнишь ли ты меня?» — спросил он.

Слон кивнул, тряхнув головой вверх-вниз.

«Хочешь ли ты, чтобы я сделал это опять?»

Слон быстро помотал головой из стороны в сторону.

Даже слоны понимают это — но человек так глуп. Аскетизм — путь? Это патология.

Жизнь должна быть прожита в своей полноте. Ваши энергии должны струиться через эрос: эрос это жизнь, любовь это жизнь. А если ваша энергия течет против любви, против жизни, остерегайтесь: вы заблуждаетесь, вы отпали, вы уходите прочь от Бога. Бог — это жизнь, Бог — это любовь.

Поймите суть: все аскетичные люди и все аскетичные школы против любви, против секса, против жизни, против пищи — против того, чтобы жить здоровой радостной жизнью.

Вот почему они так сильно против меня — потому что я хотел бы, чтобы вы жили наполненно, тотально, целостно. Я хотел бы, чтобы вы приняли жизнь без отрицания чего-либо в себе, без ощущения какой-то вины. Любая вина — это хитрая стратегия священников, чтобы направить вашу энергию от жизни к смерти.

Почему люди сделали это? Причины есть. Политикан хочет, чтобы люди не любили жизнь слишком сильно — потому что если люди любят жизнь слишком сильно, тогда их нельзя заставить участвовать в войне. Кто хочет умирать? В мире не осталось бы армий. Люди должны быть принуждаемы против эроса, они должны быть принуждаемы против жизни, они долж-

Побеждая Будду

ны быть научены любить смерть, уважать смерть и ощущать смерть священной — только тогда могут существовать армии. А великие армии необходимы. Политикан против любви, против жизни, поскольку ему нужны солдаты для смерти, — умирать и убивать.

Священник всегда хочет, чтобы люди не любили жизнь. Если они любят жизнь, они не побеспокоятся о храмах, церквях, монастырях. И если они действительно любят жизнь, они найдут Бога через жизнь — священник не будет нужен. Священник нужен только, когда люди заблудились в жизни — только тогда он может стать провожатым и он может сказать им: «Теперь я поведу вас правильным путем». Сначала им надо помочь заблудиться, потом приходит провожатый.

Сначала люди должны быть сделаны больными, тогда вы можете продать лекарство. Иначе вы не можете продать лекарство. Если все здоровы, кто пойдет к врачу и кто пойдет к аптекарю? И кто сможет продать людям лекарство? Это будет невозможно. Люди должны быть больны, только тогда фабрики, фабрики лекарств, могут продолжать производить новые снаряды.

Священнику нужно, чтобы люди шли прочь от жизни. В то мгновение, когда они идут прочь от жизни, они идут прочь от Бога. Тогда есть потребность в священнике, храме, церкви, организации, организованной религии. Тогда люди хотели бы быть христианами, индуистами, мусульманами.

Ведь жизнь сама по себе доставляет такое огромное удовлетворение — кого это тогда будет волновать? Кто тревожится?

Преподобный Джонс был способен убить девятьсот человек, невинных людей, по простой причине: он тренировал их для смерти. Вы удивитесь, узнав, что в Джоунстауне среди членов секты не допускались занятия любовью. Безбрачие было навязанным. Были твердые строгие правила: людям не разрешалось выходить за пределы коммуны, контакты с посторонними не разрешались. Они жили в изоляции, они все были аскетами.

И из-за этого аскетизма они были готовы совершить самоубийство. Сейчас люди ищут причины. Некоторые думают, что он гипнотизировал людей, некоторые думают что-то еще — находится тысяча и одна причина. Причина проста, он повернул их эрос — вот и все. А эрос может быть повернут очень легко.

Мистическое единство

Веками религиозные люди делали то же самое. Он довел это до логического конца. Обычно монахи умирают медленно; они совершают медленное самоубийство. Он ушел скоро и быстро. Но было стремление, атмосфера смерти. Они практиковали смерть почти каждый месяц. Каждый месяц он мог созвать коммуну и приказать им умереть. И они были готовы. Они говорили «да» так много раз, что, когда он в самом деле сказал им, они не смогли сказать «нет». Это стало встроенной программой.

А их жизнь была так безобразна, вот почему они были готовы умереть.

Мне очень нравится одна история. Английский дипломат пришел увидеть Адольфа Гитлера перед второй мировой войной. Они стояли на крыше трехэтажного здания, беседовали. Просто чтобы показать английскому дипломату свою власть, Гитлер приказал одному солдату прыгнуть. Солдат немедленно прыгнул, упал на дорогу и умер.

Английский дипломат был очень сильно потрясен. А Адольф Гитлер засмеялся и сказал: «Вся моя страна так готова последовать моим приказам». Чтобы еще раз подчеркнуть это, он приказал прыгнуть другому солдату. И, прежде чем английский дипломат мог предупредить его, тот также прыгнул. Чтобы сделать все абсолютно ясным, он приказал третьему солдату — но, прежде чем он смог прыгнуть, английский дипломат схватил его и сказал: «Ты сумасшедший? Что ты делаешь? Почему ты готов отдать свою жизнь?»

И человек сказал: «Оставьте меня в покое! Разве это жизнь?»

Быть с Адольфом Гитлером много хуже — лучше умереть. Те люди, что совершили самоубийство, должно быть, жили худшей жизнью, чем смерть сама по себе. Логика этого проста. А аскетическое отношение делает вашу жизнь такой безобразной, такой нестерпимой, что человек начинает думать о смерти как об освобождении.

Я против аскетических отношений, ибо это больные отношения, нездоровые, не целостные. Я целиком за эрос, я целиком за жизнь, ибо жизнь — храм Бога, единственный храм. А секс — единственный способ, каким Бог выражен в мире.

Если вы полностью двигаетесь в секс, в любовь к жизни, в утверждение жизни, в радость, вы найдете самого Бога, скры-

Побеждая Будду

того глубоко в жизни. Жизнь это его проявление; он — скрытый источник ее. Не идите прочь от жизни — идти прочь значит идти от Бога. Поэтому мои саньясины не отвергают, но радуются.

Сейчас несколько людей задали мне вопрос: «Может ли здесь случиться то же самое, что в коммуне Джонса?»

Это будет последним местом в мире, где это сможет случиться, потому что я учу вас любви, я учу вас жизни. Все мое усилие в том, чтобы заставить вашу энергию двигаться через жизнь полностью, ничего не оставляя и, если вы двигаетесь через жизнь полностью, смерть исчезает. Даже когда вы умрете, вы не увидите, что с вами случается смерть — вы увидите только, что вы меняете свой дом, вы меняете свои одежды. Вы в вечном паломничестве.

Я учу вас жизни, я учу вас изобильной жизни. Это не может случиться здесь — я не учу вас самоубийству. Это может произойти в любом аскетическом обществе, в любой аскетической коммуне. Но моя коммуна вообще не аскетическая.

Вот почему христиане против нее, и индуисты против нее, и джайны против нее, мусульмане против нее, и все против нее — потому что все они ориентированы на смерть. А я, безусловно, люблю жизнь.

Я учу вас любить и жить. Смерть невозможна здесь — что говорить о самоубийстве? Даже смерть невозможна здесь. Если вы умираете так, как я вас учу, если вы живете так, как я вас учу, вы никогда не узнаете смерть. Даже умирая, вы будете знать, что пламя продолжает пылать вечно.

Последний вопрос:

Ошо, Индия — единственная страна в мире, столько говорящая о безбрачии; и все же каждые четыре секунды в Индии рождаются три ребенка. Пожалуйста, объясни это.

Камал Бхарти, идеалы создают лицемерие. И если вы хотите быть лицемерными, первое требование — иметь великие идеалы. Вы не можете быть лицемерными, если у вас нет никаких идеалов.

Мистическое единство

Например, мои саньясины не могут быть лицемерами; это невозможно. Лицемерие это тень, длинная тень великого идеала.

Индия — одна из самых лицемерных стран. А причина в том, что людям проповедуются великие идеалы. Об этих идеалах только говорят, а жизнь продолжает течь в полностью противоположном направлении. Люди продолжают говорить о безбрачии и продолжают воспроизводить детей. Они продолжают говорить об истине, а в их жизни нет никакой истины. Они продолжают говорить о великой моральности, а вся их жизнь аморальна.

Вы не можете найти в мире более аморальную страну, чем эта страна — это невозможно, потому что нет другой страны, проповедующей так много идеалов. Когда идеалы велики, вы не можете исполнить их; они так неестественны, они невозможны. Тогда единственный способ — продолжать говорить о них и продолжать жить по-своему. Итак, вы должны жить двойной жизнью.

В разговоре, в проповедях индийцы — велики. Никто не может состязаться с ними в философствовании. Они — великие мастера логики, аналитики, великие мастера языка. Но их жизнь пуста и совершенно не соответствует идеалам.

Несомненно, если вы знаете идеал человека, то, просто зная идеал, вы можете узнать его жизнь. Скажите мне, каков ваш идеал, и я немедленно узнаю вашу жизнь. Если ваш идеал безбрачие, я знаю, кто вы: вы одержимы сексом. Только у одержимого сексом человека есть идеал безбрачия. Если вы не привязаны к сексу, не будет вопроса безбрачия. Вы будете любить вашу жизнь: когда секс происходит, это прекрасно, когда он исчезает, это прекрасно. Оба момента священны.

Секс священен, когда он случается. Когда он исчезает, это тоже священно. В обоих моментах есть своя красота.

Когда дерево цветет, оно красиво, и когда дерево лишено всех листьев, оно красиво. Да, осенью у деревьев полностью другая красота, суровая красота. Нагие, без единого листка, стоящие под небесами, они выглядят такими медитативными, такими дзеноподобными. А потом, весной, с пышной кроной и множеством цветов, как будто они готовы пожениться — новобрачные... Так много празднования, это красота в них — красота суфия.

Побеждая Будду

Подлинный человек живет свою жизнь без всякой вины. Секс однажды возникает и однажды исчезает. Помните: все, что возникает — исчезает. До четырнадцатилетнего возраста секс не возник. Потом, внезапно, однажды приходит весна: секс вошел в жизнь, с огромной радостью, с великими песнями. Если человек проживает его тотально, тогда около сорока двух лет он однажды исчезает. И красота осени... Обнаженные, лишенные зелени деревья под вечерним небом.

Секс существует только от четырнадцати до сорока двух лет, если вещи идут естественно. Но они не идут естественно — появляется священник. Он начинает говорить о безбрачии. Когда нужно было именно искусство любви, он начинает говорить о безбрачии. Он создает вину. Сексуальная энергия становится подавленной, уходит вниз, в бессознательное.

И тогда секс останется и в восемьдесят два года. Вы останетесь привязанными к сексу; он не сможет вас покинуть.

Индия — так называемая религиозная страна. Несомненно, страны могут быть только так называемыми религиозными. Только индивидуумы могут быть действительно религиозными, страны могут быть только так называемыми. Как могут страны быть религиозным? Религия — это что-то, что происходит в душе человека. Политика — это то, что происходит в коллективе. Религия — это то, что происходит в одиночестве.

Но великие идеалы продолжают истязать. Индия очень подавлена — огромные камни лежат на ее сердце. И из-за этих камней родники жизни не могут струиться.

Итак, Камал, в этом нет противоречия. Несомненно, есть логическая связь между этими двумя вещами — разговором о безбрачии и зачатием трех детей каждые четыре секунды. Чем больше вы говорите о безбрачии, тем более вы одержимы сексом. Если вы принимаете секс как естественное явление, вам не нужно говорить о безбрачии; оно приходит в свое время.

Просто как юность превращается в старость, секс превращается в безбрачие. Безбрачие — это секс, прожитый по-настоящему, аромат секса, прожитого по-настоящему. Безбрачие — это сексуальность, ставшая зрелой. Иначе лицемерие продолжается.

Медитируйте над этой историей.

Мистическое единство

Один человек был в постели с замужней женщиной, когда они услышали, как открывается дверь. «О Боже мой, — выдохнула она. — Это мой муж! Быстро, прячься в туалет!»

Человек поспешил в туалет и закрыл дверь. Внезапно он услышал голосок, говорящий: «Здесь очень темно».

«Кто это?» — спросил он.

«Моя мать вышла, — сказал голосок, — и я собираюсь кричать».

«Пожалуйста, не делай это!» — сказал человек.

«О'кей, но это будет стоить вам денег,» — сказал мальчик.

«Вот пять долларов».

«Я буду кричать!» — сказал голосок.

«О'кей, вот десять долларов!»

«Я все равно буду кричать» — сказал голосок.

«Вот двадцать долларов».

Под конец, когда мальчик отверг тридцать пять долларов, человек сказал:

«Все, что у меня есть — сорок долларов.»

«Я возьму это».

В конце концов муж ушел и человек смог выбраться из туалета и быстро уйти.

Днем мать взяла мальчика с собой в магазин.

«Я хочу этот велосипед» — сказал он.

Мать сказала: «Нет, ты не можешь. Он стоит слишком много денег».

Мальчик сказал: «Я заработал сорок долларов».

Мать сказала: «Где ты смог заработать сорок долларов?»

Мальчик не мог сказать, и она начала его ругать. Он отказался отвечать. Она дала ему пощечину. Он стоически вытерпел. В конце концов, выкрутив ему руку, она притащила его в ближайшую церковь и подвела к приходскому священнику. «Отец, у моего сына сорок долларов, и он не хочет говорить мне, где он взял их. Может быть, вы сможете доискаться?»

Священник кивнул. Он привел мальчика в исповедальную кабину. Мальчик сел по одну сторону, а священник по другую. Мальчик сказал: «Здесь очень темно...»

А священник сказал: «О, нет! Ты опять за свое?!..»

Смерть
семени

13 декабря
1978 года

Мистическое единство

Если ты знаешь свою собственную цену,
что за нужда тебе заботиться о
принятии или отказе других?

Поклоняйся ему, как если бы ты мог видеть его
своими телесными очами;
хотя ты не видишь его,
он видит тебя.

Пока ты в этой стране
бесплодных стремлений,
ты всегда неуравновешен, всегда
или весь позади, или весь впереди;
но если ищущая душа продвинулась
хотя бы на несколько шагов выше этого состояния,
любовь хватается за поводья.

Пока остается этот мир,
этого не может быть;
пока ты существуешь,
Бог не может быть твоим.

Смерть это ключ, что отпирает
неизвестную область;
но для смерти дом истинной веры
должен оставаться закрытым.

Если сам ты
в действительности перевернут,
то твоя мудрость и вера
обречены быть вывернутыми наизнанку.

Смерть семени

Прекрати плести паутину о себе:
вырвись, как лев из клетки.

Растопи себя в этом поиске:
рискни своей жизнью и своей душой
на пути искренности;
старайся избежать никчемности бытия,
и сделай себя опьяненным вином Бога.

Мистическое единство

Ум — это изначальное падение: падение из состояния бытия. Ум — это первородный грех. Быть в уме — значит быть в мире: не быть в уме — значит быть в Боге.

Это большое отличие — действительное отличие.

Падение нужно понять. Медитируйте над тремя словами: быть, делать, иметь. От бытия к владению — это падение, а делание — это процесс прихода от бытия к владению. Быть это Бог, иметь это мир, делать это процесс падения от быть к иметь.

Следовательно, ум это делатель. Ум постоянно хочет быть занят. Великое стремление оставаться занятым; это ум. Он не может одиноко сидеть; он не может сидеть в пассивном восприятии, даже несколько мгновений. Это для ума такая попытка, потому что в момент, когда вы прекращаете делать, ум начинает исчезать.

Если вы идете к мастеру Дзен и спрашиваете: «Что ты здесь делаешь? Что делают эти люди, твои последователи?», он скажет: «Они просто сидят. Они не делают ничего».

Было так:

Король пришел с визитом в монастырь дзенского мастера. Мастер провел его вокруг; королю было очень интересно узнать все о монастыре. Мастер провел короля по всем местам, кроме одного — центрального храма. А это было самое внушительное строение, и все же, когда бы король ни спросил: «Почему ты не ведешь меня в храм?», мастер вел себя так, как если бы не слышал вопроса.

Под конец король очень рассердился, потому что он был даже в ваннах комнатах и туалетах. Он сказал: «Ты сумасшедший или как? Почему ты не ведешь меня в храм?»

А мастер сказал: «По определенной причине — потому что ты постоянно спрашиваешь: 'Что вы здесь делаете?' В библиотеке мы читаем: я могу провести тебя в библиотеку. В ваннах комнатах мы моемся: я могу провести тебя в ванны комнаты. На кухне мы готовим пищу. Но я не могу провести тебя в этот храм, потому что там мы ничего не делаем! Это место, где мы

Смерть семени

двигаемся в неделание, в недействие. И будет невозможно объяснить это тебе — вот почему. Ты великий король, ты великий делатель, и ты так сильно поглощен в то, чтобы иметь все больше и больше. Ты понимаешь способы и дороги ума, но ты не поймешь способы и дороги, которые не принадлежат уму».

Ум это делатель. Наблюдайте ваш собственный ум и вы поймете. То, что я говорю, не философское утверждение, это просто факт. Я не предлагаю никакой теории, чтобы вы верили или не верили, но это что-то, что вы можете наблюдать в вашем собственном существе. И вы увидите это — когда бы вы ни были одни, вы немедленно начинаете смотреть: что-то должно быть сделано, вы должны куда-то идти, вы должны кого-то видеть. Вы не можете быть одни. Вы не можете быть неделателем.

Делание — это процесс, которым создается ум; он — сгущенное делание. Поэтому медитация означает состояние неделания. Если вы можете сидеть молча, ничего не делая, внезапно вы возвращаетесь домой. Внезапно вы видите ваше изначальное лицо, внезапно вы видите источник. А этот источник — *Сатчитананд*: это истина, это осознание, это блаженство — назовите это Богом, или нирваной, или чем хотите.

От «быть» к «делать» и к «иметь» — вот как сознание Адама возникает в мире. Двигаться обратно, от «иметь» к «делать», от «делать» к «быть» — вот что значит сознание Христа. Но суфии имеют для мира послание огромной важности. Они говорят, что совершенный человек это тот, кто способен двигаться по ступенькам: быть, делать, иметь, делать и быть и так далее, и так далее. Когда круг совершенен, тогда совершенен и человек.

Человек должен быть способен к деланию. Я не говорю, что вы должны стать неспособными делать; это не будет иметь никакого значения, это будет просто импотенцией. Вы должны быть способны к действию, но вы не должны поглощаться этим. Вы не должны становиться вовлеченными в него, оно не должно владеть вами, вы должны оставаться хозяином.

И я не говорю, что все, что вы имеете, должно быть отброшено. Я не говорю отвергнуть то, что у вас есть. Используйте это, но не будьте используемыми этим, вот и все. Тогда рождается совершенный человек.

Мистическое единство

Я называю этого совершенного человека саньясином: он будет обоими — Адам и Христос. Мирской человек это Адам, и вплоть до настоящего времени человек не от мира сего был вовлечен в сознание Христа. Но и то и другое это половины.

Человеку нужно стать полным, целостным. А для меня быть святым есть ни что иное, как быть целым — способным войти в мир и все же оставаться вне его, выше его; способным использовать ум и все же оставаться центрированным в своем существе. Тогда ум это механизм огромной ценности; тогда это не грех — иметь прекрасный ум. Вы имеете прекрасный механизм, очень сложный, и это радость — использовать его; просто как радость управлять прекрасной машиной, которая является совершенным механизмом.

Нет ничего подобного уму, если вы можете пользоваться им; тогда ум также божественен. Но если он использует вас, и ваше небо теряется под облаками ума, тогда вы останетесь в нищете, в невежестве.

Рождение ума происходит через отождествление с содержанием сознания. Нужно только маленькое изменение, один шаг, и этот шаг соединяет одно с другим. Этот шаг соединяет мир с Богом, внешнее с внутренним, земное со святым. Что это за шаг? Неотождествление.

Оставайтесь свидетелем. Всегда помните — оставаться свидетелем: что бы ни проходило через ум, знайте совершенно ясно, что вы не это. Вы не вещь, называемый умом. Однажды вы стали отождествленными со всеми производными ума, вы попали в тюрьму. После вы можете продолжать изменять и переиначивать эти производные снова и снова, но ничего не случится.

Вот что продолжают делать люди — совершенствовать самих себя, создавать прекрасную репутацию, становится святыми, религиозными, но основное все еще не сделано. Они просто переупорядочивают содержимое своего ума.

Вы можете продолжать переставлять мебель в вашем доме; вы можете расположить ее лучшими способами, немного эстетичнее, но мебель останется все той же. Грешник и так называемый святой не очень отличны; оба они — разные создания одного и того же ума.

Настоящий мудрец — тот, кто стал осознавать, что он не является умом. Идея греха возникает в нем, а он остается отчуж-

Смерть семени

денным; и идея быть святым возникает в нем, а он остается отчужденным. Он не отождествляется ни с чем — ни с гневом или состраданием, ни с ненавистью или любовью, ни с хорошим или плохим. Он остается не-выносящим-приговоры, он ничего не осуждает в уме. Если вы просто свидетель, какой смысл осуждать что-то? И он ничего не хвалит в уме — если вы просто свидетель, похвала просто бесполезна. Он остается невозмутимым, собранным, центрированным. Ум продолжает бушевать вокруг него, просто по старой привычке.

За тысячи жизней вы стали отождествленными с умом, вы вложили в него так много энергии. Он продолжает вращаться и вращаться несколько месяцев, даже несколько лет. Но если вы можете оставаться молчаливым наблюдателем, наблюдателем на горах, тогда медленно-медленно энергия, привычка исчезает и ум приходит к остановке.

В день, когда ум останавливается, вы достигли. Первое понимание того, что есть Бог, и что есть вы, приходит немедленно — потому что когда ум останавливается, вся ваша энергия, что была вовлечена в это, освобождается. А эта энергия огромна, она бесконечна: она начинает изливаться на вас. Это великое благословение, это милость.

Так называемые революционеры продолжают терпеть неудачи, так как они продолжают изменять тот же самый ум. Кто-то верит в Бога, а потом приходит революционер, говорящий: «Бога нет и я не верю ни в какого Бога». Но он такой же сильный фанатик своей идеи, как люди, верящие в Бога.

Верующие и неверующие, оба фанатики. Один стал привязан к «да», другой стал привязан к «нет», но «да» или «нет» — оба части ума. Вы выбрали одну часть, кто-то еще выбрал другую часть. Один христианин, другой индуист, но оба остаются умом. Один выбрал Библию, другой выбрал Веды, но оба — части ума.

Тогда кто же действительно религиозен? Тот, кто не выбирает вообще. Вы не можете назвать его христианином, вы не можете назвать его индуистом, вы не можете назвать его коммунистом, вы не можете назвать его теистом или атеистом. Он просто есть: он неопределим. Вы не можете наклеить на него ярлык. Бытие такое огромное, что оно не может быть обозначено, нет слова, достаточно адекватного, чтобы описать его. В этой огромности — свобода, в этой огромности блаженство.

Мистическое единство

Это настоящая революция: прыжок из ума в бытие. А процесс останется тот же самый. Если делание это процесс падения от быть к иметь, тогда неделание будет процессом возвращения обратно домой.

Медитация — это не что-то, что вы делаете: медитация — это что-то, случающееся, когда вы вообще ничего не делаете. Вы можете сидеть без движения снаружи, ничего не делать снаружи, но глубоко внутри ум может продолжаться. Вот как это происходит в монастырях, как это происходит в пещерах. Вы не делаете больше ничего, но вы можете продолжать сотворять некоторые вещи снова и снова. Вы можете продолжать повторение мантры: но это будет действием, этого будет достаточно для ума. Будет производиться одно и то же действие снова и снова, проигрывание одной и той же ленты снова и снова, годами, и благодаря этому ум не умрет.

Три йога сидели в пещере, медитируя. Мимо прошла лошадь, посмотрела на них и ушла. Минуло несколько лет, и один из йогов сказал: «Входил жеребец».

Прошло еще несколько лет, и другой сказал: «Нет, это была кобыла».

Еще через несколько лет третий сказал: «Если это превращается в спор, я ухожу».

Ничего особенного не произошло за столько лет, — лошадь просто подошла и посмотрела внутрь, но этого достаточно, чтобы сохранить вас занятыми на годы. Этого достаточно, ум может жить даже на таком незначительном материале. Человек должен осознавать, что это не вопрос того, делаете ли вы какое-то одно действие или несколько; это не вопрос количества. Это вопрос качества.

Вы можете быть очень богаты, вы можете быть королем и иметь огромное состояние, вы можете быть вовлечены в тысячу и одну вещь, и вдруг — вы внезапно оставляете королевство и все ваши владения, становитесь нищим и живете в хижине — но это не принесет никаких изменений! Посторонние, зрители увидят, что случилась великая революция: император стал нищим, он так много отверг. Но ничего не произошло внутри.

Сначала вы были вовлечены в дела королевства, теперь вы будете вовлечены в дела маленькой хижины. Просто уменьши-

Смерть семени

лось количество, но уменьшением количества качество вашего сознания изменить невозможно. Бедняк беспокоится о своей воловьей упряжке, а богач беспокоится о своей золотой колеснице. Но беспокойство одно и то же; у беспокойства то же самое качество. Бедняк беспокоится о пропитании, а король беспокоится о соседней стране; объект беспокойства различен, но процесс беспокойства тот же самый.

Вопрос в том, как переместить сосредоточение сознания с ума на бытие. Делание привело вас в мир, делание это лестница, которая привела вас в мир; неделание будет лестницей... И неделание не есть неактивность. Это указание должно быть понято ясно, тогда вы будете способны воспринять сутры Хакима Санаи сегодня.

Неделание это не неактивность, это не бездействие. Действие есть, потому что действие это жизнь. Если действие полностью исчезает, вы умрете. Даже дышать — действие; есть, переваривать пищу, спать — всё действия. Жить — значит быть активным. Тогда что же такое неделание, если это не неактивность? Если вы понимаете неделание как неактивность, вы упустите самую суть. Теперь неактивность станет вашим занятием. Вы будете постоянно заняты неделанием того и неделанием этого. Весь процесс станет негативным, но это все еще делание: «Я не могу сделать то, я не могу сделать это». Теперь вы беспокоитесь. То же самое напряжение все еще будет здесь: «Я не могу есть то, я не могу есть это, я не могу носить то, я не могу носить это». Теперь вы становитесь негативным — но процесс, эго, все еще здесь; ум все еще здесь. Он стоит вверх тормашками, он выполняет стойку на голове, но это тот же самый ум.

Неделание есть нечто, ничего общего не имеющее с действием, но очень имеющее много общего с эго, с идеей эго. Делатель есть эго: он должен стать неделателем. Тогда Бог — делатель. Тогда вы в свободном движении. Тогда вы не толкаете реку, тогда вы не создаете для себя страдания пытаясь плыть против течения.

Позвольте мне напомнить вам то, что я говорил вам только на днях: слово страдание (агопу) происходит от корня «аg» — «аg» значит подталкивание. Чем больше вы толкаете реку, тем больше страдания создается. И пока вы толкаете реку, вы по-

Мистическое единство

стоянно стремитесь плыть вверх по течению. Вы идете против природы, против Дао, против Бога.

Неделатель — это тот, кто расслабился с рекой, кто плывет с рекой, течет с рекой, тот, кто стал частью реки, кто вообще не представляет себя отдельным; тот, у кого нет личной судьбы. Вот значение неделания. Теперь судьба целого — его судьба. «Куда бы ни шло целое, я тоже иду — куда бы, к какому бы предназначению или без предназначения. Куда бы это прекрасное существование ни двигалось, я часть его. Я рябь на этом огромном озере, просто небольшая рябь. Мне нет нужды иметь личную судьбу».

Из личной судьбы возникают страх, боль, страдание. Из личной судьбы — что «Я должен что-то делать, я должен чего-то достичь» — создается ум. Делание означает: «У меня есть некая идея, каким я должен быть, кем я должен быть». Неделание означает: «Я отбросил все идеи о моем бытии, отделенном от существования».

Неотделенность есть неделание. Действие продолжается, но это больше не ваше действие. Теперь это естественно. Если во время вашей утренней прогулки перед вами неожиданно появляется змея, вы просто отпрыгиваете с ее пути. Не то, чтобы вы сделали это — действие случилось, но оно естественно. Вы не думали о нем, вы не размышляли над ним. Вы не были готовы к этому; вы могли наткнуться на змею первый раз в жизни. Вы не практиковали этого, это не программа в вашем уме. Вы откликнулись. В форме змеи здесь была смерть. Вы откликнулись — немедленно, тотчас. Ум никогда не входил, поскольку уму нужно время обдумать, подумать, продумать. А здесь нет времени, смерть так близко: вы просто отпрыгнули.

Сидя под деревом, когда змея промелькнула, вы можете думать об этом; теперь у вас достаточно времени, чтобы подумать. Но в тот момент, — в тот микроскопически малый момент, когда змея была лицом к лицу с вами, вы просто действовали не из ума, но из вашей полноты. Это было действием Бога.

Человек, действительно желающий стать неделателем, начинает действовать как проводник божественного, целого. Действие продолжается, но делатель исчезает. Вот значение неделания. Вы живете той же самой жизнью, но теперь у нее полностью другое качество, другой вкус.

Смерть семени

Сутры:

Если ты знаешь свою собственную цену,
что за нужда тебе заботиться о
принятии или отказе других?

Это фундаментальная вещь. Санаи говорит: *Если ты знаешь свою собственную цену*, тебе не нужно беспокоиться, что другие думают о тебе, принимают ли они тебя или отвергают. Если вы беспокоитесь об отказе и принятии других, это просто показывает, что вы не знаете свою собственную цену, что вы не знаете своего собственного бытия, что вы не знаете Бога, находящегося в вас, что вы обитель божественного.

Поэтому вас беспокоит, что люди думают о вас — потому что от их суждения, от их мнения будет зависеть многое. Ваше эго зависит от мнений других: ваше бытие не зависит ни от кого. Вот почему человек бытия всегда бунтарь, а человек, живущий в эго, должен так часто идти на компромисс с обществом. Эгоист должен идти на компромисс, потому что если он не идет на компромисс, никто не поддержит его эго. Эго нуждается в поддержке других, оно должно опираться на других: чем больше людей любят вас, тем более отполированное и очищенное эго вы можете иметь.

Вот почему люди читают книги, подобные «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги, или Наполеона Хилла, и аналогичные. Есть тысячи так называемых философов, которые продолжают учить людей, как полировать эго лучшим способом, как украшать его.

Современный ум озабочен этим — как вы выглядите в глазах других — это так много значит. Почему? Потому что мы полностью утратили ощущение нашего собственного бытия. Теперь все, что мы имеем — это эго, а эго нуждается в поддержке других. Если они в вас разочаруются, то заберут назад свою поддержку. А чем больше вы исполняете их ожидания, тем большим рабом вы становитесь. Вы делаете все, что они хотят. Вы просто послушны, постоянно идете на компромисс. Любите ли вы это или нет, вас никто не спрашивает; весь вопрос в том, любят ли это другие. Если они хотят, чтобы вы улыбались, вы улыбаетесь. Улыбка может быть фальшивой, но дело не в этом — она нравится людям. А когда люди любят вашу улыбку, они

Мистическое единство

полюбят вас. А если они любят вас, они дадут вам внимание, они будут уважать вас. Они удовлетворят вашу потребность быть нужным.

Весь этот процесс мы называем нашей жизнью. И если эта жизнь постоянно огорчает, это не удивительно.

Если ты знаешь свою собственную цену,
что за нужда тебе заботиться о
принятии или отказе других?

Человек, знающий себя, совершенно не обеспокоен тем, что говорят другие.

Когда Иисус нес свой крест, беспокоился ли он о том, что говорили другие? Они сделали, или пытались сделать его посмешищем. Они оскорбляли его, они грязно шутили над ним, они бросали в него банановой кожурой. Они высмеивали его всеми возможными способами, самыми бесчеловечными способами. Но беспокоился ли Иисус? Вовсе нет, ибо они ничего не могли сделать с его существом. А то, что они могли взять, он уже оставил; он отбросил все, что могли бы отобрать другие. Теперь он существует как обнаженное бытие, его собственная индивидуальность, которую не может забрать даже смерть. Огонь не может сжечь его, нет меча, способного рассечь его. Все, что может быть отобрано другими, уже было отброшено им. Теперь люди могут смеяться: он может наблюдать. Он может наблюдать, — спокойный, невозмутимый.

Когда убивали Мансура, он посмотрел на небо и громко засмеялся. Тысячи людей собрались высмеять его, оскорбить его, осудить его. Они не могли понять, почему он смеялся. Ситуация была такова, что если бы он кричал, все было бы прекрасно, но почему он смеялся? И кто-то из толпы спросил: «Мансур, почему ты смеешься?»

Он сказал: «Я смеюсь, потому что вы думаете, что убиваете меня. Вы не можете убить меня. А то, что вы убиваете, не есть я. Я смеюсь над вашей глупостью. Вы убиваете мое тело, это подобно сжиганию моих одежд — а я стою здесь и смеюсь над глупостью всего этого. Я сам оставил того, кого вы могли убить. Только то, что неразруσιμο, только то, что бессмертно,

Смерть семени

я сохранил. Теперь здесь нет страха: нет вора, способного украсть это, и нет убийцы, способного убить это. Поэтому я смеюсь. Вы, люди, собравшиеся здесь, глупы — вот почему я смеюсь».

Но общество с самого начала начинает отбирать у вас все, что имеет для вас собственную ценность. Ребенок — каждый ребенок на земле, во всех обществах — принужден отвергать свое бытие, принужден принимать мнения других о себе. Каждый ребенок рождается абсолютно принимающим себя, как он есть. У него нет к себе неприязни, он полностью любит самого себя. Каждый ребенок рождается с большой любовью к себе; у него есть самолюбие, самоуважение — потому что он еще не является умом.

Но родители испуганы, общество испугано: если он остается ориентированным на бытие, он никогда не будет рабом. А обществу нужны рабы, обществу нужны послушные граждане. Обществу не нужны индивидуальности, ему нужны фальшивые личности. Ему нужны люди, которые эффективны, но не интеллигентны. Оно допускает разумность только в степени, которая необходима, чтобы вы оставались эффективными, но оно не позволяет вашей разумности расти до своего максимума — потому что в своей высшей точке разумность будет такой бунтарской, такой революционной, — она будет огнем.

А общество такое гнилое, оно не может допустить в людях так много огня, так много свободы. Ему нужны мертвые люди, тупые люди, неразумные люди, так что они могут продолжать работать в интересах других — священников, политиков — они продолжают работать. Ему нужны миллионы рабов. Это действительно чудо, что время от времени Будда, Иисус, Санаи вырываются из тисков общества и становятся независимыми.

Общество с самого начала учит вас: «Слушай, что говорят о тебе другие, потому что это то, что ты есть». Но это такая глупость, — вся идея. Другие не знают себя, и они решают, кто есть я. Я не знаю о себе, кто я, и я решаю о других, кто они. Это взаимный обман. Я не знаю, кто я, вы не знаете, кто вы: вы решаете обо мне, я решаю о вас. Слепые люди решают друг о друге. Слепые люди говорят друг другу: «Вы прекрасны; ваше лицо так прекрасно, или так безобразно». Слепые люди решают, кто грешник, а кто святой.

Мистическое единство

И с самого начала в каждом ребенке создается такой огромный страх, что всю вашу жизнь вы страдаете от этого. Если кто-то не думает о вас хорошо, вы теряете сон — вы не можете спать: кто-то не думает о вас хорошо. В чем дело? Кто он, чтобы судить о вас? Но причина в том, что вы забыли себя; вы не знаете, кто вы. Вы зависите от него — если он не думает о вас хорошо, тогда с вами что-то неправильно; вы утрачиваете самоуважение.

Когда никто вас не уважает, как можете вы уважать себя? Ваше самоуважение просто эффект совокупного изливания на вас уважения многих людей. А это невежественные люди, такие же невежественные, как и вы. Они ничего не знают, но это их способ управления друг другом. «Я уважаю тебя, потому что хочу, чтобы ты был управляем мною. Уважая тебя, я плачу тебе, я даю тебе взятку, чтобы управлять тобой. Ты уважаешь меня, потому что ты хочешь управлять мной».

Вот как все идет. Человек, знающий себе цену, человек, знающий, кто он, останется абсолютно незатронутым. Поймите суть: когда вы абсолютно равнодушны к тому, что говорят о вас люди, у вас есть свобода, психологическая свобода, вы освободились от психологического рабства общества. Ваша душа родилась.

«Я боюсь, что у меня развилась ужасная привычка, — рассказал пациент психиатру. — Где бы я ни был, я продолжаю говорить сам с собой. Не можете ли вы что-нибудь сделать для меня?»

«Я полагаю, да, — ответил психиатр. — Но я должен предупредить вас, что это будет долгая, медленная, болезненная терапия, и к тому же очень дорогая. Но предположим, вы говорите с собой — разве это плохо?»

«Нет, я думаю, нет, — согласился пациент. — Но я такой зануда!»

Никто не может жить сам с собой, поэтому вам нужны другие. Они не могут жить одиноко сами с собой, поэтому им нужны вы. Они скучны, вы скучны — и все думают, что от пребывания вместе скука исчезнет? Она не только удвоится, она приумножится. Видели ли вы когда-либо более скучных людей, чем супруги?

Смерть семени

Вы можете видеть — если пара проходит по дороге, вы медленно можете узнать, это муж с женой или нет. Если это муж и жена, они оба выглядят такими скучными, предельно скучными. Если мужчина выглядит счастливым и женщина выглядит счастливой, тогда они не муж и жена. Она должно быть жена кого-то другого, а он чей-то муж.

Однажды я путешествовал в поезде; со мной ехала женщина, а ее муж или друг был в другом купе. На каждой станции, где бы ни останавливался поезд, он заходил к ней. Иногда он приносил мороженое, иногда сласти, то одно, то другое.

Я спросил женщину: «Кто этот человек?»

Она сказала: «Это мой муж».

Я сказал: «Не врите!»

Она сказала: «Как вы узнали?»

«Не существует мужей, делающих столько для своей жены — на каждой остановке! Раз муж избавился от жены, тогда он появляется только на последней станции, если вообще появляется. Вы везучая: он приходит на каждой остановке, принося разные подарки!»

Она сказала: «Вы правы. Он не мой муж, он просто мой друг».

Я спросил ее: «Как долго вы вместе?»

Она сказала: «Около семи лет».

Я сказал: «Опять неверно!»

Она сказала: «Как вы узнали это?»

«Семь лет — слишком большой срок! Медовый месяц заканчивается в течение пятнадцати дней — а все это выглядит как медовый месяц».

Она сказала: «Вы удивляете меня — у нас действительно медовый месяц! Я знаю его только семь или восемь дней».

Каждому скучно с самим собой. Вот почему, когда Будда говорит: «Сидя в молчании я достиг, и блаженство случилось со мной», мы слушаем его, но мы не верим ему. Или, может быть, он просто исключение — потому что когда вы сидите молчаливо, случается только скука и ничего другого.

Каждый пытался когда-то сидеть молчаливо, подобно Будде, но через несколько минут вы так себе надоедаете, потому что шум ума постоянно продолжается, внутренний разговор не пре-

Мистическое единство

кращается, и это скучно. Вы знаете это: вы скучали с другими, теперь вы скучаете сами с собой. Вы слышите вещи, сказанные вашим умом так много раз, и это продолжается и продолжается без остановки. И когда вы одни, случается то, что вы начинаете осознавать свой ум. Когда вы с другими, вы забываете себя: вы начинаете интересоваться другими, другие начинают интересоваться вами. Это вид самообмана.

Все техники медитации говорят, что пока вы не способны быть одни, вы никогда не будете способны узнать ваше существо. Для ума потребуется определенное время, чтобы остановиться. Но если вы можете сидеть молчаливо по несколько часов каждый день, незанятыми, ничего не делая — ум будет в начале бежать как сумасшедший, будет вне себя, он будет бегать кругами, но если вы можете продолжать терпеливо ждать, ждать, ждать — вы увидите, что постепенно беспокойство ума исчезает. Мысли движутся, но не так быстро — не бегут, но прихрамывают, озадаченные, глядящие на вас: «Что с тобой случилось?» Они уже не так сильны, как будто их жизнь исчезает; не так самоуверенны. Они потрясены, глядя на вас, озадачены, удивлены: «Что ты делаешь?»

Если вы продолжаете наблюдать свои мысли в течение определенного времени, однажды происходит чудо: даже если это случается только на несколько мгновений, вы взглянули в ваше существо. В те несколько мгновений вы были в вашем существо; ум исчез, не было ни единой двигающейся мысли. А раз вы соприкоснулись с вашим существом, вы никогда не будете беспокоиться, что говорят другие. Они могут осуждать вас, они могут думать о вас, как о грешнике, или они могут почитать вас, они могут думать о вас как о святом — это все одно и то же. Удача и неудача — одно и то же, слава и бесславие — одно и то же. Знает ли кто-нибудь о вас или о вас не знает никто — это одно и то же.

И просто созерцайте состояние, когда ничто не затрагивает вас: впервые вы укоренены, впервые вы центрированы, составляете целое, впервые ума нет, а вы есть.

Поклоняйся ему, как если бы ты мог видеть его
своими телесными очами;
хотя ты не видишь его,
он видит тебя.

Смерть семени

Только когда вы полностью безразличны к тому, что говорят о вас люди, вы будете способны увидеть Бога. Иначе вы остаетесь смотрящими на лица людей. Когда вы стали абсолютно безразличны к тому, что о вас говорят люди, вы способны повернуться лицом к Богу. Иначе ваши глаза, ваши уши, ваши чувства, все сфокусировано на других; они идут наружу, они не идут вовнутрь.

Раз вы стали способны к отбрасыванию людей и того, что они о вас говорят, ваша энергия доступна для движения к Богу. *Поклоняйся ему...* теперь пусть ваша энергия станет поклонением. А под поклонением подразумевается удивление, благоговение, любовь. Под поклонением не подразумевается никакое формальное поклонение: ходить в храм и поклоняться статуе — это не подразумевается. Поклонение это новое видение, новое проникновение в реальность.

Когда ребенок смотрит на восход солнца, посмотрите в его глаза: это поклонение — он так удивлен, в таком благоговении. Когда он смотрит в звездное небо ночью, — посмотрите в его глаза: те далекие звезды отражаются в его глазах, это — поклонение.

Ребенок знает, что такое поклонение. Мы забыли, потому что мы забыли язык чуда. Мы стали слишком знающими: когда солнце восходит, мы знаем, что это такое. Никто в действительности не знает, но мы были в школе, колледже, университете, так что нас этому научили. Когда цветет цветок, мы знаем, как называется этот цветок, к какому виду он принадлежит и из какой страны он пришел. Но все эти вещи незначительны, неуместны.

Происходит что-то чудесное: цветок раскрылся, распространяется аромат. Цветок необыкновенно прекрасен, он живой, а вы просто заклеили его. Вы говорите: «Это роза» — и вы думаете, что вы узнали его, просто дав ему имя? Вы упустили. Вы лишили цветок загадки, и поэтому вы упустили его чудо. Иначе каждый цветок передаст вашему сердцу трепет, каждая звезда даст ему новый толчок и каждая птица начнет петь в вас.

Жизнь так психоделична, она — такое великолепие. Чувствовать ее тайну, чувствовать благоговение — это и есть поклонение. И тогда, в какой-то неведомый момент, вы можете склониться перед существованием. Вы можете поклонить ко-

Мистическое единство

лени к земле, вы можете упасть на песок, — в великой молитве, в великой любви, как будто земля является вашей матерью. И она такова: существование это ваша мать — и великая любовь поднимется в вас. Эта поднимающаяся любовь и есть поклонение.

Поклоняйся ему, как если бы ты мог видеть его
своими телесными очами;
хотя ты не видишь его,
он видит тебя.

Когда бы ни случился момент поклонения, вы будете удивлены: все существование наблюдает за вами, все существование смотрит на вас, ласкает вас, заботится о вас. Вы почувствуете, что некие невидимые руки ласкают вас, некие невидимые глаза смотрят на вас, некая невидимая энергия обнимает вас.

Пока ты в этой стране
бесплодных стремлений,
ты всегда неуравновешен, всегда
или весь позади, или весь впереди;
но если ищущая душа продвинулась
хотя бы на несколько шагов выше этого,
любовь хватает поводья.

Если вы допускаете случаться поклонению, вскоре произойдет любовь — та любовь, о которой вы даже не мечтали. Любовь, которую вы знаете — не настоящая любовь, потому что в ней нет ощущения тайны, в ней нет благоговения, нет поклонения, нет молитвы.

Если вы действительно любите женщину, вы полюбите ее как богиню. Если вы действительно любите мужчину, вы полюбите его как бога. Нет другого способа любить. Любовь преобразует все в божественное; это алхимия любви. Если любовь не делает этого, тогда это должно быть чем-то другим. Это может быть страстью, это может быть сексуальным желанием. Это может быть просто потребностью — физической, психологической.

Смерть семени

Любовь — не потребность! Любовь это переполняющая радость. Она случается только с поклоняющимися, молитвенными людьми. Иначе вы остаетесь в этом бесполезном мире — *этой стране бесплодных стремлений*. С самого детства до старости, что вы продолжаете делать? Играете в игрушки.

Маленький мальчик сидел, плача, на обочине, и старик, проходивший мимо, склонился над ним.

«В чем дело, малыш? — спросил он. — Почему ты плачешь?»

Маленький мальчик сказал: «Я плачу, потому что я не могу делать то, что делают большие мальчики».

Старик сел на обочину и тоже заплакал.

Нет большой разницы: ребенок есть ребенок, но ваш так называемый старик такой же ребенок, иногда даже больше. Зрелость очень редка: люди остаются незрелыми. Если вы интересуетесь только игрушками — обладание тем, обладание этим, достижением славы, достижением какой-то политической власти, престижа, владение деньгами, известностью в мире если вы интересуетесь этими вещами, вы остаетесь частью этого глупого мира бесполезных, бесплодных стремлений. Но эти стремления сохраняют вас занятыми, они делают вас несвободными. Это интоксиканты.

А самая удивительная вещь — то, что рядом с этим бесплодным, бесполезным миром находится мир плодородия. Он очень близко, прямо за углом.

В Чикаго, в одной квартире, жили два друга, Джим и Джо. Однажды Джим пришел домой и нашел Джо плачущим, уткнувшим лицо в ладони. «Я такой невезучий! Такой невезучий!» — стонал он.

«Ты всегда так говоришь, но это не так,» — сказал Джим.

«Так! Так! — сказал Джо. — Я самый невезучий парень, которого ты знаешь!»

«Что теперь случилось?»

«Ну, я встретил эту прекрасную женщину на Мэдисон-стрит. Мы разговорились, остановились около маленького бара и немного выпили. Ох! Мы действительно выпили. Когда она убедила меня, что я должен пойти с ней, я думал, что удача наконец повернулась ко мне лицом.»

Мистическое единство

«Кажется, так и было,» — сказал Джим.

Через несколько минут мы вошли в ее квартиру и я был с ней в постели. Я как раз начинал разгораться, когда мы услышали, как хлопнула дверь. «Это мой муж!» — сказала она.

У меня даже не было времени схватить полотенце. Я отскочил к окну и только управился, чтобы вылезти, висая на руках на выступе, когда он схватил меня.

Он немедленно оценил ситуацию, и увидел, что моя дражайшая жизнь висит на моих руках. Он влез в окно и начал бить молотком по моим пальцам. Затем он помочился на меня. Затем он захлопнул окно на мои окровавленные пальцы.

Затем, как будто у меня было недостаточно неприятностей, две старухи на улице увидели меня висящим нагишом и начали пронзительно звать полицию.

Пришли полисмены и я был арестован. Теперь ты видишь, что я имею в виду, когда говорю, что я невезучий?»

«Чепуха! — сказал Джим. — Ты расстроен, но случай, подобный этому, мог случиться с каждым.»

«Ты не понял, — сказал Джо. — Когда полисмены пришли арестовать меня, я посмотрел вниз, а мои ступни были только в нескольких сантиметрах от земли. Теперь ты видишь, что я имею в виду, когда говорю, что я невезучий?»

Другой мир недалеко! Он прямо за углом — даже не в четырех дюймах. Только небольшое изменение вашей фокусировки, вашего осознания, вашей осознанности, и вы перемещаетесь отсюда туда. И это может произойти в любой момент. Все, что нужно — это понимание, что все, что вы делали до настоящего момента и все, что вы делаете теперь, бесполезно. Пусть глубоко в ваше сердце войдет то, что все, что вы делаете, бесполезно.

Деньги не помогут, слава не поможет, власть не поможет. Смерть придет и все будет отобрано у вас. И какое значение, сколько у вас денег? Единственное, что подлинно в мире это то, сколько в вас *бытия*.

Владеть — значит падать: быть — это возвышение, воскрешение Христа.

Пока остается этот мир,
этого не может быть;

Смерть семени

пока ты существуешь,
Бог не может быть твоим.

Вы можете выбрать только один мир: этот или тот. Вы можете жить в мире снов, но тогда вы потеряете мир реальности, мир бодрствования. Если же вы живете в мире бодрствования, то мир снов исчезает. Но люди продолжают выбирать сны.

Почему люди выбрали мир снов? Только по одной причине: они принуждены забыть свою реальность. А когда вы не знаете вашу реальность, вы должны создать что-то, к чему можно прицепиться, вы должны создать заменитель. Пустота не приемлема: это что-то лучше, чем ничего, даже сон лучше, чем ничего. В таком случае даже заниматься бесполезными вещами хорошо — по крайней мере человек занят, человек не теряет даром время; по крайней мере, он что-то делает, он ищет, и ему некогда сидеть и плакать над своим состоянием падения.

Это оставляет вас одурманенным, оставляет вас надеющимся: «Сегодня ничего не случилось, но завтра это обязательно произойдет». Вы продолжаете создавать «завтра». Но вы знаете, что это не случилось вчера, и это не случилось сегодня. Вчера вы тоже думали, что это может случиться завтра, сегодня вы тоже думаете, что это случится завтра, а завтра вы тоже будете продолжать думать и откладывать.

Надежда сохраняет вас, определенным образом, в здравом уме. Иначе — ничего не происходит, и это сведет вас с ума.

Мастера дзен, суфийские мастера, хасиды, — все великие учителя мира говорят одно, что ученик не должен пытаться сидеть молчаливо без мастера. Почему? Потому что если ученик пытается молчаливо сидеть без мастера, скоро он начнет сходиться с ума. Мир снов начинает исчезать. Это был его мир, единственный мир, который он когда-либо знал — он начинает исчезать, растворяться подобно тающим облакам. А другой мир еще не пришел; он придет только тогда, когда мир снов полностью ушел, совершенно испарился. Даже если имеется незначительный, тонкий слой снов, реальность увидеть невозможно.

Вы можете жить либо снами, либо реальностью; когда все сны исчезли, случается реальность. Но для этого требуется время. Когда девяносто процентов снов исчезли, вы все еще не узнали реальность. Когда девяносто девять процентов снов ис-

Мистическое единство

чезли, вы все еще не узнали реальность. Теперь вы становитесь очень неустойчивыми: все, что вы имели исчезает, утекает, истощается, а ничего другого не произошло.

Ум скажет: «Поспеш и схвати исчезающие сны». Ничто страшит, пустота выглядит как смерть. Вам будет нужен кто-то, чтобы сказать «Не беспокойся, все совершенно правильно, вот как это происходит. Вот как это произошло и со мной тоже. Осталось совсем немного — подожди еще чуть-чуть, имей немного больше терпения: этот один процент снов тоже исчезнет»... А это очень пугает. Пустота сводит с ума.

Мастер нужен, чтобы вы сохраняли терпение, мастер нужен, чтобы помочь вам не бояться слишком. Страх естествен: вы падаете в бездну, вы исчезаете — потому что с вашими привязанностями ваше эго исчезнет; с вашими делами ваше эго исчезнет. И, медленно-медленно, вы найдете пустоту, возникающую в вас. А вы не искали пустоту, вы искали Бога, вы искали истину. Вы искали что-то вечное, бессмертное — а вместо этого вы начинаете умирать, случается смерть. Имеются все возможности, что в одиночестве вы поспешите назад. Нужен мастер.

Все великие мастера создали поля Будд. Если может быть создано поле, это помогает даже больше. Когда имеются миллионы медитирующих людей, создается огромное поле. Вы не одиноки: есть те, кто были перед вами, и те, кто будут после вас. Те, кто были до вас, говорят вам: «Да, это происходит, но оно исчезает». И вы можете сказать тем, кто придет за вами: «Да, то, что случилось с вами, случается, но оно исчезает». Вы в цепи.

Вот почему веками создавались коммуны. Вокруг каждого великого мастера возникает коммуна — она *должна* возникнуть. Она создает определенное энергетическое поле: в этом энергетическом поле люди могут расти намного легче. Это становится Садам.

Хаким Санаи назвал эту книгу «Огражденный Сад Истины: *Хадика*».

Когда есть тысячи цветущих деревьев, новые семена могут обрести храбрость и прыгнуть в почву, и умереть, потому что они знают, как это происходит. Так много деревьев говорят, так много цветов объявляют: «Не беспокойтесь. Исчезайте в почве и вы воскреснете. Это произошло с нами».

Смерть семени

Пока остается этот мир,
этого не может быть;
пока ты существуешь,
Бог не может быть твоим.

Вы должны исчезнуть, подобно семени в почве. Это исчезновение выглядит как смерть — но это не так. Вы умираете только видимо: на самом деле, вы впервые рождаетесь. Это воскрешение, это возрождение, вы становитесь дважды рожденными. Впервые вы что-то знаете о бессмертии. Вы несли это в форме семени, но вы сможете увидеть это, только когда семя станет цветком, когда оно станет ароматом.

Семя полно, но семя — только потенциал. Пока оно не станет реальным, вы сможете увидеть его; оно останется скрытым. А если вы вскрыете его, вы также ничего не найдете. Как если бы кто-то пошел к хирургу и спросил его: «Есть ли во мне Бог?», хирург может разрезать человека и посмотреть внутри, но он не найдете нигде никакого Бога. Нет рентгеновского аппарата, который дал бы вам картинку вашей души.

Вот почему ученые продолжают говорить, что Бога нет, души нет — они просто препарируют семя. Семя не должно быть препарировано; семя должно упасть в почву и исчезнуть во тьме почвы, в утробе земли. Оно должно исчезнуть.

Мастер — это чрево, коммуна — большое чрево: ученик приходит и исчезает в нем. И тогда однажды приходит весна, и что-то прорастает — что-то, чего вы никогда не могли предположить в семени, — два зеленых листка...и дерево начинает расти.

Смерть это ключ, что отпирает
неизвестную область;
но для смерти дом истинной веры
должен оставаться закрытым.

Итак, не бойтесь той смерти, которую семя должно встретить. Каждый ученик встретится с ней.

Приход смерти...

Мистическое единство

Когда смерть постучится к вам, не бойтесь. Это начало новой жизни, изобильной жизни. Вот смысл распятия и воскрешения Христа. Это не исторический факт. Если вы пытаетесь сделать это историей, вы разрушите поэзию, вы разрушите величие. Вы перенесете все в мир фактов. Это не факт, это вечный миф. Это случилось до Иисуса; это случилось с каждым мастером, это должно случиться с каждым учеником. Это вечная истина: рассказ просто обрисовывает ее, описывает ее. Но не сводите это к историческому факту.

Христиане продолжают разрушать прекрасную поэму жизни Иисуса; они пытаются сделать ее исторической. Если воскрешение Христа — историческое, вы перенесли его во время, в обычный мир фактов, где существуют Адольфы Гитлеры и Муссолини. Вы перенесли его в безобразный мир истории, времени, событий. Это не событие, этого никогда не случилось — хотя это случается всегда.

Такова истина жизни всякого искателя. Всякий искатель должен умереть на кресте, а после трех дней — трех дней ожидания, символического ожидания — может прийти весна и воскрешение.

Приход смерти -
это ключ, что отпирает
неизвестную область...

Только умирая, семя отпирает дверь и дерево начинает расти. Только умирая как Адам, вы отпираете дверь сознания Христа в вас. Только умирая как ум, вы отпираете дверь бытия.

Смерти -
это ключ, что отпирает
неизвестную область;
но для смерти дом истинной веры
должен оставаться закрытым.

Смерть также прекрасна. И помните, мы вообще не говорим о физической смерти: мы говорим о психологической смерти. Мы говорим о смерти эго, «эгоизирования».

Смерть семени

Если сам ты
в действительности перевернут,
то твоя мудрость и вера
обречены быть вывернутыми наизнанку.

Мы именно таковы. Мы забыли свое бытие — кто мы. И мы отождествились с умом, с тем, чем мы не являемся. Это состояние вывернутости наизнанку: реальность забыта, и нереальное претендует на то, чтобы быть реальным.

В этом состоянии вы не можете знать то, что есть. Бог окружает вас, истина окружает вас, но вы не можете знать Бога, вы не можете знать истину, потому что вы стоите вверх тормашками. Чтобы знать истину, вы должны стать истиной: вы должны вернуться назад к источнику, вы должны искать и надеяться.

Вы утратили себя в мире владения, обладания. Вы вошли в мир владения по лестнице делания — теперь двигайтесь обратно. Когда вы двигаетесь назад по той же самой лестнице, это неделание, потому что делание становится все меньше и меньше, а потом оно исчезает. Этот первый вкус бытия есть начало полностью новой жизни — жизни вечности.

Как-то двое негров из южного города безумно хотели женщину, но не могли найти ни одной. Они ехали по сельской дороге и заметили свинью. Один из них выскочил наружу, схватил свинью и положил ее на сиденье между ними.

Они пытели дальше на своем «Форде» 1969 года выпуска, когда внезапно за ними зазвучала полицейская сирена. Посмотрев назад, они увидели что у полицейской машины серьезные намерения. Они съехали с дороги. Не желая быть схваченными с ворованной свиньей, они бросили на нее одеяло.

Офицер подошел к их машине.

«Что вы делаете?» — спросил он.

«Мы просто искали женщину,» — правдиво сказал один из парней.

Внезапно свинья высунула свою морду из складок одеяла.

Полицейский изумленно взгляделся, печально покачал головой и сказал:

Мистическое единство

«Леди, можете ли вы мне сказать, что хорошенькая южная девочка, вроде вас, делает с этими двумя неграми?»

Человек в таком бессознательном состоянии! Человек почти пьян. Он не может видеть, что есть что; он продолжает верить тому, что говорят другие. Он не уважает свои собственные глаза, свои собственные уши; он не уважает свои собственные ощущения. Он стал очень нечувствительным.

Вы продолжаете верить тому, что говорят другие. Кто-то говорит: «Это дом Бога, — храм, или синагога, или церковь», и вы начинаете верить им, идете и начинаете поклоняться камню.

Это нелепость, это предельная глупость — мысль о том, чтобы быть религиозным. Религия принадлежит только интеллигентности; религия — это цветение интеллигентности. Просто подумайте над этим снова: что вы делаете под именем религии? Повторение, имитация — вы поверили тому, что сказали другие. Когда вы станете искать сами? Когда вы станете думать сами?

Только думая сами, только смотря на явления из своего центра, вы будете способны проснуться. Иначе этот сон продолжится. Он продлится долго, он может продлиться вечность — пока вы не возьмете власть над своим собственным бытием, пока вы не начнете работать над своей собственной интеллигентностью, пока вы не начнете оттачивать ее. И никто не поможет, помните. Но если вы можете найти кого-то, кто может помочь, тогда это — ваш мастер.

Люди помогут вам остаться посредственностью, потому что так они могут продолжать эксплуатировать вас. Если вы можете найти кого-то, кто готов помочь вам отточить вашу интеллигентность, тогда будьте с этим человеком: вы нашли друга. Это очень трудно — найти друга в этом мире, этот мир очень недружелюбен. Всякий заинтересован в том, чтобы эксплуатировать — а люди, желающие эксплуатировать вас, не могут помочь вам стать разумными.

Моя задача здесь — как можно больше отточить вашу интеллигентность. Все происходящее в этой коммуне направлено на то, чтобы отточить вашу интеллигентность, чтобы вы могли стоять на своих собственных ногах.

Не продолжайте повторение идей, как попугаи, иначе вы никогда не станете человеком.

Смерть семени

У миссис Келлер был очень талантливый попугай. На ее вечерних приемах он был в центре внимания, так как она научила его повторять то, что сказал дворецкий, когда он объявлял гостей.

У попугая был только один недостаток: он любил заниматься любовью с цыплятами. Он использовал каждый шанс, он перелетал через забор на соседскую ферму и занимался там любовью с цыплятами.

Фермер пожаловался миссис Келлер, и в конце концов она строго поговорила с попугаем. «Бертрам, — сказала она, — лучше послушай меня! В следующий раз, когда ты уйдешь на участок фермера Уэлена, я тебя сильно накажу!»

Попугай склонил голову на плечо, чтобы показать, что он понял. Но двумя днями позже он не смог противиться искушению и перелетел через изгородь. Он уже занимался любовью с третьим цыпленком, когда фермер Уэлен заметил его и прогнал его. Он снова пожаловался миссис Келлер.

«Теперь ты получишь,» — сказала она. Она взяла парикмахерские ножницы и состригла все перья с макушки попугая.

Этим вечером миссис Келлер давала прием. Она усадила попугая на пианино.

«Бертрам, — сказала она, — ты сделал нехорошее дело. Ты будешь сидеть здесь всю ночь. Не летай вокруг и не играй как обычно!»

Итак, хотя и чувствуя себя несчастным, попугай сел на пианино. Так как дворецкий объявлял гостей, то Бертрам, как обычно, повторял имена. Дворецкий сказал: «Мистер Арнольд Леви и леди Стелла», и попугай сказал: «Мистер Арнольд Леви и леди Стелла». Дворецкий сказал: «Мистер и миссис Роберт Соломон», и попугай сказал: «Мистер и миссис Роберт Соломон».

Потом в комнату вошли двое лысых мужчин. Не дожидаясь, пока дворецкий их объявит, попугай завопил: «Прекрасно, должно быть, вас тоже поймали, когда вы занимались любовью с цыплятками! Лезьте ко мне на пианино!»

Помните, вы не попугай, вы человек. Уважайте вашу человечность, уважайте разумность, данную вам. Уважайте дар Бога и оттачивайте его, вырастайте в нем, пусть этому развиваться.

Мистическое единство

Люди используют только пять процентов своего потенциала — вот к чему пришли психологи. Даже люди, являющиеся очень талантливыми, используют не больше чем десять процентов, а люди, известные как гении, используют только пятнадцать процентов своей разумности. Можете ли вы вообразить, что мы теряем? Можете ли вы представить? Если люди используют сто процентов своей разумности, эта земля станет уникальной, эта земля будет раем. Не будет нужды думать о рае после смерти, рай будет здесь и сейчас.

Это возможно — Бог дал вам потенциал. Но политики и священники не допустили чтобы вы использовали его, и ваши так называемые священники все против него.

Если вы можете найти человека, который помогает вам отточить вашу разумность, который уважает ее, который хочет, чтобы вы максимально развили ее, чтобы вы зажглись ею, тогда вы нашли мастера.

Это единственное условие, которое должно выполняться настоящим мастером. И это единственный критерий, по которому вы можете понять, нашли ли вы настоящего мастера или нет. И это так просто, это так очевидно, если вы натолкнулись на человека, который помогает вам отточить вашу разумность, который помогает вам идти выше посредственности, которую общество возложило на вас.

Отбросьте ваши посредственные эго. Внутри вас — источник великой разумности, божественного разума.

Прекрати плести паутину о себе:
вырвись, как лев из клетки.

Вот как настоящий мастер доносит свое послание. Санаи говорит:

Прекрати плести паутину о себе...

Прекратите плести паутину мыслей, желаний, амбиций, образов.

Прекрати плести паутину о себе:
вырвись, как лев из клетки.

Смерть семени

Клетка, в которой вы находитесь, поставлена обществом. Вырвитесь наружу! Издайте рык льва! Выйдите из снов, в которые вы упали, в которые вы попались. Будьте бунтарями, будьте революционерами.

Растопи себя в этом поиске:
рискни своей жизнью и своей душой
на пути искренности...

Одно нужно запомнить: будьте подлинны, будьте искренни с собой. Объявляйте вашу истину, какой бы ни была цена. Даже если вы рискуете жизнью, рискните ею, ибо истина намного значительнее, чем все остальное, ибо истина есть подлинная жизнь. Рискните всем — будьте подлинны! Все, что у вас есть, — поставьте это на карту! Не допускайте никого управлять вами, не допускайте никого поработать вас. *И растопите себя в этом поиске* — и пусть эго растопится.

Вы стали замороженными кубиками льда: пусть эти ледяные кубики растают. И если они растаяли, они начинают цвести, они становятся живыми и динамичными.

Растопи себя в этом поиске:
рискни своей жизнью и своей душой
на пути искренности;
старайся избежать никчемности бытия,
и сделай себя опьяненным вином Бога.

Вы пробовали разные сорта вин в этом мире — деньги, власть, славу: все это — отравы. Но есть вино — вино Бога, вино любви, вино медитации, вино, что льется из глубины вашего сердца. Станьте доступными ему.

А как человеку стать доступным ему? Будьте открытыми. Только подлинный человек может быть открытым человеком. Человек, который не подлинен, который не верит в себя, который претендует быть кем-то, кем он не является, *не может* быть открытым. Он фальшив: он должен скрывать ложь многими способами.

Только искренний человек может быть открытым — ему нечего скрывать, ему нечего защищать. Вся его периферия, вся

Мистическое единство

его окружность открыта для существования; триста шестьдесят градусов окружности открыты для существования. Он соприкасается с реальностью в каждом направлении, во всех направлениях. Он доступен реальности, полностью доступен.

Люди, живущие ложью, не могут быть полностью доступны; они всегда боятся, что их могут поймать на вранье. Они должны защищать себя, они должны создавать доспехи вокруг себя. Они открывают только небольшое окошко — может быть, просто замочную скважину, откуда они смотрят на мир, и через которую мир входит к ним. Но это всего лишь маленькая часть мира. Через замочную скважину не может войти много солнца, и не могут войти ветра, и дожди не могут войти. А вы скрыты за замочной скважиной и смотрите через замочную скважину поэтому — все, что вы усматриваете, будет очень частичным, ущербным. И все утверждают свое частичное видение как истину.

Вырвитесь наружу из этой клетки. А это возможно, только если вы уважаете себя, если вы чувствуете значимость бытия здесь, если вы чувствуете, что Бог создал вас как уникальное существо. Он никогда не создал никого, подобного вам, и он никогда не создаст никого, подобного вам, снова. Вы уникальны, вы несравнимы. Ощутите этот дар, эту милость, и уважайте себя.

Человек, уважающий себя, подлинен. Он не может идти на компромисс: он предпочитает умереть, но утвердить свою истину. А это цена, запрашиваемая Богом. Рискуйте всем, что у вас есть — ибо у вас нет ничего, вы только думаете, что вы что-то имеете. В действительности вы ничто.

Санаи говорит:

Старайся избежать никчемности бытия,
и сделай себя опьяненным вином Бога.

Будьте открытыми, и Бог начнет изливаться на вас, подобно вину, из всех уголков и закоулков существования. Тогда, куда бы вы ни посмотрели, вы находите Бога. Тогда, чего бы вы ни коснулись, вы находите Бога. Тогда, что бы вы ни пили и ни ели, вы находите Бога. А когда Бог изливается отовсюду, такая жизнь есть празднование.

The page is framed by a wide, repeating decorative border with a geometric and floral motif. In the center, a large, ornate floral wreath is composed of various flowers, leaves, and scrolling vines. The text is centered within this wreath.

Поле Будды
весной

14 декабря
1978 года

Мистическое единство

Первый вопрос:

Ошо, во вчерашней лекции ты сказал, что программы, имена, ярлыки, становление кристаллизованным и отождествленным — это помехи и обязательства в поиске искателем истинного «Я». Для меня это так. Я не хочу ярлыков. Я хочу быть обширным, неограниченным. Я не хочу быть кристаллизованным. Я хочу течь, подобно горному потоку. Чтобы стать признанным, как ученик, организацией вокруг тебя, человек должен принять программу, которая, в частности, настаивает на ношении малы, оранжевых одежд и изменении имени, что, кажется, действует как метки и ярлыки, обозначающие человека, как саньясина.

Пожалуйста, объясни, что такое неосаньясин и что требуется (если есть что-то), чтобы быть им. Это важно для меня, потому что ты для меня — свет во тьме, но единственный способ стать к тебе ближе, говорить с тобой — стать саньясином, что означает вовлечение в тяжелую работу — большую, чем простое желание стоять под твоим путеводным светом.

Роланд Симан, саньяса это не программа: это процесс депрограммирования, и поскольку ты уже запрограммирован, тебе надо депрограммироваться.

Ты говоришь, что ты не хочешь быть отождествленным с именем — тогда, кто такой Роланд Симан? Ты говоришь, что ты не хочешь становиться ярлыком, но ты и есть ярлык. Вопрос не в становлении ярлыком или именем — ты уже являешься этим. Это подобно тому, что загипнотизированный человек говорит: «Я не хочу быть загипнотизированным». Неосаньяса — это процесс дегипноза: человек, который уже загипнотизирован, нуждается в том, чтобы быть разгипнотизированным — если он говорит, что это снова вид гипноза, тогда он останется загипнотизированным навсегда.

Общество гипнотизирует вас, церковь гипнотизирует вас, ваши родители гипнотизируют вас. Вы уже прошли через этот процесс; теперь вы должны будете вернуться назад. Неосанья-

Поле Будды весной

са — это процесс отбрасывания всего, что было навязано вам; неосаньяса — это антипроцесс.

У Муллы Насреддина было объявление на фронтоне его офиса, что продавцы не допускаются. Если кто-то пробует войти, он будет преследоваться по суду.

Друг спросил его: «Почему ты так против продавцов?»

Он сказал: «Они смертельно скучны».

Друг сказал: «Это правда, это и мой собственный опыт. Откуда ты взял эту табличку?»

А Мулла засмеялся и сказал: «Это единственная практичная вещь, что я когда-либо купил у продавца».

Саньяса — не новая программа. Оранжевое, мала и новое имя — просто жест с вашей стороны, что вы готовы отбросить все программы, жест с вашей стороны, что вы открыты мне. Это просто жест; вот почему это так просто. Всякий может получить саньясу, вне зависимости от условий, нет нитей, прикрепляющих к ней.

Вы когда-нибудь слышали о какой-нибудь духовной традиции в мире, так легко дающей саньясу? Нужны великие приготовления. Если вы хотите стать индусским саньясином, вы должны будете пройти через долгий процесс подготовки. Если вы хотите стать христианским монахом, то же самое. Это происходит впервые во всей истории человечества: я даю вам саньясу, не спрашивая, достойны ли вы этого, готовы ли вы. Почему? Потому что это не программа.

Быть католическим монахом... Нужно выполнить ряд условий перед тем, как вы будете допущены, это потребует для подготовки годы. Чтобы стать джайнским монахом потребуются еще больше, потому что джайнский монах это аскет, — чем неестественнее программа, тем более долгие приготовления понадобятся.

Я даю вам саньясу без требований, без условий. Это просто жест. А вы думаете только о новом имени, о необходимости носить оранжевые одежды. Но вы не знаете: новое имя поможет вам развязаться со всем вашим прошлым. Эти оранжевые одежды объявляют, что вы больше не часть никакой религии, что вы просто религиозны — что вы не индуист, не христианин, не мусульманин.

Мистическое единство

Саньяса подобна шипу с помощью которого вы вытаскиваете занозу из своей ступни. Этот шип — точно такая же заноза. Саньяса — это просто шип, чтобы вытолкнуть все занозы, засевающие в вашем существе. Вы не отождествляетесь с чем-то опять. Саньяса не серьезна; она очень игрива, она несерьезна.

Я сказал вам, что *программы, имена, ярлыки, кристаллизация и отождествление* — это помехи и обязательства в поиске искателем истинного «Я».

Да, я повторяю это снова. Но у вас все же будет имя: не отождествляйтесь с ним. Я не сказал вам не иметь никаких имен — не так ли? Без имен будет невозможно существовать. От них есть некая польза. Без имен, без адресов — будет невозможно существовать там, где вокруг вас так много людей. Вам нужно определенное имя; это утилитарно, в этом нет окончательной истины. Когда вы начинаете думать, что ваше имя имеет в себе что-то истинное, тогда вы стали кристаллизованным и отождествились с ним.

Я сказал: не отождествляйтесь с вашим именем, и не отождествляйтесь ни с каким ярлыком, что вы используете в жизни. А вы должны будете использовать много ярлыков. Я не против жизни. Если вы отбросите все ярлыки и все имена, вы должны будете вернуться к очень примитивному состоянию — жить в пещере в Гималаях. Здесь не нужно никаких имен, поскольку нет почтальона, который когда-либо принесет вашу почту, никто никогда не окликнет вас, никто никогда не обратится к вам. Но это будет разновидность самоубийства. Я не учу вас никакому виду самоубийства. Я против отречения от мира.

Я хотел бы научить вас жить в мире, жить более полно, жить более интенсивно. Но тогда будут нужны ярлыки и имена. Тогда что же делать? Не отождествляйтесь с ними, вот и все.

Если вы пронесли имя через сорок лет, хорошо поменять его, поскольку не отождествляться с новым именем будет легче. Со старым, сорокалетним, ассоциация очень сильна; это глубоко вошло в вашу плоть и кровь. Новое имя будет просто на поверхности. Теперь не делайте с новым именем то же, что вы сделали со старым.

Та организация, что существует вокруг меня, в действительности не организация, но механизм — механизм, который соз-

Поле Будды весной

дает определенное пространство. Вы можете быть неспособным увидеть это прямо сейчас, пока вы не вошли в это пространство. Те, кто вошли, знают, что организация существует между мной и миром, и она должна выполнять некую функцию.

Роланд Симен, если бы здесь не было организации, ты не смог бы сидеть со мной молчаливо и двух минут. Здесь были бы тысячи и тысячи людей, всегда шумящих вокруг меня; никакая работа была бы невозможна. Я жил таким образом на протяжении многих лет. Было невозможно работать с людьми, поскольку не было возможности какого-то единства. Здесь всегда были толпы. Даже когда я спал в моей комнате, люди сидели вокруг; я ел, а люди сидели вокруг. Это была непрерывная толпа. Никто не мог задать никакой личный вопрос, интимность была невозможна.

Эта организация была создана, чтобы не быть в организации, а просто быть здесь, так что весь мир не стал бы посягать на меня, а я мог оставаться доступным для настоящих, подлинных искателей.

Сейчас вы сидите в молчании, здесь, со мной, и скажите за это спасибо так называемой организации. Иначе это было бы невозможно. Так было: тысячи людей слушали меня; я путешествовал по стране. В городах собиралось по пятьдесят тысяч человек. На одной стороне стояли люди, которые кричали против меня, а на другой — люди, бывшие за меня, и они тоже кричали, а я в это время говорил! И постоянно дежурила полиция.

Было почти невозможно работать; вот почему я прекратил путешествовать. Теперь я никуда не иду. Те, кто действительно заинтересован в истине, должны будут прийти ко мне. А организация — просто механизм, просвечивающий людей. Если вы действительно искатель, тогда это ничто — носить оранжевую одежду, стать саньясином. Если даже это для вас большая цена, тогда вы не настоящий искатель, может быть, просто любопытствующий.

Для того, чтобы быть с мастером, необходимо соучастие с мастером. Это единственный способ быть в объединении. Это не только вопрос разговора со мной: это вопрос разделения моего бытия. Вы должны будете дать мне знак, что вы останетесь открытыми, что вы не будете защищаться.

Твой вопрос, Симен, не что иное, как защита. Ты хочешь иметь все возможности, которые даны тем, кто сдался, и все

Мистическое единство

же ты не хочешь сдать ся и ты не хочешь соучаствовать. Ты хочешь выгод без того, чтобы платить за них.

Ты говоришь: *Во вчерашней лекции ты сказал, что программы, имена, ярлыки, кристаллизация и отождествление — это помехи и обязательства...*

Да, это так. Когда ты примешь саньясу, если ты когда-нибудь примешь ее, не отождествляйся с именем: думай о нем, как о полезном приспособлении. И не становись отождествленным с оранжевыми одедами: думай о них, как о жесте.

И ты говоришь: *Для меня это так.*

Для тебя это не так. Если бы это было так, истина уже случилась бы с тобой. Тогда что же мешает истине? Если ты отбросил все ярлыки, все программы, все имена, — если ты не отождествлен ни с чем — тогда что препятствует истине случиться? Несомненно, ты очень умен и хитер. Ты *отождествлен* со своим именем, ты отождествлен с программами, ты отождествлен со своим прошлым и всеми условностями, что прошлое дало тебе. Но слушая меня... эта идея очень хорошая, удобная — так что тебе не нужно ничего менять, ты можешь просто сказать: *для меня это так*. Если для тебя это так, то, во первых, почему ты здесь?

Ты говоришь: *Я не хочу ярлыка.*

Кто этот «Я», что не хочет ярлыка? Это уже ярлык — самый большой ярлык!

Ты говоришь: *Я хочу быть обширным, неограниченным.*

Кто этот «Я», что хочет быть обширным и неограниченным? Это и есть путешествие эго! Ты никогда не можешь стать обширным и неограниченным. Когда вы исчезли, — это обширность, это неограниченность — но это не будет принадлежать вам, запомните. Вы не сможете утверждать: «Я огромен». Если здесь есть «Я», тогда безграничность невозможна. «Я» обречено

Поле Будды весной

остаться ограниченным. Идея эго никогда не может быть неограниченной; идея эго сохраняет вас отдельным от бесконечности существования.

Ты говоришь: *Я хочу быть обширным, неограниченным.*

Твое эго хочет стать обширным и неограниченным. Саньяса просто означает, что ты отбросил все трюки своего эго. Тогда ты говоришь: «Я не хочу никем быть, я не хочу быть кем-то особенным, я не хочу иметь никакой цели». Стать бесконечным, стать обширным, — всё в будущем. А если появляется цель, эго усиливается.

Эго существует через цели; как вы их назовете, — несущественно. Вы можете сделать целью деньги, власть, престиж, или же бесконечность, обширность, Бога — это тот же самый трюк эго. Теперь оно стало более неуловимым и более ядовитым, поскольку чем неуловимее эго, тем оно опаснее.

Вы боитесь, но пытаетесь философски прикрыть свой страх. Вот почему непрерывно продолжается то, что я говорю одно, но вы понимаете другое. Вы понимаете согласно самим себе, вы немедленно начинаете манипулировать, исказить то, что вы услышали.

Вот почему общение между светом и тьмой так трудно. Между теми, кто знает, и теми, кто не знает, это практически невозможно. Ты немедленно набросился на идею, и ты сделал прекрасное оружие из нее, чтобы защитить себя.

Пойми смысл. Саньяса означает отбрасывание всех целей, саньяса означает жить счастливо таким, какие вы есть. Саньяса означает проживание совершенно обычной жизни. Что за вздор ты несешь — становление обширным и бесконечным! Жить жизнью в ее чистоте, обычности — есть саньяса. И тогда однажды это случается: внезапно оковы исчезают. Но они исчезают только у тех людей, которые живут обычно: едят, когда голодны, спят, когда хочется спать; просто жить обычной жизнью — рубить дрова, носить воду из колодца, — без претензий, без путешествий в будущее, — мирское или потустороннее; просто жизнь от-момента-к-моменту, без желания возвестить о себе.

У тебя, должно быть, огромное желание стать известным:

Я хочу быть обширным, неограниченным.

Мистическое единство

Ты никогда не сможешь быть обширным, ты никогда не сможешь быть неограниченным. Ты это барьер! Теперь болезнь хочет быть здоровьем. Болезнь не может быть здоровьем: болезнь должна уйти. Когда не осталось болезни, появляется здоровье.

Ты спрашиваешь: *Что такое несаньяса?*

Это создание пространства, в котором становится возможным расплавление, создание пространства, в котором многие люди плавятся, растворяются, и вы видите красоту, появляющуюся в них, вы видите их благодать, вы видите что-то мистическое вокруг них.

Благодаря этому внутри вас начинается тот же процесс. Саньяса не может стать причиной Бога в вас. Саньяса не верит в причинно-следственную связь; саньяса — это синхронность, в которой цветут многие люди. Здесь вам становится легче расти: просто так много людей цветут, и великая энергия освобождается в вас. Это не обусловлено другими; это просто передача. Кто-то поет песню, и внезапно песня возникает в вашем сердце и ваши губы начинают двигаться. Это не было вызвано, в этом не было неизбежности. Это не следствие чьего-то пения, это параллельно ему. Это спровоцировано, не обусловлено; вы стали откликаться.

И вы знаете, как это случается, — в обычной жизни это тоже случается. Кто-то приходит счастливым, смеющимся, ликующим; вы сидели в печали, но внезапно увидели этого человека, услышали его смех, почувствовали его бурлящую энергию, и ваша печаль исчезает. Вы начинаете смеяться. Вы полностью забываете про ваши несчастья, ваши страдания, ваши проблемы, ваши заботы. На мгновение другой человек вызвал что-то из вашей глубины, просто своим присутствием. Он — каталитический фактор. Так же действует мастер.

Когда есть энергетическое поле, поле Будды, когда вокруг мастера столько учеников вы в весеннем саду. Цветут тысячи деревьев — внезапно ваше семя набирается храбрости, оно чувствует возможность, ваше семя готово рискнуть. Вот что такое саньяса.

Поле Будды весной

Если у вас есть смелость, если вы действительно искатель истины, тогда прыгните в неизвестное.

Это не условие; это антипрограмма, разобуславливание. Это не гипноз, это дегипноз. Это не программа, это депрограммирование.

Второй вопрос:

Что такое любовь?

Это зависит от многого. Существует столько типов любви, сколько и людей. Любовь это иерархия, — от самой нижней ступени до самой верхней, от секса до сверхсознания. Есть много слоев, множество планов любви. Все зависит от вас. Если вы существуете на самом нижнем уровне, у вас будет полностью другая идея любви, чем у человека, существующего на высшем уровне.

У Адольфа Гитлера будет одна идея любви, у Гаутамы Будды — другая; и они будут диаметрально противоположными, потому что это две крайности.

В самом низу любовь — это вид политики, политики с позиции силы. Если любовь загрязнена идеей преобладания, это политика. Называете вы это политикой или нет — не имеет значения, — это политично. Миллионы людей ничего не знают о любви, кроме этой политики — политики, существующей между мужьями и женами, любовниками и любовницами... Сама идея политична: вы хотите господствовать над другим, вы наслаждаетесь господством.

И любовь — это не что иное, как подслащенная политика, подслащенная горькая пилюля. Вы говорите о любви, но есть глубокое желание эксплуатировать другого. Я не говорю, что вы делаете это намеренно или осознанно — вы все еще бессознательны. Вы не можете делать это специально; это бессознательный механизм.

Поэтому желание обладать и ревность становятся существенной частью вашей любви. Вот почему любовь создает больше страдания, чем радости. Девяносто девять процентов ее горько; есть только один процент сахара, которым она присыпана. Но рано или поздно сахар исчезает.

Мистическое единство

Когда любовная связь только-только началась, — это дни медового месяца: вы вкушаете нечто сладкое. Скоро этот сахар стекает и реальность предстает перед вами во всей своей наготы, вся идея становится безобразной.

Миллионы решили больше не любить других людей. Лучше любить собаку, кошку, попугая; лучше любить машину — поскольку вы можете спокойно ею обладать, и она никогда не станет пытаться обладать вами. Это просто; это не так сложно, как быть с человеком.

На коктейле хозяйка случайно подслушала беседу учтивых джентльменов.

«О, я обожаю ее, я поклоняюсь ей,» — объявил один.

«Я тоже хотел бы, чтобы она была моей,» — согласился его друг.

«То, как она бежит и рассекает воздух... Ее прекрасные большие карие глаза... Ее красиво посаженная голова...»

«Тебе очень везет», — откликнулся друг.

«А ты знаешь, что действительно приводит меня в трепет? Это то как она щиплет меня за ухо.»

«Сэр, — вмешалась хозяйка. — Я нечаянно подслушала эти возвышенные слова. В наше время бесчисленных разводов я восхищаюсь человеком, который так пылко любит свою жену.»

«Мою жену? — удивленно говорит джентльмен. — Нет, речь шла о моей любимой скаковой лошади!»

Люди влюбляются в лошадей, собак, животных, машины, вещи. Почему? Потому что влюбиться в человека — это создать ад, постоянный конфликт, ссоры, ситуации, когда люди кидаются друг на друга.

Такова самая нижняя форма любви. Нет ничего неверного в ней, если вы можете использовать ее, как точку отсчета, если вы можете использовать ее как медитацию. Если вы наблюдаете за этим, если вы пытаетесь понять, — в самом понимании вы достигаете другого уровня, вы станете двигаться вверх.

Только с высочайшего пика, когда любовь больше не является связью, когда любовь становится состоянием вашего бытия, — лотос раскрывается полностью и великий аромат освобождается — но только на вершине. Внизу — любовь это

Поле Будды весной

просто политические отношения. На вершине любовь — это религиозное состояние сознания.

Я вас тоже люблю, Будда любит, Иисус любит, но эта любовь ничего не требует взамен. Они дают любовь из чистой радости давания; это не сделка. Отсюда ее светящаяся красота, отсюда трансцендентная красота этого. Это превосходит все радости, которые вы знаете.

Когда я говорю о любви, я говорю о любви, как о состоянии. Она безадресна. Вы не любите этого человека или того человека, вы просто любите. Вы есть любовь. Чем говорить, что вы любите кого-то, лучше сказать, что вы есть любовь. Так всякий, кто способен поделиться, может поделиться. Вы доступны всякому, кто способен испытать из ваших бездонных источников — доступны без условий.

Это возможно, только если любовь становится все более и более медитативной.

Слова «Медицина» и «медитация» происходят от одного и того же корня. Та любовь, которую вы знаете — это вид болезни: она нуждается в лечении, лекарстве медитации. Если она проходит через медитацию, она очищается. И чем больше она очищается, тем более она экстатична.

Нэнси пила кофе с Элен.

Нэнси спросила: «Откуда ты знаешь, что твой муж любит тебя?»

«Он каждое утро выносит мусор.»

«Это не любовь. Это хорошее ведение хозяйства.»

«Мой муж дает мне столько денег, сколько мне нужно.»

«Это не любовь. Это щедрость.»

«Мой муж никогда не смотрит на других женщин.»

«Это не любовь. Это плохое зрение.»

«Джон всегда открывает для меня дверь.»

«Это не любовь. Это хорошие манеры.»

«Джон целует меня, даже когда я поела чеснока, и в моих волосах бигуди.»

«Да, вот это любовь.»

У всякого есть своя собственная идея любви. И только когда вы пришли к состоянию, где все идеи о любви исчезли, где любовь уже больше не идея, но просто ваше существо, только

Мистическое единство

тогда вы узнаете ее свободу. Тогда любовь это Бог. Тогда любовь- это высшая истина.

Пусть ваша любовь движется через процесс медитации. Наблюдайте ее, отслеживайте извилистые дороги вашего ума, наблюдайте вашу силовую политику. И ничего другого, кроме непрерывного наблюдения и отслеживания, не поможет. Когда вы говорите что-то вашей женщине или вашему мужчине, взгляните на это: каков бессознательный мотив, почему вы говорите это? Тот ли это мотив? Тогда что это? Осознавайте этот мотив, перенесите его в сознание — потому что это один из секретных ключей трансформации: все, что становится осознанным, исчезает.

Ваши мотивы остаются неосознанными, вот почему вы находитесь в их тисках. Сделайте их осознанными, вынесите их на свет, и они исчезнут. Это как если бы вы выкопали дерево и вынесли корни на солнечный свет: они умрут, они могут существовать только во тьме почвы. Ваши мотивы также существуют только во тьме вашего бессознательного. Итак, единственный способ трансформировать любовь это вынести все ваши мотивы из бессознательного в сознание. Постепенно мотивы умрут.

А когда любовь не мотивирована, тогда это величайшая вещь, которая может с вами произойти. Тогда любовь это что-то высшее, пришедшее из запредельного.

Вот смысл слов Иисуса: «Бог есть любовь». Я говорю вам: любовь есть Бог. Бога можно забыть, но не забывайте о любви, потому что именно чистая любовь приведет вас к Богу. И если вы полностью забыли о Боге, ничего не теряется. Но не забывайте о любви, потому что любовь это мост. Любовь есть процесс чудесного изменения вашего сознания.

П ретий вопрос:

Во мне были воспитаны ложные идеалы, что гнев на существование это человеческое достоинство. Всю мою жизнь я боролась, но не нашла достоинства — только боль и страдание. Жизнь это жизнь, она беспричинна. Откуда этот глупый идеал?

Поле Будды весной

Я хочу держаться за что-то, даже за гнев на то, что я верю в ложь, во всю большую ложь. Я хочу, чтобы эта ложь была истинной. Как я могу быть такой глупой?

Вика, каждый воспитан на идеалах борьбы с существованием, поскольку это единственный способ создать эго — бороться против существования. Только через борьбу с существованием создается эго — поскольку в борьбе вы становитесь отдельным, в борьбе вы начинаете плыть против течения. Тогда поток и вы это враги: вы должны обуздать поток, а любая идея победы — основная в создании эго.

Вы захвачены идеей борьбы. Бороться с природой, бороться с людьми, соревноваться, поскольку это единственный способ выжить. Только наилучший выживает — так что становитесь все более и более умелыми бойцами. Общество хочет создать в вас эго. И раз эго создано в вас, вы страдающий человек — ложный, фальшивый, — вами можно управлять.

Тогда общество может эксплуатировать вас, родители могут эксплуатировать вас, священники могут эксплуатировать вас. Тогда каждый способен эксплуатировать вас.

Если вы действительно хотите освободиться от эго — а избавиться от него это единственная свобода — тогда вы должны будете отбросить эту глупую идею борьбы с природой, с существованием. Это не человеческое достоинство, это человеческий первородный грех. Это бремя для человека, стихийное бедствие, проклятие.

Человек становится возвышенным, только когда он исчезает. Когда человек исчезает как человек и позволяет существованию течь через него, тогда есть достоинство, изысканная красота, грация, великолепие. Когда вас нет, это величественно. Если вы прекращаете бороться, — вы исчезнете, вы исчезнете автоматически.

Но поскольку вы не хотите исчезать, вы продолжаете следовать глупой идее, которая была вам дана. Тогда вся ваша жизнь не что иное, как постоянная война — а как вы можете быть счастливыми, блаженными и празднующими, когда каждый момент — это борьба? Вы боретесь против многого: на самом деле целый мир — ваш враг, а вы так одиноки. Есть страх — он должен быть — и беспокойство, и мука, поскольку сама идея кажется невозможной.

Мистическое единство

Как можете вы покорить это существование? Оно было здесь до вас, оно будет, когда вы уйдете. Как можете вы победить его, — вы такая маленькая часть. Сама идея — абсурдна. Волна пытается победить океан, ваша рука пытается победить все тело, — сама эта идея абсурдна.

Расслабьтесь, отпустите себя. Живите в природе, как ее неотъемлемая часть. Сотрудничайте, а не конфликтуйте.

Идея выживания сильнейшего неправильна. Выживание само по себе также не имеет значения. Вопрос не в том, сколько лет можно прожить; вопрос в том, как жить — тотально, глубоко, интенсивно, страстно. Тогда даже один момент полной жизни более значим, чем долгая-долгая жизнь на протяжении сотен лет.

Один момент страстной любви, страстной жизни, страстного молчания более значим, чем вся вечность. Это не вопрос выживания, это в действительности вопрос того, как прожить этот момент. Идея выживания делает завтрашний день более важным, чем сегодняшний, идея выживания делает для вас более возможным пожертвовать сегодняшним днем в пользу завтра. А завтра никогда не приходит: когда оно наступает, это уже сегодня. Ваш ум запрограммирован жертвовать настоящим ради будущего всю вашу жизнь.

Родители жертвуют своими жизнями для своих детей. Дети тоже в свою очередь будут жертвовать своими жизнями в пользу своих детей, и так далее, и тому подобное. И никто никогда не будет жить.

Я против самой идеи жертвования. Никогда не жертвуйте! Живите этим мгновением; проживайте его тотально, интенсивно, страстно. И тогда происходит чудо: если родители прожили свою жизнь прекрасно, если они наполнены, эта наполненность создает для детей пространство для жизни, правильной жизни. А под правильной жизнью я не имею в виду мораль, под ней я имею в виду путь тотальности. Жить частично значит жить неправильно, жить тотально это жить правильно.

Если дети цепляются за родителей, проживших свои жизни огненно, пламенно, праздновавших свои мгновения, эти дети научатся, как праздновать, как жить радостно, как жить утверждающе, как жить, говоря существованию «да». Глубокое «да» возникнет в их сердцах: их родители будут причиной этого. И

Поле Будды весной

если родители никому не отдавали себя в жертву, то и дети не научатся этой самоубийственной идее жертвования.

Если родители жертвуют чем-то для своих детей, тогда рано или поздно, когда родители состарятся, они потребуют жертвы от детей. Они скажут: «Мы пожертвовали для вас столь многим, теперь вы жертвуйте для нас».

Страна требует жертвы от людей, живущих в ней. Церковь требует жертвы, — все требуют жертвы. Просто посмотрите вокруг себя, все они стоят вокруг вас, требуя жертвы. Они учат вас, что жертвовать — морально.

Жертвовать — аморально! Жертвуете ли вы для страны, религии, детей — это аморально. Это аморально, поскольку это не позволяет вам жить своей жизнью. Вы становитесь печальны, вы становитесь застывшими, и тогда в ответ вы начинаете заставлять других жертвовать для вас. Тогда вся жизнь этого мира становится просто искаленной и парализованной.

Мать учила свое маленькое дитя великим истинам жизни и религии. Она была католичкой; она сказала своему маленькому сыну: «Бог создал тебя, чтобы служить другим».

Маленький мальчик поразмыслил над этим и сказал: «Хорошо, если так говоришь ты. Но тогда зачем он создал других? Служить мне? Это выглядит таким абсурдом, что я создан, чтобы служить кому-либо другому, а кто-то еще создан, чтобы служить мне. Это выглядит так нелогично. Почему ни я ни он не можем служить себе?»

Это выглядит логичным, математическим.

Я учу вас разновидности самолюбия. Вы не созданы, чтобы жертвовать собой ради кого-то еще, вы не созданы, чтобы служить другим. Вы выучили это, поскольку другие хотят, чтобы вы служили им, жертвовали. А поскольку они хотят, чтобы вы служили им, они должны служить вам; поскольку они хотят, чтобы вы жертвовали собой ради них, они должны жертвовать собой ради вас. Так вы все время душите друг друга, требуя жертвы.

Саму идею нужно отбросить. Вы созданы, чтобы жить и праздновать, точно также как другие. Бог не убийца, он не требует от вас жертв. Он хочет, чтобы вы цвели и расцветали.

Только когда вы расцвели, вы будете приняты. Дорога цветения есть дорога приятия. Не сопротивляйтесь. Не гневайтесь

Мистическое единство

на существование: расслабьтесь, сдайтесь, плывите вместе с потоком.

Вика — этой истине ты научилась благодаря своей собственной жизни ты говоришь: *«Всю мою жизнь я боролась, но не нашла достоинства, только боль и страдание».*

Теперь пришло время: если ты поняла, отбрось это! Отбрось это немедленно — не тащи это больше не единого мгновения, ибо кто знает? Следующий момент может никогда не прийти. Отбрось в это самое мгновение!

Всегда осознавай — все, что понято, должно немедленно стать твоей жизнью. Не откладывай этого.

Четвертый вопрос:

Я хочу принять саньясу, но мой муж упорно против этого. Что может быть причиной его сопротивления?

Дениза сильно озабочена своим лицом. «Я безобразна, — сказала она себе, глядя в зеркало. — У меня нос крючком, у меня слабовольный подбородок, торчащие уши, и у меня под глазами мешки.»

В отчаянии она идет на пластическую операцию и делает лицо подтянутым, ее подбородок приобрел более резкие очертания, нос переделан, ее уши приведены в порядок, а мешки под глазами убраны.

После месяца страдания порядок наконец наступил. Она снова была способна развлекать друзей, но все еще сердилась на себя.

Однажды ее подруга Джоан поглядела на нее в изумлении. «Я не понимаю, почему ты выглядишь такой печальной, у тебя теперь лицо, как у кинозвезды.»

«Я знаю, — всхлипнула Дениз. — Но теперь мое лицо не подходит к моему старому телу.»

Это — страх. Если женщина хочет принять саньясу, муж боится, если муж хочет принять саньясу, жена боится — потому что приходит что-то новое. Если вы становитесь саньясином,

Поле Будды весной

это означает, что связь между вами и вашим мужем не может быть той же самой. Вошло что-то новое; ваш муж должен приспособиться.

Он, должно быть, был хорошим мужем для жены-саньясинки, ему не может быть хорошо с женой-саньясинкой: в этом страх.

Это происходит всегда, это не ново. Такое случается почти каждый день. Всякая пара ощущает тревогу, потому что все новое беспокоит. Это создаст хаос. Вы должны будете начать с самого начала. Когда-то вы приспособились, и помните — это всегда приспособление. Вы пришли к компромиссу, вы научились жить с женщиной. А теперь она хочет стать саньясинкой. Вы не знаете, кем она будет после этого, как она будет себя вести. Она станет непредсказуемой.

А это опасно, поскольку саньяса обозначает революцию. Она жила с вами: она может не осознавать того, что никогда не любила вас. Могли быть другие мотивы, — может быть, вы были богаты, и она хотела жить безопасной жизнью, теперь она становится саньясинкой: рано или поздно она обнаружит — поскольку саньяса это путешествие в ее собственное бытие, исследование — рано или поздно она станет осознавать, что никогда не любила вас, она любила ваши деньги. Она может увидеть, что из-за этого была упущена возможность любви.

Саньяса может придать ей смелость. Она должна придать смелость. Она может отбросить эту жизнь, увидев, что мотив был неверен, увидев, что она обманывала себя и вас — хотя и не зная, не намеренно, но если она понимает и видит это, — кто знает, что может произойти?

Она жила с вами; ей, наверное, было скучно, но она не могла набраться смелости уйти от этой скуки, — связь может стать застывшей. Саньяса заставит ее осознать, что такие отношения не нужны.

Саньяса это не обычная религиозная идея, о которых вы знали в прошлом. Саньяса в действительности является путешествием в вашу глубину. Это значит жить в соответствии с вашим пониманием, жить подлинно. Если саньяса и означает что-то, то это смелость жить искренне.

Существует опасность: женщина может покинуть вас, она может влюбиться в кого-то еще — может быть, она подавляла эту идею до настоящего времени.

Мистическое единство

Моя саньяса не подавляет. Я хочу, чтобы вы жили естественно, радостной и открытой жизнью, в которой ничего не подавлено. Моя саньяса выражает все и ничего не подавляет.

Если вы были христианином, ходили в церковь, — не было никакого беспокойства, поскольку церковь сделала вас еще более подавленными, церковь сделала вас еще большими рабами. Ваш муж был счастлив; он даже мог иногда ходить в церковь вместе с вами, чтобы поддержать вас. Церковь поддерживает существующее положение вещей, церковь одобряет вещи такими, какие они есть. Церковь антиреволюционна — все церкви, индуистская, христианская, мусульманская.

Я — не церковь, я против основательной, удобной жизни. Я за реальную жизнь, даже если она приносит хаос, идите в нее. Поэтому возникает страх.

Постепенно супружеские пары становятся безразличными друг к другу. Видя, что нет возможности для изменения, они впадают в разновидность комы. Их связь не жива, не осознанна, не сияюща, — любовь мертва.

Я снова приношу в вашу жизнь романтические отношения, поскольку я не могу представить реальную жизнь без романтики. Вы как бы влюбляетесь в вашего мужа впервые, — вы можете влюбиться в вашего мужа снова, либо вы влюбитесь в кого-то еще. Или же вы можете стать такими бдительными, что вы ни в кого не влюбитесь в очередной раз. Вы можете просто быть одинокими, вы можете быть способными наслаждаться красотой одиночества. Никто не знает; мои саньясины непредсказуемы, и это создает беспокойство.

Близкие отношения рождают презрение, но люди продолжают тащить их на себе.

Марго часто была в плохом настроении, потому что ее муж Эльмар, кажется, не замечал ее.

«Как тебе моя новая шляпка?» — громко спросила Марго.

«А... ага... все хорошо.»

«Правда, мое платье очень симпатичное?»

«Да, сойдет.»

«А белые туфли к нему подойдут?»

«Да, может быть.»

«Не думаешь ли ты, что эти бусы подходят к блузке?»

«Все отлично.»

Поле Будды весной

«Почему бы тебе не отложить газету, дорогой?» — прошепила она сквозь зубы.

«Немножко попозже.»

«Не возражаешь ли ты, если я положу тебе в суп мышьяк?»

«Как хочешь, дорогая.»

Рано или поздно мужа и жены теряют всякую возможность общения. Они живут вместе, но не совместно. Они становятся тупыми, бесчувственными. Отсюда страх, страх того, что вы однажды снова станете живыми. И тогда кто знает, что может случиться?

Сади и Джордж обедали, когда внезапно погас свет.

«Авария», — заметил Джордж.

«Что же делать», — вздохнула Сади.

«Я думаю, если подключить автомобиль к сети...» — подумал вслух Джордж.

«Кого беспокоит, как это произошло? — объявила Сади. — Что будем делать мы?»

«Я знаю, — сказал Джордж, — не беспокойся. Мы зажжем несколько свечей.»

«Великолепно, — согласилась Сади, — они в серванте.»

Итак, они продолжили обед при свечах.

«Разве это не романтично?» — прошептала Сади.

«Да, — согласился Джордж, — как жалко, что мы женаты.»

Женатые люди полностью забыли, что такое романтика. В настоящем браке романтические отношения продолжатся. Но вся наша жизнь не подлинна, поэтому наши браки не настоящие. Поскольку наши индивидуальности не участвуют в них, — мы остаемся фальшивыми, и все, что мы делаем с этими фальшивыми личностями, становится вдвойне фальшивым.

Всегда, когда появляется возможность встречи с истиной, возникает страх. Жена хочет стать саньясинкой — муж упорно против; муж хочет стать саньясином — жена становится против.

Страх в том, что появится что-то новое, способное разрушить все устоявшееся. Но люди хотят жить в безопасности, даже если безопасность означает смерть. Люди хотят жить в комфорте, даже если комфорт означает что вы просто влачите

Мистическое единство

свое существование. Безопасность, комфорт, удобство стали высшими ценностями.

В обществе, которое думает о безопасности, как о ценности, комфорте, как о ценности, удобстве, как о ценности, — каждый становится испуганным, никто не хочет ничего менять. Все за существующее положение: пусть вещи остаются такими, как есть, не трогайте их.

А саньяса действительно — решительный шаг.

Ваш муж просто представляет всех мужей мира. Это просто страх, имейте к нему сострадание. Помогите ему медитировать, помогите ему пройти через несколько терапевтических групп. Помогите ему, не спорьте. И не спешите принять саньясу — подождите немного. Просто пустите его подойти ко мне ближе, и тогда он, может быть, сам захочет принять саньясу, и тогда *вы* можете испугаться. Тогда вы поймете, что происходило с ним.

Мы живем такой безобразной жизнью, и для этого совсем нет причин, кроме того, что мы цепляемся за этот образ жизни.

Будет хорошо, если вы оба станете саньясинами, но будьте немножко терпеливы, не пугайте его слишком сильно. Если вы слишком сильно настаиваете на принятии саньясы, он будет в такой же степени выступать против нее. Относитесь ко всему более расслабленно, легко. Если вы действительно хотите стать саньясинкой, это произойдет. Но помогите также и ему, этот бедный человек также нуждается в революции в своей жизни.

Если бы это был вопрос от мужа, мой ответ был бы другим. Поскольку это вопрос от жены, то мой ответ таков. Если бы муж попросил о саньясе, я сказал бы ему: «Прими ее немедленно», — поскольку нет способа убедить женщину, нет способа спорить с женщиной. Только если вы принимаете саньясу, она будет способна понять, иначе — нет.

Я сказал бы также, если бы вопрос был от мужа: «Прими ее немедленно, впервые в твоей жизни ты сделаешь что-то, что *ты* хочешь сделать. Не будь у жены под каблуком: сделай это! И ваша женщина будет уважать вас, потому что вы сделали это. Глубоко внутри она будет чувствовать радость, что у нее есть настоящий мужчина. Иначе жены никогда не думают, что в их мужьях есть какая-нибудь цельность.»

Но поскольку вопрос от жены... Я очень сильно доверяю женщинам, я знаю, что она примет саньясу, я не беспокоюсь об этом. Сегодня или завтра — она может ждать, она примет ее.

Поле Будды весной

Таков мой опыт: если женщина решает, она решает. Муж может сомневаться; завтра он, может быть, вообще неспособен принять ее. Так что я не могу сказать ему подождать. Муж всегда колеблется. Но раз женщина решила, она решила — поскольку муж решает через интеллект, а женщина решает от сердца. И качество решения полностью другое.

Когда женщина решает, она готова идти до самого конца. Она может даже пожертвовать своей жизнью, если решится на что-то. Она знает, как отдать себя, через сердце, — она знает, как любить. Ее решение — это не интеллектуальное заключение, поэтому оно непоколебимо. Ее решение больше интуитивно, оно полно, оно абсолютно, поскольку интуиция никогда не разделяет, она не двойственна. А когда вы решаете что-то через интеллект, это всегда парламентское решение. Может быть сегодня какая-то часть вас говорила: «Давай»- но это не было большинство. Это всегда решение большинства, а меньшинство всегда против.

Женщина решает через сердце. Это не парламентское решение, оно тотально. В каком-то смысле оно окончательное: она может ждать годами, и все же решение будет принято.

Вот почему женщины очень терпеливы в любви — они могут ждать. Я знаю женщин, которые ждали многие-многие годы. Но мужчины очень нерешительны: сегодня он влюблен, завтра любовь исчезает. Это была не любовь, это была *мысль* о любви.

Тебе я говорю — подожди. Я знаю, что ты можешь соблазнить его принять саньясу — возьми его с собой! Когда у меня есть возможность, чтобы двое стали саньясинами, я могу подождать.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Ошо, я хотел бы знать, есть ли закон в Индии, препятствующий индийским гражданам обитать, проживать или жить в доме, домах или ашраме, в любой части Индии, учиться и следовать благословенной человеческой жизни для роста религии и науки. Если да, тогда что такое независимость? Если нет, тогда почему мы не начинаем основывать поселение для неосаньясинов, «Раджнишдахм», вне муниципальной юрисдикции?

Мистическое единство

Дхарма Шаран Дас, нет закона, препятствующего нам основать коммуну. Но люди у власти всегда думают, что они выше закона. Нет закона, направленного против основания коммуны, ашрама. Но люди находящиеся у власти всегда могут найти способы отсрочить это — вот что они делают.

В своей книге «Путешествия с моей тетушкой» Грэхэм Грин рассказывает историю об отставном чиновнике по сбору подоходных налогов, мистере Поттифере, ставшем сейчас консультантом по подоходным налогам, квалифицированно советующим своим клиентам, как перехитрить налоговые бюро, сводя их с ума.

«Он глубоко верил в тактику промедления. “Никогда не отвечайте на все их вопросы, — говорил он. — Заставьте их писать вам снова. Вы всегда можете решить, что вы имели в виду позже, по обстоятельствам. Чем больше дело, тем больше работы. Персонал часто меняется. Новичок должен начинать смотреть дело с начала. Конторское время ограничено. В конце ему легче уступить.” Временами, если инспектор нажимал очень сильно, он говорил мне, что как раз время бросить им ссылку на несуществующее письмо. Он писал в точности следующее: “Вы, по-видимому, не обратили внимания на мое письмо от 6 апреля 1963 года”. Мог пройти целый месяц, прежде чем инспектор признает, что не может найти и следа этого письма. Мистер Поттифер мог послать копию письма, содержащую ссылку, которую инспектор снова был не в состоянии найти. Если он был в районе новичком, конечно, он обвинял своего предшественника; иначе, после нескольких лет общения с мистером Поттифером, он получал нервный срыв.»

Так все и происходит. Мистер Морарджи Десаи был сборщиком налогов: он и продолжает так функционировать. Вот что делается с нами — просто тактика откладывания. Они продолжают запрашивать о том, о сем, и конца этому не видно.

Например, магараджа Катча подарил нам четыреста акров земли в Катче. Эта пустынная земля не используется; ничто не может быть выращено на ней. Вот почему никто не хотел ее купить, вот почему магараджа легко пожертвовал ее нам.

Поле Будды весной

Тогда началась волокита — ей уже почти полтора года. Сначала они сказали, что должны изучить вопрос, потому что земля слишком близко от Пакистана: она им нужна во время войны. Во время войны — когда случится эта война, никто не знает — но во время войны им понадобится эта земля.

Как-то мы убедили их, что она непригодна. Тогда они начали писать письма, говорящие, что поскольку здесь может быть столько иностранцев, а это на границе страны, это будет вопросом безопасности: могут проникнуть шпионы.

Мы убедили их. Тогда они начали говорить нам, что совсем близко — не очень близко, за тридцать миль — есть военный лагерь. А они не хотят, чтобы мы были так близко от армейского лагеря.

Закона нет, но вы всегда можете найти все что угодно. Итак, мы отбросили эту идею. Все же это продолжается, но мы отбросили эту идею, потому что это, кажется, слишком большая стычка.

Итак, мы купили семьсот пятьдесят акров земли, совсем близко от Пуны — за пятнадцать миль. Теперь начались проблемы — тактика откладывания.

Первое, что они сказали — что мы должны представить сертификат медицинского совета, что климат в этом районе подходит для жизни людей. Всего пятнадцать миль от Пуны! И прямо за той землей, в двух милях, есть деревни, и люди живут здесь. Совсем близко к этой земле живут двести человек.

Итак, мы предоставили свидетельство. Это потребовало двух или трех месяцев потому что совет состоит из шести членов и пока эти шесть членов не соберутся и не согласуют... Так они откладывали и откладывали; в конце концов это произошло. Тогда они потребовали другое медицинское свидетельство, подтверждающее пригодность земли и воды.

Закона нет, но есть уловки и стратегии. Они не могут сказать «нет», но они не хотят говорить «да».

Мы спрашивали. Все авторитеты сказали, что этого никогда не случалось прежде. Никто никогда не спрашивал о воде, земле и климате — но если они спрашивают, мы должны удовлетворять их требования. Так бумажная работа тянется и тянется.

Теперь мы справились с этим. Земля бесплодна, никакой работы на ней нет. Но в их делах она упоминается как сельскохозяйственная земля. Теперь они создали новую проблему: мы

Мистическое единство

не можем строить на сельскохозяйственной земле; сначала мы должны представить свидетельство, гласящее, что это не сельскохозяйственная земля. Никто никогда ничего не вырастил здесь. Мы привели чиновников посмотреть, что это бесплодная земля, всякий может прийти и убедиться камнями, бесплодие, абсолютно бесполезно. Но они говорят, что, поскольку в деле...

Итак, сначала мы должны преобразовать землю из сельскохозяйственной в несельскохозяйственную. Это требует времени; теперь они тянут с этим. Это могло быть легко сделано, в течение одного дня — вот как это делалось. Прошло четыре месяца: всем официальным лицам приказали тянуть, сколько возможно. А когда они не могут больше откладывать — это становится явной проблемой, из-за которой мы можем пойти в суд — «Вы слишком долго тянете это» — тогда этот чиновник просто пересылает дело чиновнику повыше. Он говорит: «Поскольку это такая сложная проблема, и политический вопрос, а ваш учитель — противоречивый человек, а я такой маленький чиновник, я не могу решить это. Идите выше».

Теперь весь процесс начинается сначала с высшими инстанциями. Это могло бы быть сделано Тасилдаром, самым мелким чиновником. Но он передал дело в комиссию, а ее глава, в свою очередь, передал дело министру штата. А министр штата сказал что это превышает его власть: «Ваш мастер такой противоречивый, что я не могу рисковать, решая что-либо “за” или “против”, поскольку это будет иметь политические последствия. А я не хочу потерять свое кресло, так что вам было бы лучше решить это с премьером». Он сказал: «Даже премьер не может решить сам по себе; он должен будет согласовываться все кабинетом».

И мое ощущение таково, что они скажут: «Это не может быть решено правительством Махараштры, это необходимо решать центральному правительству в Дели».

И я не только национально противоречивая фигура, я — интернационально противоречивая фигура. Я так боюсь, что в конце концов этот вопрос придется решать в ООН! О том, когда это решится, не может быть сказано ничего. Так все откладывается... Если они говорят «нет», они могут быть немедленно схвачены, поскольку это незаконно — говорить «нет». Но они не говорят «нет».

Поле Будды весной

Дхарма Шаран Дас, я могу понять твоё беспокойство, твою проблему. Это беспокойство каждого саньясина. Это становится таким трудным, места так мало. А придет еще много тысяч людей: я дал извещение всем, они в пути.

Даже эта земля, на которой мы сидим: мы здесь уже пять лет, и все же еще не узаконили ее. Мы уже здесь, они не могут нас выгнать, но они не узаконили это. У нас нет бумаг, бумаги у правительства. Они продолжают говорить: «Мы сделаем это, мы сделаем это», — но этого никогда не происходит.

Вот как себя ведет Морарджи Десаи, фашистским образом — но совершенно легально; вы не можете найти ни одной законной лазейки. Это очень трусливый способ. Если вы против меня, это нормально. Я готов на любую дискуссию с вами, я готов спорить с вами. Если ему нужен публичный спор, это может быть сделано. Если ему нужно, чтобы я ответил, я могу прийти в парламент и ответить парламенту, я действительно буду наслаждаться этим!

Но это трусливые, хитрые способы... он остается сборщиком налогов. Он недостоин быть премьер-министром такой большой страны. Его ум — только для сборщика налогов — очень маленький ум. Я не называю его Морарджи-бхай Десаи, я называю его Мелочевка-бхай Десаи.

Мой вызов открыт. И даже если он не согласен со мной, и тогда нет смысла препятствовать моей работе. Ваше согласие не нужно вовсе. Вот смысл независимости и демократии: люди, которые не могут согласиться друг с другом, могут сосуществовать. Иначе какая разница между демократией и диктаторским режимом?

Я могу существовать, я имею полное право существовать, даже если Морарджи Десаи не согласен со мной. Его согласие вообще не требуется — кому оно нужно? Это *его* проблема. Если он не согласен, что из этого?

Но если из-за его персонального несогласия он притесняет мою работу такими хитрыми, изуверскими методами, тогда он разрушает демократию от самых корней. Тогда независимость — просто лозунг, не реальность.

Я все же не думаю покидать эту страну. Но если это продолжается и работа становится невозможной, тогда я *должен* буду покинуть эту страну. А они должны знать совершенно ясно, что если я покину страну, это докажет всему миру, что эта

Мистическое единство

страна только притязает на то, чтобы быть демократичной — но это не так. И если я оставлю эту страну — со мной ее покинут тысячи. Это покажет всему миру, что индийское притязание быть величайшей демократией в мире — просто ложно.

Если я однажды покину эту страну — на что они меня *принуждают* решиться — это будет катастрофой. Поскольку миллионам моих саньясинов во всем мире станет известно, что эта страна не независима, и эта страна также и не демократична.

Тридцать лет назад, когда Индия стала независимой, Уинстон Черчилль сказал в британском парламенте: «То, что мы делаем, неправильно. Хотя быть свободным — право каждого от рождения, давать свободу Индии — неправильно, поскольку время не подошло. За тридцать лет она падет жертвой бродяг, мошенников и убийц».

И я полагаю — тридцать лет прошло: кажется, слова пророчества Черчилля стали истиной.

ЗабЫтый
пастух

15 декабря
1978 года

Мистическое единство

Его прощение приходит так быстро:
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Он — ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
а вы продолжаете спать:
О, дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Он исцелит нашу природу изнутри,
он добрее к нам, чем мы сами.
Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Он создал ваш ум, -
но его знание — это невинность мысли.
Он видит, что в вашей душе, -
он создал вашу душу вместе с вашим прахом;
Но если вы считаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

Забывтый пастух

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Он знает о следе, оставляемом
лапкой муравья, ползущего в темноте по камню.

Он знает, что происходит
в человеческих умах:
вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

Мистическое единство

Иисус говорит: Бог есть любовь. Но я говорю вам: Любовь есть Бог. «Любовь» — намного более важное слово, чем «Бог»; у любви есть реальный смысл. Слово «Бог» абсолютно пусто; оно ничего не значит, оно не связано ни с чем в вас. Это чистое слово, чистое в том смысле, что в вашем опыте нет связанной с ним реальности.

Несмотря на это, оба слова обозначают одну и ту же истину: «любовь» — это поэтическое слово, «Бог» — это слово теологическое. Но несомненно то, что поэтическое прозрение глубже, поэтическое чувство намного чище, намного тоньше, чем теологическое. Поэтическое видение эстетичнее, прекраснее, изысканнее; в нем больше грации, больше смысла, больше значения. Кроме того, теологический вариант загрязнился в течение веков столь многими — индустрами, христианами, мусульманами — многими церквями, многими религиями, которые претендовали на то, чтобы быть религиозными, но не были такими.

Любовь все еще остается незагрязненной; она еще невинна.

Так позвольте же мне повторить: прежде чем говорить, что Бог есть любовь, скажите: «Любовь есть Бог», и вы будете ближе к истине. И не только ближе — вы будете непосредственно связаны с истиной, потому что любовь — это ваш опыт, ваше переживание. Она может не достигнуть той глубины, где она становится Богом, но, все же, даже неочищенное золото — это золото. Даже неотделенный от породы, неотшлифованный алмаз — это алмаз. Алмаз может быть потерян в грязи, но он может быть очищен в любой момент; грязь не может войти в его бытие.

Любовь — это ваша реальность. В тот же момент, когда мы используем слово «Бог», возникают большие противоречия. Используйте слово «любовь», тогда теизм, атеизм и все виды ненужных аргументов отбрасываются.

Любовь это самое ядро существования. Существование не отлично от вас, оно не отделено. Вы его часть, оно заботится о вас. Может быть, оно заботится не так, как хотели бы *вы*, но оно все же заботится, по-своему. А то, что ожидаете вы, в действительности может не быть вашей потребностью, это может оказаться прямой противоположностью.

Забытый пастух

Существование удовлетворяет только ваши настоящие потребности — заботой окружены не ваши симпатии и антипатии, не ваши желания, но ваши настоящие, истинные, подлинные нужды. Существование не может быть отличным от вас: вы его часть. Быть отличным от вас будет означать, что оно отлично от самого себя — это невозможно. Существование давно бы исчезло, если бы это было так.

Мы — его волны. Мы — цветы этого дерева жизни. Ваше желание быть любимым и любить есть ваше высшее желание. Оно должно показывать вашу истинную, изначальную природу, ваше внутреннее ядро — и оно показывает его.

Когда вы понимаете любовь как Бога, все ваше видение жизни изменяется. Тогда вы не пойдете поклоняться в храм, или в церковь, или в мечеть: тогда вашим поклонением будет любовь. И тогда вы не будете бояться существования, поскольку оно заботится о вас. Страх исчезнет. Вы не будете бояться даже смерти, поскольку смерть может отобрать только то, что больше не нужно, но она не может разрушить вас.

Существование — это ваша мать, оно не может допустить разрушения. Ничто в мире не может быть разрушено. Теперь с этим согласны даже физики: ничто никогда не разрушается и ничто никогда не создается. Нет даже песчинки, которая может быть разрушена или создана. Существование содержит то же самое количество материи, жизни, любви и энергии, какое оно всегда содержало, какое будет содержать всегда.

Мартин Лютер сказал безмерно важную вещь. Он говорит: «*Pecca fortiter*: грешите смело». Это странно. Утверждение кажется таким невероятным — человек, подобный Мартину Лютеру, говорит: «Грешите смело». Но смысл действительно достоин того, чтобы над ним поразмыслить. Он говорит: Любовь проникает во все существование, так не бойтесь же. Даже если вы грешите, будьте смелыми, потому что существование всегда готово простить, оно есть прощение. Любовь — это всегда прощение. Он не имеет в виду, что вы должны пойти и согрешить. Он просто говорит: Ваш величайший грех — ничто в сравнении с тем всепрощением, которое продолжает изливаться на вас.

Буквально на днях кто-то спросил меня: «Я великий грешник. Как я могу узнать Бога?»

Мистическое единство

Вы не можете быть таким великим грешником. Вы не можете быть настолько падшими, чтобы Божья рука не могла достичь вас, вы не можете быть столь отягощены и обременены грехом, чтобы Бог не смог поднять вас. Сила тяжести греха не может быть больше, чем милость Бога.

Это одна из основ суфизма — то, что Бог есть безусловное прощение — он должен быть им, потому что его природа есть любовь. Любовь — это его реальность. Не то, что любовь прощает: любовь есть прощение. Здесь нет вопроса прощения вас. Вопрос возникает только тогда, когда Бог уже рассердился на вас. Только тогда возникает вопрос о прощении.

Но Бог не может сердиться на вас. Вы — это способ, которым он сотворил вас, вы не ваше собственное творение. Как он может сердиться на вас? Это было бы равносильно тому, чтобы сердиться на самого себя; это было бы самоосуждением.

Но вы начинаете думать о малом так, как если бы вы совершали огромные грехи. Эго всегда любит творить великие дела. Даже если вы делаете что-то плохое, вы хотите сделать вид, будто это — самое плохое из всего, что когда-либо делалось или когда-либо будет сделано. Вы хотите, чтобы это было уникальным, несравненным; вы хотите, чтобы это было самым большим. Эго всегда чувствует себя хорошо, если делается что-то великое. Это может быть и грехом — какая разница.

Какой великий грех вы можете совершить? Все наши грехи — не что иное, как малые вещи: мы малы, наши грехи не могут быть великими. Наши руки малы: все, что мы делаем, останется малым, потому что на всем лежит наша подпись.

Ваша жизнь, добродетельная или безнравственная, не будет барьером или мостом — потому что вы уже соединены мостом, и нет способа разъединить вас с Богом. И это не вопрос того, что, когда вы грешите, Бог прощает вас. Он есть прощение: он есть постоянное течение любви к вам.

Его любовь подобна наводнению, ваши грехи подобны соломинкам: наводнение унесет их прочь. Но наводнение не приходит, чтобы унести ваши грехи прочь: оно уже здесь. Понять это, осознать суть этого — есть великое освобождение, как если бы гора внезапно упала с ваших плеч. Вы становитесь легкими, невесомыми. И только в этой невесомости вы можете молиться.

Забывтый пастух

Грешник не может молиться, он постоянно испуган. Страх не может сотворить молитву. Молитва, созданная страхом, остается политическим средством, стратегией ума для упрощения Бога: это вид взяточничества. Настоящая молитва возникает из понимания, из любви.

Лютер в самом деле прав, когда говорит: *«Pecca fortiter: грешите смело»*. Что бы вы ни делали, делайте это смело. Вы принадлежите Богу и Бог принадлежит вам. Это ваш дом. Не живите подобно страннику, не будьте подобны гостю: вы часть этого дома. Живите без страха.

Но наше эго постоянно продолжает все преувеличивать.

Человек был влюблен в женщину в течение многих лет. А женщина ждала и ждала: «Сегодня он сделает предложение. Сегодня он сделает предложение». И однажды он сделал предложение. Она не могла поверить своим ушам, она не могла поверить своим глазам. Она прождала так долго, что почти уверилась в том, что этого не случится.

Она обняла мужчину, она поцеловала его и сказала: «Я не могу поверить своим ушам. Я прождала так долго!»

Человек сказал: «Выйдете ли вы за меня замуж?» — И она сказала: «Да, да! Тысячу раз да!»

Он достал из своего кармана маленькую черную коробочку, открыл ее и дал ей кольцо. Она посмотрела на него очень внимательно — алмаз был настолько мал, что было почти невозможно увидеть его невооруженным глазом.

Человек сказал: «Не беспокойтесь», — потому что она выглядела обеспокоенной, даже шокированной оттого, что после ожидания в течение стольких лет этот человек приносит свадебное кольцо с таким маленьким алмазом. А человек был очень богат. Человек сказал: «Не беспокойтесь, не смотрите так озадаченно». И он извлек из другого кармана увеличительное стекло и сказал: «Взгляните! Взгляните через это стекло».

Наши умы постоянно преувеличивают. Так существует эго. Мы преувеличиваем наши добродетели, мы преувеличиваем наши грехи, мы преувеличиваем все. Мы создаем так много шума из ничего, так много беспокойств из ничего.

Это увеличительное стекло должно быть отброшено полностью. И тогда вы внезапно видите вещи в их перспективе. Мы

Мистическое единство

малы: наши добродетели малы, наши грехи малы. Нет никакого достоинства ни в наших добродетелях, ни в наших грехах. Все, что мы можем сделать, так мало, что не имеет никакого значения.

Ваши грехи не приведут вас в ад. Все священники, что продолжают вам это говорить, просто преувеличивают. И ваши добродетели также не приведут вас на небеса, потому что все эти добродетели так крохотны, такие мелкие.

Тогда здесь нет никакой надежды, не так ли? Не нужна никакая надежда. Вы уже в раю. Все, что нужно — это посмотреть вокруг с необремененным сердцем. Вы уже в раю: вам не нужно никуда идти. Вы — в Боге. Отбросьте увеличительное стекло, и ваши грехи и добродетели исчезнут, поскольку все они есть творения увеличительного стекла.

Слониха в джунглях чувствовала себя ужасно, потому что у нее под хвостом обосновался слепень и она ничего не могла с этим поделать. Она махала хоботом, но он был вне досягаемости.

За этим наблюдал маленький воробей. Внезапно он слетел вниз и снайперски ухватил слепня так, что он наполовину исчез в его клюве.

«О, благодарю вас!» — сказала слониха. — «Это было таким облегчением».

«С удовольствием, мэм», — сказал воробей.

«Послушайте, мистер Воробей, если есть что-то, что я могла бы для вас сделать, не стесняйтесь, попросите».

Воробей смутился. «Мэм...», — сказал он.

«В чем дело?», — сказала слониха, — «Вам не нужно меня стесняться».

«Ну», — сказал воробей, — «правда состоит в том, что всю мою жизнь я мечтал почувствовать, каково заниматься любовью со слонихой».

«Так вперед же», — сказала слониха, — «Будьте моим гостем!»

Воробей залетел за слониху и сразу же начал заниматься любовью. Это увидела обезьяна на дереве прямо над ним и начала возбуждаться. Она начала трясти дерево так, что кокос оторвался и упал, с силой шмякнув слониху по голове.

«Ох!», — сказала слониха.

Забывтый пастух

В тот же миг воробей выглянул сзади и сказал: «Дорогая, я сделал тебе больно?»

Отбросьте увеличительное стекло, — тогда нет ни греха, ни добродетели, нет ни грешников, ни святых — просто человеческие существа, обыкновенные люди.

В этой простоте появляется Бог. В этой простоте существование начинает струиться любовью. Оно уже изливает ее, но из-за идей, великих идей о самих себе, вы все еще невосприимчивы.

Хаким Санаи говорит:

Прощение от него приходит так быстро,
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Увидьте, осознайте красоту утверждения Санаи. Эта сутра достойна быть написанной золотом в вашем сердце.

Прощение от него приходит так быстро,
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Он есть прощение, он уже течет к вам. Вам не нужно даже раскаиваться. Вам просто нужно быть простыми, невозможными; вы должны отбросить ваши маски грешников и святых. И даже прежде, чем раскаяние обретет какую-то форму на ваших губах, даже без этого, — вы прощены.

Это переживание всех великих мистиков мира. Лютер прав, когда говорит: «*Pecca fortiter*: грешите смело», — потому что его прощение безмерно, бесконечно. Все, что вы делаете — просто крохотные соломинки: придет наводнение и унесет их прочь.

Суфизм — путь милости. С вашей стороны не нужно усилия: только восприимчивость, открытость, любящее сердце, состояние сдавшегося, «пусть-идет». И то, чего все так называемые йоги не могут достичь в течение миллионов жизней, вы достигаете в одно мгновение. *Его прощение приходит так быстро*: оно немедленно, потому что Бог знает только одно время, —

Мистическое единство

сейчас. Бог не может откладывать; у него нет будущего. Он не может сказать: «Завтра», потому что для него не существует никакого «завтра» — его время означает это мгновение, этот момент.

Для Бога все — настоящее. Так как наше видение ограничено, появляется прошлое, будущее и настоящее. Наше видение столь ограничено, что наше настоящее очень мало. Оно соразмерно нашему видению. Мы смотрим в реальность сквозь замочную скважину: мы можем видеть совсем немного, все остальное — прошлое.

Просто сядьте перед замочной скважиной и наблюдайте. Кто-то приходит: вы видите человека, внезапно появляющегося из ниоткуда, поскольку только мгновение назад вы не могли видеть его. Когда он проходит перед замочной скважиной, вы видите его, а затем, в следующее мгновение, он ушел, он прошел, его больше нет. Только мгновение назад он был в будущем, мгновением позже он в прошлом.

Думаете ли вы, что человек исчез? Думаете ли вы, что человек внезапно появился из ниоткуда, а теперь снова внезапно исчез в никуда и возник только на одно мгновение? Ошибку создает наш способ видеть. Выйдите из своего убежища, откройте дверь, и вы будете удивлены: он был прежде, чем вы увидели его, и он останется после того, как вы его увидели. Теперь ваше видение расширится.

Для Бога все есть вечное сейчас.

Разбойник, что был распят вместе с Иисусом, спросил его: «Господи, смогу ли я снова увидеть тебя когда-нибудь в будущем?» Иисус сказал: «Сегодня ты сможешь увидеть меня в царстве Небесном».

Слово «сегодня» очень значимо. «Сегодня ты увидишь меня в моем царстве Божьем». Здесь не может быть никакого завтра.

Бог немедлен, Бог — всегда настоящее. Итак, все, что случается через Бога, случается сейчас. И это не случается с вами, Бог не случается с вами, потому что вы живете или в прошлом, или в будущем, а он — никогда в прошлом и никогда в будущем.

Отсюда и наука медитации: она приносит вас в настоящее, она приносит вас в этот момент. Прошлое — это мысль; оно исчезает, когда исчезают мысли. Будущее — это тоже мысль; оно исчезает, когда вы отбрасываете думание. Когда вы в состоя-

Забывтый пастух

нии безмыслия — нет прошлого, нет будущего, есть только настоящее — в этом состоянии безмыслия вы *едины*, в согласии с Богом. И внезапно наводнение здесь: вы затоплены светом, любовью, милостью. Вы больше не человек, вы божественны. Вы превзошли человечество.

Человечество находится в состоянии глубокого сна.

Он — ваш пастух,
а вы предпочитаете волка;
он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
но вы продолжаете спать:
О, дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Бог — наш пастух, он проявляет всяческое внимание. Мы напрасно беспокоимся и начинаем пытаться заботиться о себе сами. Так мы становимся жертвой волка — ума.

Ум говорит: Этот путь — более надежный, более безопасный. Построй жизнь по этому образцу, не живи в небезопасности. Таково постоянное послание ума: «Не живи в небезопасности, сделай жизнь безопасной. Имей банковский счет, семью, будь привязан к земле. Создай как можно больше порядка, так ты будешь защищен».

А наш защитник — Бог. Но ум начинает играть в защитника — а ум это волк, потому что ум создан всеми видами эксплуататоров, существующих в мире. Священник, пандит, политик — они создают ум, они создают в вас страх. Они живут вашим страхом, они создают постоянное беспокойство; вы остаетесь в муке, трепете, страхе всю вашу жизнь. Они создают в вас беспокойство, а беспокойство — это источник вашего ума.

Если человек готов жить в небезопасности, ум исчезает. Тогда в уме нет необходимости.

Саньяса означает жить в небезопасности, потому что Бог это единственная безопасность. Саньяса означает жить без всякого страха, потому что мы часть этого существования. Бояться некого. Существование не воюет с нами, оно защищает нас.

Мистическое единство

Но ум — это побочный продукт страха, и из-за этого страха он продолжает создавать свои собственные средства защиты: имейте больше денег, большой дом, уважение, престиж, политическую власть. Завоевывайте друзей, влияйте на людей, — так вы в безопасности. У вас так много друзей: они пригодятся. Говорят, что друг является другом только тогда, когда он поддерживает вас во времена нужды. Итак, имейте много друзей, идите на компромисс. Носите фальшивое лицо, улыбку, так что вы сможете влиять на людей.

Вы доверяете себя чему-то весьма ненадежному. Бог — ваша единственная безопасность. Но чтобы узнать Бога, узнать, что он ваш пастух, вы должны будете довериться, жить под открытым небом. Если вы не можете довериться, вы будете собирать вокруг себя мусор. Люди любят мусор, и они продолжают собирать его.

Кенморы обедали у Харрингтонов. После обеда мистер Харрингтон стал показывать гордость и радость своей жизни — коллекцию колючей проволоки.

«Что это?», — спросила миссис Кенмор.

«Это какой-то хлам», — добавил мистер Кенмор, разочарованно.

С лицом, сияющим от гордости, мистер Харрингтон сказал: «Это моя коллекция колючей проволоки. У меня есть колючая проволока времен Гражданской Войны (*войны в США 1861 года — прим. перев.*)».

Мистер Кенмор потянулся, чтобы потрогать один из образцов.

«Пожалуйста, — предостерег мистер Харрингтон, — не трогайте. Я очень горжусь этими драгоценностями, а человек не может быть таким аккуратным».

«Они действительно ценны?», — спросил мистер Кенмор с выражением пьяной важности на лице.

Мистер Харрингтон выглядел слегка обалдевшим. «Ценны?» Он взял себя в руки. — «Эти вещички очень трудно взять любому».

Просто посмотрите вокруг себя. Посмотрите на людей, наблюдайте. Люди собирают мусор. Под видом денег, под видом знания, под видом добродетели люди собирают мусор,

Забытый пастух

разный мусор. Это — их безопасность; они думают, что это сохранит их. Несомненно, они утонут в этом — они утонут *из-за этого*.

Пока вы тащите этот ненужный груз, вы не можете достичь вершин, озаренных солнцем, вершин Гималаев. Пока вы тащите эту ненужную поклажу, вы всегда останетесь в темных долинах жизни. Вы никогда не узнаете, что такое солнечный свет, вы никогда не узнаете что такое быть на вершине, перешептываться с облаками, близость к звездам, ясность и невинную чистоту этого.

Люди плетутся; их жизнь — это непрерывная скука. Но за это не ответствен никто, кроме них самих.

Арнольд был старым бродягой, чья жизнь была простой и неприязательной. Однажды богатый джентльмен нашел его спящим на лужайке перед своим домом.

«Мистер, — сказал джентльмен, — Это моя собственность».

«Сожалею, — извинился Арнольд. — Я думал, что это парк».

Джентльмен сочувственно посмотрел на оборванного бродягу. «Мистер, вы счастливы, живя такой жизнью?»

«Сэр, деньги и мирские блага не делают счастливым, — проповедовал бродяга. — По мне, так счастье — это свобода бродить без гнета общества и экономики. Небо — моя крыша, а земля — моя постель. Дайте мне все это, кусок хлеба, можно печеных бобов, и мое счастье полно».

«Я восхищен вашей простотой, и искренностью», — сказал джентльмен и дал ему стодолларовую банкноту.

«Сэр, — прокомментировал бродяга, взяв деньги, — вы сделали меня очень несчастным».

Просто посмотрите на людей. Чем они богаче, тем несчастней они выглядят. Это не должно быть так: почему это так? Это нелогично. Почему они становятся такими несчастными? Кажется, они не знают, как жить в доверии, они не знают, как жить в радости. Всю свою жизнь они работали, чтобы быть все в большей и большей безопасности. А собрать богатства не трудно — но ко времени, когда вы собрали много денег, вся ваша жизнь улетела в трубу. Тогда человек внезапно начинает осознавать: «Что я делал? Я растранижил свою жизнь».

Мистическое единство

С осознанием того, что вы растранижирили свою жизнь в собирании ненужных вещей, а теперь все те прекрасные дни ушли и в будущем только смерть — появляется великое чувство разочарования. Человек потерпел неудачу, безмерную неудачу.

Говорят, что ничто так не радует, как успех, но я говорю, что ничто не терпит такой неудачи, как успех. В тот момент, когда вы достигли успеха, вы узнаете вкус полной неудачи.

Он — ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он призывает вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды...

Его призыв звучит всегда. Он звучит каждый день в лучах восходящего солнца, но вы никогда не танцуете вместе с солнечным светом. Он звучит в песнях птиц, но вы никогда не поете с ними. Он звучит в каждом раскрывающемся цветке, но вас не распускается с цветами.

Его призыв звучит постоянно; он продолжает звучать, двадцать четыре часа, круглые сутки. Но вы стали глухими, вы не слышите. Тихий внутренний голос продолжает говорить вам: «Что ты делаешь? Ты просто тратишь свое время, свою энергию».

Лучший способ растративать свою энергию, свое время, свою жизнь — это продолжать думать о прошлом и будущем. А его призыв звучит в настоящем, его зов принадлежит настоящему.

Он призывает вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
но вы продолжаете спать...

Что это за сон, о котором говорят все мистики? Что это за метафизический сон? Вы не сознаете настоящее: это — сон. Вы здесь, и все же не здесь. Ваш ум бродит где-то еще — в прошлом, которого больше нет, или в будущем, которого еще нет. А то, что есть, остается для вас абсолютно неизвестным.

Вся земля населена сомнамбулами, лунатиками.

Забывтый пастух

Профессор Пибоди только что вернулся из своего кругосветного путешествия во время медового месяца. В аэропорту его узнала одна из его воспитанниц.

«Д-р Пибоди! — окликнула его студентка. — Как прошел медовый месяц?»

«Великолепно».

«Было ли путешествие волнующим?» — спросила она, запыхавшись.

«Бесподобным. Я посетил все великие музеи и картинные галереи. Лувр был величествен. Я и моя жена обедали и ужинали в лучших ресторанах мира. Это было физическим, эмоциональным и гастрономическим приключением».

«Что же вы собираетесь делать сейчас, когда волнения улеглись?»

«Волнения все еще не кончились», — сказал профессор замогильным голосом.

«Вы отправляетесь в другое путешествие?»

«Нет, я забыл мою жену в Токио».

Просто понаблюдайте за своей собственной жизнью. Вы постоянно забываете жить здесь-и-сейчас, а это единственная жизнь. Вы продолжаете спешить в прошлое или в будущее, но и то и другое лишено смысла, — это простая утечка энергии. В настоящем вы бессильны, пусты, ненаполнены. Вы не можете соединиться с настоящим, а настоящее — это единственная дверь к божественному.

Он даст вам свою защиту,

но вы продолжаете спать:

О, дети сладкого обмана,

бессмысленно выказывающие свою глупость!

Иван был маленьким беспокоящимся человечком. Он беспокоился день и ночь. «Как я заплачу за следующий месяц? Я уверен, что моя дочь была на том разбившемся самолете. Экономическая ситуация ужасна. Мы кончим тем, что будем есть хуже собак.»

Затем однажды умерла тетка Ивана и он унаследовал миллион долларов. В результате он купил новый дом, самую доро-

Мистическое единство

гую мебель и великолепный автомобиль. Мир теперь казался прекрасным местечком.

Однажды, навещая жену Ивана, соседка обратила внимание, что Иван сидит один в своей комнате и стонет, как раненая гиена.

«Что стряслось с Иваном? — поинтересовалась соседка. — Он болен?»

Жена Ивана многозначительно улыбнулась. «Ничего серьезного, кроме того, что Иван беспокоится, что теперь ему не о чем беспокоиться».

Да, это тоже создает беспокойство — когда вам не о чем беспокоиться. Вы стали так привязаны, механически привязаны к беспокойству, что если вам не о чем беспокоиться, вы будете беспокоиться об этом.

Люди приходят ко мне, они говорят: «Жизнь — это изменение. Мы чувствуем великую радость, мы чувствуем как приходит молчание. Теперь мы обеспокоены: Что же дальше? Теперь мы обеспокоены: действительно ли эта радость настоящая? Не является ли это молчание просто проекцией? Может быть, это просто вид гипноза?»

Теперь они создают новые беспокойства. Люди не могут жить без беспокойств — почему? Потому что беспокойства — это еда, пища для ума. Всегда, когда ум видит, что что-то происходит и вы можете избавиться от беспокойства, он тянет вас назад и создает новые беспокойства, абсурдные беспокойства — потому что без беспокойств ум не может существовать.

Суфийское послание гласит: Оставьте все Богу, оставьте все целому. Просто взгляните: это бесконечное существование столь совершенно. Энергия, которая заботится о миллионах звезд, также может позаботиться и о вас; вам не нужно нести ваш груз на своей собственной голове, вы можете доверять. Только небольшое переживание доверия, и вы никогда не попадете снова в старую ловушку, потому что вы узнали того, кто заботится.

Но это не значит, что вы становитесь бездеятельными. Несомненно, вы становитесь *более* деятельными, но в ваших действиях есть другой аромат, новый вкус. Вы становитесь очень активными, но это больше не ваша деятельность, теперь через вас действует Бог. Вы становитесь соединенным с настоящим и

Забытый пастух

он начинает течь через вас. Случается великое творчество, но оно не будет вашим делом. Он будет делателем, а вы останетесь совершенно расслабленными, не беспокоящимися.

Просто подумайте о том состоянии, когда в вашем существе не существует беспокойства, нет напряжения. Эта расслабленность есть то, чего желают все. Но вы разрушаете все возможности этого, когда они случаются. Мы продолжаем творить неверное пространство и продолжаем стремиться к тому, что не может произойти в этом пространстве.

Вы должны будете создать другой вид пространства. Необходимо другое пространство: пространство доверия, сдачи, отпустить-себя; пространство, наполненное верой, любовью, — как бы вы его не называли. Когда создано такое пространство, вы начинаете существовать совершенно на другом уровне. Вы входите в новое измерение: это измерение — бессмертие, это измерение — бесстрашие. Тогда вы живете полно, смело; тогда, что бы вы ни делали, вы полностью в этом, вы в этом тотально. Каждое действие становится таким пылким, страстным усилием, таким творческим, что создаются не только вещи вне вас, но благодаря творчеству что-то внутри вас обретает целостность.

Вы можете рисовать: снаружи случится великая живопись, а внутри будет создан художник. Вы можете писать стихи: снаружи создана поэзия, внутри поэт обрел целостность.

Каждый акт творчества создает творца. Вы становитесь более центрированными, укорененными. А чем больше вы укоренены, тем меньше и меньше вы чувствуете себя чужаком. Идея: «Я здесь посторонний» исчезает. Все существование принадлежит вам, и вы принадлежите всему существованию. Великое празднование случается само по себе.

Он исцеляет нашу природу изнутри,
он добрее к нам, чем мы сами.
Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Это суждение выглядит немного ошибочным, потому что любовь матери и любовь Бога нельзя так сравнивать — что Бог любит больше, чем ваша мать, вдвойне больше, чем ваша мать. Различие не в количестве. Вы знаете все о любви матери — ва-

Мистическое единство

ше сердце не затрепещет, если Бог любит только вдвойне против этого, это даже может сделать вас очень печальными! Это выглядит не больше чем обещанием.

И люди, читающие Хакима Санаи, постоянно спотыкаются на этом. Не существует ни одного комментария, в котором была бы дана правильная интерпретация этого утверждения. Не то, чтобы ее не было; оно имеет очень проникновенный смысл, полностью отличный от того, что вы прочтете в этих строках. Вы должны будете посмотреть между строк.

Первое, Божественная любовь качественно отлична. Тогда почему Санаи говорит:

Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он»

Он приносит нечто, дающееся Мастером ученику частным образом, тайно. Но теперь это может быть сказано, потому что теперь психологи пришли к знанию — они наткнулись на факт, что был известен суфиям, людям дзен, тантристам, — всем подобным людям — что ум разделен на две части: сознание и бессознательное.

Материнская любовь это бессознательная любовь. Она любит, но она спит, так же как и любой другой; ее любовь бессознательна. Божественная любовь — это сознание. Если мы делим ум на две части — сознательное и бессознательное — тогда Божественная любовь это и то и другое, потому что Он абсолютно сознателен. Психологи говорят, что сознательна только одна часть нашего ума, а девять частей бессознательны. Бог — это стопроцентное сознание.

Вот почему всегда, когда человек, подобный Иисусу, Будде или Махавире, становится полностью сознательным, мы называем его божественным, мы называем его богом. Причина — психологическая: в нем больше не существует ничего бессознательного; не осталось ни одного уголка тьмы, все есть свет.

Бог любит сознательно. Материнская любовь бессознательна и, естественно, когда любовь бессознательна, она загрязнена всеми видами бессознательного. Есть жадность, гнев, есть ненависть и ревность, есть господство, политика с позиции силы — присутствует все. Несомненно, существует такое множе-

Забытый пастух

ство бессознательных, безобразных вещей, что красота любви почти раздавлена, искалечена, отравлена.

Божественная любовь полностью сознательна. Будда любит вас без желания господствовать над вами, без желания получить что-то взамен, без желания какой-то будущей награды, без мотивации. Он любит, потому что он есть любовь. Несомненно, сказать, что он любит, будет неправильным, потому что любовь не есть действие с его стороны. Он не может помочь этому. Просто, как река течет в океан, так любовь течет из него ко всем, с кем он встречается.

Даже если никого нет, любовь продолжает излучаться Буддой. Даже когда он спит, любовь продолжает лучиться из его существа. Он есть любовь.

Мы видели немного таких людей на этой земле: они называются посланцами Бога, воплощениями Бога, аватарами, Буддами, *тирханкарами*. Это просто имена, имена, чтобы показать, что они больше не человеческие существа в обычном смысле. Они в теле, но это уже не тело. Мы можем получить от Будды маленький проблеск того, на что похожа Божественная любовь.

Хаким Санаи в этом смысле прав. Мать любит только бессознательно, так что ее любовь половинчата. Бог любит сознательно, так что его любовь полная — в этом смысле она двойная.

Когда любовь становится сознательной, происходит качественное изменение; это не только вопрос количества. Бессознательная любовь — это одно; она подобна ходьбе наощупь в темноте, тому как идет слепой. Когда любовь сознательна, она — полный свет, полдень; вы не слепы, вы больше не идете наугад.

Но помните, что эта метафора значительна. Бог — это мать, матка. Существование это мать, это — утроба; оно питает вас, оно постоянно течет к вам со всем, в чем вы нуждаетесь. Но мы полностью забыли то, что питает нас; мы забыли эту защиту, мы забыли пастуха.

А поскольку мы забыли, мы стали очень одинокими, незащищенными, бесприютными, потерянными. Взгляд из нашей одиночества создает страх. Мы паникуем, мы должны защитить себя, так мы создаем наши собственные маленькие крепости и убежища. Вся наша жизнь становится ни чем иным, как попыт-

Мистическое единство

кой создать какую-то безопасность. А затем приходит смерть и разрушает все, что мы создали.

Все наши дворцы оказываются ни чем иным, как карточными домиками. И все наши огромные корабли оказываются ничем иным, как бумажными корабликами. Вся наша жизнь сделана из вещества, называемого снами — потому что мы спим.

Проснитесь!

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Мы заблудились, мы ушли далеко от Бога. Но он не оставил нас — он не может, это невозможно. С его стороны это невозможно. Мы можем идти так далеко, как нам хочется, но с его стороны мы будем недалеко. Его любовь будет продолжать изливаться на нас.

Он продолжает изливаться на святых и грешников, он не делает различий. Он изливается на горы и он изливается в долины, он не делает различий. Горы не смогут принять дождь, льющийся на них, потому что они слишком велики, в них нет места. Тогда долины станут великими озерами: они пусты, у них есть место, они восприимчивы; они открыты, они принимают и могут стать резервуаром.

Религиозный человек — тот, кто создает для Бога пространство, чтобы он мог войти. Он стучится в двери, — двери каждого, безусловно. Но очень немногие открывают свои двери. Те, кто открывает их, становятся действительно богатыми, они становятся королями, потому что царство Божие принадлежит им. А те, кто так сильно занят своими домами — переставляют мебель, укладывают правильно вещи, считают деньги — они не могут услышать стук.

Стук очень тих, это шепот: вы должны быть молчаливыми, чтобы услышать его. Вы должны быть незанятыми, чтобы услышать его — а наши занятия... это выглядит таким абсурдом — человеческие существа озабочены такими глупыми и смешными вещами.

Забывтый пастух

Он слышал, что один из борделей в Бутылочном Горлышке в Нью-Йорке имеет необычную репутацию. Итак, он приехал туда и, войдя внутрь, попросил мадам дать ему попробовать что-нибудь необычное.

«Сегодня есть прелестные вещички, — сказала она, — и у меня есть номер, где вы можете насладиться». Она стала описывать курочку из Нью-Джерси, которая была обучена для работы.

«Мы поместили ее сюда, но только на один день».

Визитер с трудом мог поверить этому, но он заплатил взнос и вошел в комнату с курочкой. После утомительного часа попыток заняться с курочкой любовью он понял, что имеет дело ни с кем иным, как с заурядным старым цыпленком. Он ушел.

Думая позже об этом, он решил, что получил при попытках так много приятного, что вернулся на следующий день и спросил мадам: «Есть ли у вас сегодня что-нибудь новое?»

«Идите вот сюда», — сказала она и оставила его в темной комнате, где группа мужчин смотрела через полупрозрачное зеркало. Он увидел, что там, куда они смотрели, девушка пыталась заниматься любовью с собакой.

«Ух ты! — сказал он мужчине, стоявшему сзади. — Это действительно потрясающе!»

Мужчина ответил: «Это еще что, парень! Был бы ты здесь вчера и посмотрел бы на этого мужика с цыпленком!»

(Весь анекдот построен на непере译имой игре слов: «hen» по-английски — курица, женщина (шутл.) — прим. перев.)

Человек, кажется, сошел с ума. И как могут такие люди услышать стук Бога? Люди погрязли в глупостях. Не смейтесь над этим бедным человеком — таково положение каждого. Детали могут отличаться, но история та же самая. И она продолжается и продолжается до самого конца.

Старик стоял, трясясь, в дверях ранчо «Мустанг» Джой Конфорта, что за Рено в Неваде.

Секретарша вытаращила на него глаза. «Вы пришли в неподходящее место! — воскликнула она. — Что вы ищете?»

«Это знаменитый “Мустанг”? Это здесь вы держите наготове сорок пять девушек?»

Секретарша взглянула ошеломленно. «Наготове для чего?»

Мистическое единство

«Я хочу девочку, — проскрежетал старик. — Я хочу ее уложить».

«Сколько вам лет?» — спросила она.

«Девяносто два», — ответил он.

«Девяносто два? Сэр, вы уже кончили!»

«Ох, — сказал старик, немного растерянно, трясущимися пальцами расстегивая карман. — Сколько я вам должен?»

Нет даже памяти, он утратил весь свой ум. Но что-то механическое остается — что-то, что продолжается, кажется, само собой. С начала и до конца люди остаются незрелыми.

Дорости до старости не значит вырасти, стать старым не значит стать зрелым. Зрелость не имеет ничего общего со старостью, вообще ничего общего с возрастом. У зрелости есть что-то общее со становлением все более и более сознательным, все более и более молчаливым и осознающим, с тем, как стать все более и более внимательным к тому, что вы делаете и почему, куда вы идете и почему.

Франклин Д. Рузвельт сказал в своей первой речи: «Мы не знаем, куда мы идем, но мы на своем пути».

Все, кажется, пребывают в том же самом состоянии. Никто не знает, куда, но каждый на своем пути и все идут — быстрее и быстрее. Кажется, что заботятся только о скорости: делайте быстрее и никогда не спрашивайте, куда вы идете, потому что это — тревожащие вопросы, они создают беспокойство. Итак, пожалуйста, не спрашивайте, куда вы идете, спрашивайте, как идти туда достаточно быстро. И сделайте ваше путешествие таким быстрым, станьте так озабочены скоростью, чтобы забыть все цели — чтобы вы утратили все остальное и были заняты только скоростью.

Человек так озабочен, и никто, кажется, не спрашивает: «Куда вы идете, зачем? Ведь Бог здесь! Куда вы идете?» Чтобы достичь Бога, скорость не нужна. Несомненно, до тех пор, пока вы не научитесь, как сидеть молчаливо, как быть в состоянии расслабленности, как полностью отбросить вечно спешащий ум, вы никогда не придете к знанию истины, реальности, того, что есть.

Бог так близко, но вы в такой спешке. Вы должны будете остановиться и научиться слушать тихие голоса.

Забывтый пастух

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Вы не искренни с самим собой. Как это могло случиться, что вы стали такими неискренними? Вы никогда не делали этого сознательно; ложь — побочный продукт. Вы лгали другим и, как следствие этого, случилось так, что вы перестали быть искренними с самими собой.

Таково основное явление, — кем бы вы ни прикидывались перед другими, рано или поздно вы начинаете в это верить. Если вы продолжаете улыбаться — фальшивой улыбкой, нарисованной улыбкой — всем, с кем вы встречаетесь, рано или поздно вы начнете верить, что вы очень счастливый человек. Ведь те люди, что видят вас улыбающимися, всегда улыбающимися, начнут говорить вам, что вы действительно счастливы, вы велики: так они будут подпитывать вас. Вас это загипнотизирует, вы начнете улыбаться шире, потому что это хорошо окупаются. И вы будете продолжать улыбаться все шире и шире.

Я слышал, что жена Джимми Картера каждую ночь прикрывает ему рот, потому что он продолжает улыбаться и ночью... это становится механическим.

Вы узнаете о себе от других. Если безобразному человеку дать зеркало, которое делает его красивым, он поверит, что он прекрасен, потому что нет способа узнать ваше собственное лицо. Он посмотрит в зеркало, зеркало скажет: «Ты прекрасен», и он начнет верить этому.

А если иногда он встречает истинное зеркало, которое просто отражает его таким, какой он есть, он подумает, что это зеркало неверное. Он может даже уничтожить это зеркало, потому что оно создает в нем печаль; и мало того, что зеркало не отражает истины, оно искажает.

Вот что происходит. Если вы встречаете истинного человека, вы рассердитесь на него, потому что он не поддержит ваши обманы, он не поддержит вашу фальшь. Он сорвет ваши маски и попытается показать вам ваше настоящее лицо. Он может только отразить то, что есть, он не может отразить то, чем вы претворяетесь.

Мистическое единство

Вот почему человек истины всегда будет возмутителем спокойствия. Общество не любит его. Общество не хочет слышать истины, все совершенно счастливы, помогая друг другу лгать. Всякого, кто помогает вашему обману, вы называете своим другом — он ваш враг, но вы называете его другом.

Даже если иногда ваш друг говорит вам правду, дружба начинает разрушаться.

Зигмунд Фрейд заметил, что если каждый человек на земле решил бы говорить правду, буквально через двадцать четыре часа во всем мире не осталось бы и четырех дружеских пар. Если бы каждый человек, буквально один день, был бы правдив, произошли бы миллионы разводов, дружба исчезла бы, семьи распались. Наступил бы хаос, потому что мы живем во лжи.

Человек, не любящий вас, говорит: «Я люблю тебя». У него есть мотивы: говоря так, он готовит для себя почву. Мы верим, что другие говорят нам о нас. У нас нет прямого подхода, у нас нет прямого контакта с нашим собственным существом; все — через других.

Но как же вы можете узнать себя через других?

Единственный способ узнать свое истинное Я — это забыть других, закрыть глаза и просто быть внутри — отвергнуть все мнения, данные вам, отвергнуть все, что было сказано о вас кем-то, когда-то, стать полностью пустым, освобожденным от мнений других. Вот что такое медитация.

И однажды, когда вы абсолютно пусты, вы узнаете свое подлинное лицо. Люди Дзен называют его изначальным лицом. Иногда это отнимает годы, потому что имеется столько фальшивых лиц — фальшивые лица за фальшивыми, слои за слоями — что вы должны будете чистить вашу луковицу месяцами, годами.

Это зависит от того, с какой интенсивностью и с какой искренностью вы работаете над собой.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас..

Бог все еще верит в вас.

Рабиндранат Тагор писал: «Всегда, когда я вижу рождение нового ребенка, я смотрю на небо и благодарю его, потому что новое дитя — это доказательство того, что Бог все еще верит в человека. Иначе он перестал бы творить. Мы предали его, но он

Забытый пастух

все еще надеется. Его надежда на нас является абсолютной. Мы не можем изменить его надежду; что бы мы ни делали, наши действия к этому не относятся».

Существование все еще надеется, что человек придет, что человек будет способен превзойти свои мечты, свои сны, что человек будет способен стать сознательным. Существование все еще надеется — вот почему оно продолжает творить вас.

Он создал ваш ум;
но его знание — это
невинность мысли.

Он знает, что в вашей душе;
он создал вашу душу вместе с вашим прахом;
Но если вы думаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

Бог знает полностью другим способом, нежели знаем мы. Наше знание интеллектуально. Его знание не интеллектуально; его знание просто, оно невинно. То, что он знает, он знает не через мысли. Он просто знает; знание это его природа.

В точности так отражает зеркало: оно не думает, отражать или не отражать, оно просто отражает. В точности так солнце восходит и земля становится полной света: солнце не думает будить людей, потому что сейчас день. Солнце не думает: «Сейчас я должно достичь каждой птицы и побудить птицу к утренней песне, и я должно дойти до каждой розы и раскрыть лепестки розы». Нет, со стороны солнца нет размышления. Солнце просто восходит; это его природа — излучать свет.

Природа Бога есть знание. Его природа это разумность, абсолютная разумность. Он отражает подобно зеркалу. И если вы хотите узнать Бога, вы должны будете научиться его способу знать.

Бог не может быть узнан через писания, потому что это не Божественный способ знать. Вы должны будете научиться его путям; вы должны будете стать невинным. Человек обучившийся умен, хитер, но не невинен. Ученый человек полон информации

Мистическое единство

— а чем больше у вас информации, тем меньше возможность того, что вы действуете разумно.

Я слышал:

Женщина принесла какую-то вещичку, новую безделушку для своей кухни, но она не знала, как заставить ее работать. Итак, она вошла в дом, искала каталог и начала читать об устройстве. Прочитав его, она вернулась, но повар уже все наладил.

Она сказала: «Как вы с ним справились?»

Старый повар сказал: «Когда ты необразованна, приходится соображать. Когда вы образованна, вам это не нужно. Вы пошли смотреть в каталог: я не умею читать, так что я должен использовать свой разум».

Поразмыслите над этим. Чем больше у вас знаний, тем меньше нужен разум. Поэтому интеллектуалы остаются глупыми; они могут продолжать хвастаться своими знаниями, но глубоко внутри они остаются неразумными. Ученые знатоки всегда неразумны. У них могут быть ученые степени, но если вы посмотрите на их исследовательскую работу, вы будете удивлены: они просто коллекционируют мусор. Они продолжают собирать мусор. Никто никогда не читает их диссертаций; они продолжают копиться в университетских библиотеках. Единственная функция и польза от этих диссертаций в том, что они помогут другим глупцам написать еще больше диссертаций; они будут единственными людьми, которые их прочтут.

Каждый год пишутся миллионы трактатов, награждаются миллионы докторов философии и литературы, а мир действует все так же неразумно. Наш мир — самый образованный и самый неразумный. В этом столетии мы достигли успеха в образовании людей; особенно в развитых, богатых странах, там сейчас образование стало всеобщим.

Но что в результате? Люди не действуют разумно. Если вы знаете, что человек очень интеллектуален, вы можете быть уверены, что он не будет действовать разумно — ему это будет не нужно. Дети действуют намного разумнее, чем старшие, потому что у них нет никакого знания. Они должны использовать свои собственные ресурсы; они не могут зависеть от знания, у них его нет.

Забывтый пастух

Если вы хотите узнать Бога, вы должны будете узнать его способ знать. Каков его способ? Разумность, — но не интеллект; невинность, — но не образованность.

Медитация делает вас невинным, потому что она помогает вам отбросить все знание. Любовь делает вас разумными, потому что любовь не имеет ничего общего со знанием.

Он создал ваш ум;
но его знание — это
невинность мысли.
Он знает вашу душу;
он создал ее вместе с вашим прахом;
Но если вы считаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который испачкался в своей собственной грязи.

Его способ знать полностью отличен, диаметрально противоположен вашему. Но вы можете научиться его способу. И в момент, когда вы научились этому, вы становитесь все ближе и ближе к Нему.

Вот почему Иисус говорит: «Пока не станете как дети, не войдете в царство Небесное».

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Это единственный язык, который понимает Бог: молчание. Он не понимает санскрита, хотя индусы верят, что Девавани это язык Бога. Он также не понимает арабского, во что бы там ни верили мусульмане. Он не понимает иврита, что бы ни утверждали евреи. Он не понимает арамейского, хотя Иисус мог понимать и говорить по-арамейски.

Каков же его язык? Он понимает только молчание.

Итак, если вы молитесь с помощью слов, вы никогда не достигнете его, ваша молитва никогда не достигнет его. Слова слишком тяжелы; они не позволяют вашей молитве воспарить высоко и достичь высшего. Только у молчания могут быть крылья.

Мистическое единство

Он понимает молчание. Настоящая молитва содержится только в молчании: молчаливых слезах, молчаливом крике души, молчаливом смехе, молчаливом танце, молчаливой музыке внутри вашего существа. Когда вы полностью молчаливы, вы немедленно становитесь созвучны с Богом... Веды не помогут, ни Библия и ни Коран. Хотя, несомненно, Веды были порождены теми, кто пребывал в молчании.

Вот как Коран сошел на землю: Магомет медитировал сорок дней в молчании — молился, медитировал, сидел молча среди холмов — и однажды, внезапно, что-то стало происходить. Свет проник в него, песня вошла в него. Он был использован как проводник; через него говорил Бог.

Конечно, когда Бог говорит через Магомета, он использует арабский, потому что это то, что Магомет знает. Когда Бог говорит через Будду, он использует пали (один из языков Индии — прим. перев.), потому что это то, что знает Будда.

Но собственный язык Бога — только молчание. Несомненно, когда он течет через Будду, механизм ума Будды переводит молчание на пали. Механизм ума Магомета переводит молчание на арабский. Тогда появляются огромные противоречие: знатоки пали, и знатоки пракрита (древний санскрит — прим. перев.), и знатоки санскрита, и знатоки еврейского, арамейского и арабского — продолжают ссориться. А сказано было только одно. Лишь молчание снизошло на вас. Но оно было переведено; оно приобрело вид и форму, оно стало языком.

Если вы хотите достичь Бога, вы должны будете научиться молчанию.

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Только те, кто молчалив знают, как говорить с ним. Они знают, как взаимодействовать, как общаться.

Он знает о следе, оставленной
лапкой муравья, ползущего в темноте
по камню.

Он всегда знает,
что происходит в человеческих умах:

Забывтый пастух

вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

Нет необходимости говорить ему что-то. Просто склонитесь — потому что он знает. Он уже знает, прежде вас, что в вашем уме: он знает это, он отражает это. Ваше сознание, ваше бессознательное, ваше коллективное бессознательное — все отражено в нем. Не надо ничего говорить, это совершенно ненужно. Просто раскройтесь, просто сдайтесь. Будьте молчаливы...

Еще одно: он не человек, он — присутствие. Вот почему никогда не было образа, который может представить его, никогда не было идола, который мог бы заменить его. Он есть присутствие, чистое присутствие.

Чувствовали ли вы когда-нибудь разницу между человеком и присутствием? Есть люди, которых что-то окружает — вы можете назвать это присутствием. Например, если вы видите идущего Будду, вы немедленно поймете, что он ходит не так, как другие. Сам по себе он подобен всем остальным, но вокруг него есть что-то таинственное, присутствия чего-то. Вы не можете ухватить это, вы не можете измерить это, вы не можете взвесить это, оно трудно осязимо, но оно есть.

Иногда вы также чувствуете это и в обычных людях: иногда, время от времени, вы встречаете человека, который окружен присутствием. Когда он с вами, он трансформирует вас, просто находясь рядом. Есть люди, которые своим присутствием делают вас печальными, есть люди, которые своим присутствием делают вас счастливыми. Они могут не сказать ни одного слова, — просто из-за того, что они здесь, что их окружает определенная аура, определенное энергетическое поле.

Бог — это энергетическое поле. Итак, не ищите его лица, у него его нет. И не ищите его местонахождения, потому что вы не сможете обнаружить его. Он подобен энергетическому полю. Но вы можете испытать его: если вы доступны, вы можете почувствовать его присутствие. А когда вы почувствовали его присутствие, вы узнали... Тогда вы обнаружите его везде, во всем.

Молчаливое дерево стоит под небом, и вы почувствуете что-то вокруг дерева. Или в горах: горы будут выглядеть очень медитативными, если вы испытали его присутствие. В цветах, в аромате вы почувствуете его — в закате и в звездах... В глазах

Мистическое единство

людей, в смехе ребенка, в слезах наполненного молитвой человека — вы увидите присутствие.

Присутствие необходимо ощутить. Ему нужно молчаливое, медитативное, любящее сердце. Вы не можете коснуться его; оно не материально, оно очень тонко, тончайшее. Но оно есть. Оно всегда есть.

Мы живем в пространстве, называемом Богом, мы живем в океане Божественного присутствия. Станьте немного более чувствительны к нему. А как можно стать чувствительным? Эти сутры дают вам несколько ключей.

Первое: отбросьте увеличительное стекло вашего эго.

Второе: доверие, сдача. Он заботится о вас.

Третье: он постоянно исцеляет вас из ваших собственных источников, изнутри.

Идите к внутреннему источнику вашего существа, и там вы найдете его пищу, его постоянно бьющую ключом энергию.

Четвертое: будьте истинными. Отбросьте ваши маски, вашу фальшивость.

Пятое: учитесь Божественному способу знать — невинности.

Шестое: будьте молчаливы, потому что это его единственный язык.

Он знает о следе, оставляемой
лапкой муравья, ползущего в темноте
по камню.

Он всегда знает,
что происходит в человеческих умах:
вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

Седьмое и последнее: ваша молитва не должна быть требованием. Ничего не просите; он знает, прежде, чем знаете вы, — он знает, в чем ваша нужда. Просто склонитесь. Он есть присутствие — так что, где бы вы ни склонились, вы склоняетесь перед ним. В чьи бы ноги вы ни кланялись, все — его.

Если вы склоняетесь перед землей, вы склоняетесь перед ним. Если вы склоняетесь перед солнцем, вы склоняетесь перед ним. Будьте язычником — тогда не нужно идти ни в какую церковь или храм. Деревья — прекрасные храмы, горы, люди —

Забывтый пастух

все существование является его храмом. Он воплощен в этом существовании.

Не спрашивайте о его лице, потому что все лица — его. И не спрашивайте о его местонахождении, потому что он — все. Он не может быть обнаружен, у него не может быть адреса, у него нет формы и нет имени.

Если вы глубоко войдете в эти вещи, он может случиться немедленно, в этот самый момент.

Прощение от него приходит так быстро,
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Он — ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он призывает вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
но вы продолжаете спать:
О, дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Он исцеляет нашу природу изнутри,
он добрее к нам, чем мы сами.
Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет нам больше,
чем мы самим себе.

Он создал ваш ум;
но его знание — это
невинность мысли.
Он видит, что в вашей душе;

Мистическое единство

он создал вашу душу вместе с вашим прахом;
Но если вы думаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Он знает о следе, оставляемой
лапкой муравья, ползущего в темноте
по камню.

Он всегда знает,
что происходит в человеческих умах:
вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

Назад к
эросу

16 декабря
1978 года

Первый вопрос:

Ошо, я была приверженцем Бабу Муктананды и руковожу его центром. Я пережила чрезвычайно трудный период, он продолжался до тех пор, пока я не прочла твои книги. Тогда я поняла все что происходило и все, что происходит со мной.

Нужно ли оставаться привязанным к другому мастеру, когда я глубоко чувствую и понимаю вас? Я знаю, что я не могу вернуться к методам Бабу. Я смущена → можете ли вы мне помочь?

Бернадетт Браун, помочь можно только ученику. И ученик должен стать вовлеченным, преданным. Без преданности нет возможности для какой бы то ни было помощи. Дерево должно быть укорененным в почве, только тогда оно может расти. Если оно начинает говорить о непривязанности к земле, оно умрет.

Почему ты боишься привязанности к новому Мастеру? Думаешь ли ты, что вышла за пределы привязанности? Действительно ли это непривязанность? Или это просто привязанность к прежнему учителю, заслоняющая тебе путь?

Ты все еще привязана к человеку, к которому, как ты думаешь, не можешь вернуться. Однако это неразумно. Оставайся привязанным к нему во всех отношениях, если ты чувствуешь, что ты растешь там — это интеллигентность. Всегда, когда происходит рост, всегда, когда ты становишься все более и более зрелой, более блаженной — оставайся привязанной.

Но в тот момент, когда рост прекратился, в момент, когда вы видите, что вы никуда не идете или движетесь по кругу, — время разорвать связи. Ищите новую почву, новые земли, новые пастбища. Человек должен продолжать искать до тех пор, пока он не станет Мастером сам.

Зачем бояться нового? Вы привязаны ко вчерашнему солнцу, но сегодня взошло новое солнце. И из-за вашей привязанности ко вчерашнему вы продолжаете закрывать глаза! Ваш страх — страх предательства. Но что вы можете сделать? Не то, что вы предаете кого-то, это просто поиск вашего собственного роста — и это ваша ответственность.

Назад к эросу

Вы должны будете продолжать искать, исследовать. Человек должен идти все дальше, до тех пор, пока он не приходит в свое собственное существо. Учитесь везде, и не будьте так несчастны. Теперь ты хочешь моей помощи, но не привязываясь ко мне. Это невозможно; ты должна будешь подключиться.

Вот что такое саньяса. Пока вы не подключены, моя энергия не может течь в вас. Вы можете продолжать читать мои книги, но это — совершенно другое дело. Это останется интеллектуальным, это никогда не станет реальным.

То, как саньясин слушает мои слова, полностью отличается от того, как слушает меня не саньясин. Слова те же самые, но значение полностью другое.

Когда вы находитесь в любовной связи со мной, эти слова становятся пламенными. В них есть свет, они светящиеся. Это не обычные слова; это слова вашего Мастера, это слова, приходящие из источника, которому вы преданы. Они в действительности *ваши* слова — как если бы ваше собственное существо сказало их вам. Есть интимность, есть любовь. И в этой любви случается чудо.

Это зависит от вас. Но не хитрите; хитрость не поможет. Быть со мной означает быть вовлеченными в меня. Вы можете быть здесь, но если вы не со мной, ваше нахождение здесь поверхностно. Вы останетесь на периферии, вы останетесь посторонним. А великие тайны могут быть переданы только в глубокой интимности. Они могут быть переданы только через любовь.

Ты говоришь: *«Я была приверженцем Бабу Муктананды...»*

Ты уже «была», это закончилось. Ты научилась всему, чему ты могла бы у него научиться; ты выросла из него, ты закончила этот класс. Теперь войди в новый класс, войди в новую землю, исследуй эту новую страну.

Ты говоришь: *«И я руководила его центром. Я пережила период чрезвычайной трудности, он продолжался до тех пор, пока я не прочла твои книги.»*

То, что я понял все, что было и все еще происходит.»

Мистическое единство

Если тебе помогло просто чтение моих книг, тогда подумай, что возможно, если ты вовлечена в меня. Возможно даже невозможное.

Муктананда помог тебе, вот почему ты здесь. Это не предательство. Он помог, по своему; без него ты никогда не была бы здесь. Но теперь ты должна идти дальше. Ты использовала лодку, теперь ты должна оставить ее позади. Не становись слишком привязанной к лодке, иначе все путешествие станет абсурдным. Если ты слишком привязана к лодке, ты не оставишь ее; ты не достигнешь другого берега, ты будешь озадачена и смущена.

Чтение моих книг — это интеллектуальный способ общения со мной. Быть учеником — не-интеллектуальный, интуитивный способ общения. Чтение моих книг, слушание моих слов — от головы к голове. Быть саньясином — от сердца к сердцу.

Да, некоторые вещи могут быть переданы посредством головы, посредством слов, но эти некоторые вещи в действительности не являются существенными. Истина может быть сообщена только от сердца к сердцу. Только в безмерной преданности, восприимчивости, страстной любви, сдаче, в доверии перескакивает пламя от Мастера к ученику. И пламя может перескочить, только когда вы подошли очень близко.

Все зависит от вас.

Ты спрашиваешь: *«Я задаю вопрос, потому что есть потребность в другом учителе.»*

Если ты все еще привязана к Муктананде, возвращайся к нему, забудь все обо мне. Тогда я не для тебя. Но не смущайся, потому что я совершенно другой человек. Тогда ты останешься привязанной к первому классу, тогда ты можешь продолжать играть в одну и ту же игру снова и снова.

Муктананда учитель ортодоксальный, общепринятый, пуританин, часть существующего положения вещей, традиционный. Я — прямая противоположность: я не учитель, я не учу вас никакой доктрине, я не даю вам никакого кредо.

Слово «кредо» прекрасно, оно происходит от корня *credere*: *credere* значит «верить». Я не даю вам никакой системы верований, я разрушаю их все.

Назад к эросу

Муктананда дал тебе систему веры. Он обычный учитель, на службе у общества, на службе у прошлого, на службе у этой гнилой структуры, эстеблишмента. Он не Мастер.

Я видел его, я встречался с ним: в нем нет огня. Ничего не случилось с ним — или все, что случилось — очень обычно, это может случиться со всяким. Такого рода вещи случаются в Индии с тысячами людей. У него нет озарения, он не просветлен. Ты можешь оставаться привязанной к нему, и ты можешь продолжать играть в игру, но ты останешься в очень примитивном состоянии.

И я не говорю, что он не помог тебе — даже первый класс помогает, иначе никто никогда не поступил бы в университет. Но я человек полностью другого вида, диаметрально противоположный. Я учу вас восстанию. Я против всего прошлого, я целиком за настоящее. А будущее родится из настоящего.

Я не за существующее положение. Вся моя работа здесь в том, чтобы создать совершенно другое человечество. Человечество, существовавшее вплоть до настоящего времени, теперь больно, ненормально, невротично. Я не принадлежу ни к какой традиции: я не индуист, не христианин, ни мусульманин. Я совершенно покончил с прошлым, и я учу вас тому же.

Я не даю вам доктрин, я даю вам проникновение в реальность. Я не даю вам веру, я забираю у вас все веры и предрассудки, так что вы можете стать чистым ясным зеркалом, и то, что есть, может отразиться в вас.

Но это возможно только если вы подходите близко ко мне. Чем вы ближе, тем лучше. И говоря «быть ближе», я не имею в виду физическую близость, я имею в виду духовную близость.

Ты говоришь: «Я задаю вопрос, потому что есть потребность в другом учителе, хотя я глубоко чувствую и понимаю ваши поучения.»

Теперь ты будешь в смятении. Ты создаешь в себе раскол. Твое сердце закончило с твоим так называемым учителем, Муктанандой; просто твой ум цепляется. Твое сердце будет теперь со мной, а твой ум будет продолжать цепляться за прошлое. Ум всегда цепляется за прошлое. Ум абсолютно против настоящего и будущего; он живет и существует прошлым, мертвым. Теперь ты будешь в великом расколе; твой ум скажет одно, а твое сердце скажет другое.

Мистическое единство

А мои пути настолько отличаются от ваших так называемых учителей, что разрыв с каждым днем будет становиться все больше и больше. Или сожгите все мои книги и забудьте обо мне — по крайней мере вы будете спокойны; вы останетесь глупыми, но по крайней мере будет спокойствие — или покончите с вашими старыми привязанностями. Тогда вы можете начать расти снова.

Я могу помочь тебе.

Ты говоришь: *«Я знаю, что я не могу вернуться к методам Баба.»*

У этого Бабу Муктананды не очень много методов. Это так по-детски, все так неразумно! Но есть люди, которым нужно это; есть люди, которые могут понять только очень поверхностное. Счастье, что ты выросла из этой потребности. Теперь, пожалуйста, не продолжай тащить с собой свою детскую одежду; она не подойдет тебе, она задушит тебя.

А твоя преданность это преданность истине. Если твоя преданность — преданность истине, тогда, откуда бы она ни пришла, ты должна склониться, ты должна сдаться.

Ты спрашиваешь: *«А смущена — можете ли вы помочь?»*

Я могу помочь. Но, Бернадетт Браун, можешь ли ты принять мою помощь? Это вопрос. Все дело не в том, могу ли я помочь — можешь ли ты принять это, воспринять это?

Саньяса — это просто жест с вашей стороны, что вы готовы воспринять это. А я могу вам дать, только если вы готовы это принять.

Второй вопрос:

Если самость во всех людях одна и та же, значит ли это, что все люди одинаковы? Если это так, как может любой отдельно взятый человек быть неотъемлемой частью существования?

Назад к эросу

Ричард Митчли, Высшее Я во всех людях одно и то же. И не только во всех людях, но во всех существах вообще — людях, животных, птицах, деревьях, камнях. Высшее Я — это центр всего существования. Это не моя самость или ваша самость, это просто Самость. Она всеобща, она не личностна.

И все же, каждая индивидуальность отлична, каждая индивидуальность уникальна. Это одна из самых парадоксальных вещей, но это так.

Все волны — часть одного и того же океана. Все же, подумайте об этом, помедитируйте над этим, каждая отдельно взятая волна полностью отлична от любой другой волны, которая когда-либо была или когда-либо будет. Оба утверждения — истина. Каждая волна не что иное, как часть океана, одного и того же океана: океан это высшее Я. Но у волны есть форма. Одна волна приливает, стремится достичь звезд; другая такая маленькая, такая застенчивая. Они различны: их вид, их форма, их выражение различны. Нет двух одинаковых волн, и все же океан за каждой волной один и тот же. Итак, я не вижу здесь никакой трудности в понимании этой простой истины, хотя она парадоксальна.

Самость — одна. И все же все индивидуальности различны. Самость с заглавной «С» — одна; самостей с маленькой буквы «с» — миллионы. И они все различны — они волны. Бог творит из одного и того же материала, но каждый раз он рисует по-разному, лепит скульптуру по-разному.

Я слышал:

Американский торговый агент по искусству, путешествующий по Китаю, увидел прекрасный стул ручной работы в магазинчике при мастерской и был им очарован. Он спросил мастера, сколько он взял бы за изготовление еще одиннадцати стульев.

«Все разные?» — спросил мастер.

«Нет, все в точности как этот».

«Ну, — нерешительно сказал мастер, — если они все должны быть в точности одинаковыми, я взял бы с вас вдвое за каждый стул.»

«Вдвое! — воскликнул американец, надеявшийся на скидку из-за количества. — Почему так много?»

Мистическое единство

«Мне было бы скучно делать их все одинаковыми, — ответил мастер. — Я был бы счастливее, делая каждый по своему».

Богу действительно было бы скучно, если бы он продолжал производить один и тот же вид людей снова и снова. Бог не сборочный конвейер. Продукция не массовая; она всегда уникальна, что бы ни создавалось. Вы не можете найти двух одинаковых булжников на всей земле, нет даже двух одинаковых листочков. Что тогда говорить о двух людях?

Но материал один и тот же: это одно и то же всеобщее сознание, из которого мы все сделаны, вылеплены, нарисованы. Оно одно и то же, и все же каждому дана различная форма. Мир прекрасен, потому что каждый человек уникален — у него свое собственное лицо, своя собственная подлинность. Войдите в нее глубже, и вы обнаружите, что индивидуальное исчезает. А когда вы достигли самой сердцевины, индивидуального не осталось, только всеобщее.

Итак, позвольте мне сказать это таким образом: на периферии мы различны, в центре мы одно и то же. Центр один, периферий миллионы. И у каждой периферии есть свой способ выражения, бытия.

Бог — творец, не производитель. И его творение бесконечно. Он никогда не повторяет, он никогда не имитирует, он никогда не творит под копирку. Он творит каждую индивидуальность только один раз — и это ваше величие, ваше достоинство, ваша слава.

Митчли, ты спрашиваешь меня: *«Если самость во всех людях одна и та же, значит ли это, что все люди одинаковы?»*

Они не одинаковы. На окружности они абсолютно уникальны. В центре вопроса одинаковости нет: они одно. Они не два, как же они могут быть одинаковыми? В центре есть только одно всеобщее существование; не возникает вопроса о том, чтобы быть с кем-то абсолютно похожим — ничего нет. На периферии, на окружности тоже нет вопроса одинаковости: все волны различны, нет двух похожих волн.

И ты спрашиваешь: *«Если это так, как может каждый человек быть неотъемлемой частью существования?»*

Назад к эросу

Каждая отдельная волна есть неотъемлемая часть океана; это не случайно. Под «неотъемлемой» я подразумеваю, что она нужна океану, иначе ее не было бы с самого начала. Бог нуждается в вас, таких, какие вы есть, он нуждается в вас, именно в таких, какие вы есть. Так, пожалуйста, не пытайтесь стать кем-либо еще.

Не пытайтесь стать Буддой, не пытайтесь стать Иисусом, не пытайтесь стать Магометом. Просто будьте самим собой, потому что он желает вас, он хочет, чтобы вы были именно такими. Если бы он захотел Магомета, он сотворил бы намного больше Магометов; он не хочет их. Он покончил с Магометом, Буддой, Иисусом — кого бы он ни сотворил, он закончил с этим. Теперь он создал вас. Нужны *вы* — не Магомет, не Кришна, не Христос. Нужны вы, вы как вы есть.

Итак, не пытайтесь имитировать никакой великий идеал, не пытайтесь быть копией кого-либо еще. Будьте искренни в форме, что дал вам Бог, потому что это единственный способ отблагодарить Бога, быть признательным Богу. Будьте подлинно своим, индивидуальным существом.

А если вы подлинны, вы будете способны узнать также и всеобщее, и намного легче, потому что всеобщее недалеко от подлинной индивидуальности. Океан прямо здесь, в волне: взгляните внутрь, и океан проявится.

Но если вы стали фальшивыми, вы не сможете смотреть внутрь. Маска не может смотреть внутрь. Фальшивое не может смотреть внутрь, потому что у фальшивого нет ничего похожего на внутреннее. Только у настоящего есть две стороны, внешняя и внутренняя. У фальшивого есть только одна сторона, внешняя. У него нет внутренней стороны; это просто маска, внутри ничего нет. Это просто нарисованное лицо.

Пожалуйста, не будьте индуистами, не будьте мусульманами, не будьте христианами. Будьте религиозными — а под этим я подразумеваю «смотрите внутрь, ищите внутри». И вы найдете эти две вещи: первое — вашу подлинность, вашу индивидуальность, а на втором шаге вы найдете вашу всеобщность. Сначала должно быть подлинным малое я, и тогда вы найдете высшее Я.

От малой истины к высшей истине: таково путешествие, паломничество.

Мистическое единство

*Т*ретий вопрос.

Я начал смотреть яснее на игры, в которые играем я и другие люди. Верны ли эти наблюдения, или я снова трачу время на умственные игры?

Прем Ташир, доверяй только чистому сознанию, когда не осталось ничего, что можно наблюдать. Если осталось что-то, что можно наблюдать, это все еще игра. Та же самая игра с новыми игрушками.

Ты говоришь: *«Я начал смотреть яснее на игры, в которые играем я и другие люди».*

Теперь, если ты не станешь бдительным, ты можешь начать играть в эту игру наблюдения. И ты будешь постоянно наблюдать.

Я слышал о психоаналитике, пришедшем посмотреть на конкурс красоты. Проходили прекрасные обнаженные женщины: все зрители были возбуждены, каждый был полностью увлечен наблюдением за прекрасными женщинами. Но психиатр, психоаналитик, наблюдал за людьми.

Его друг, сидевший рядом, спросил его: «Что ты делаешь? Женщины на сцене, так почему ты не смотришь туда?»

Он сказал: «Я смотрю на людей. Я наблюдаю, как они реагируют, что в их глазах».

Итак, это снова та же самая игра. Несколько людей смотрят на обнаженных женщин, а кто-то наблюдает за людьми, наблюдающими за обнаженными женщинами. Теперь игра ушла немного глубже. А может быть и третий человек, наблюдающий, как этот психоаналитик наблюдает за людьми, наблюдающими обнаженных женщин... и так далее, все дальше, это может продолжаться и продолжаться.

Наблюдение хорошо, но не позволяйте ему стать игрой. Оно может стать игрой, и тогда это все то же самое; это не вопрос того, в какую игру вы играете. Вы можете играть в религиозные

Назад к эросу

игры, вы можете играть в психологические игры, вы можете играть в духовные игры — вы можете продолжать играть.

Мирской человек гонится за деньгами: он играет в игру. Человек-другого-мира гонится за отречением от денег: он играет в другую игру. Мирской человек заинтересован в огромном успехе, славе, общеизвестности. Религиозный человек убегает в пещеры, так что никто не знает его, так что он становится абсолютно анонимным.

Но, хотите ли вы, чтобы о вас знали другие, или вы хотите, чтобы другие о вас *не* знали, вы сосредоточены на других: это та же самая игра.

Человек торжественно вошел в свой любимый бар после того, как он получил весьма существенную прибавку к жалованию. «Джо! — крикнул он бармену, — налей за мой счет всему заведению, кроме того еврея, что сидит в углу. Не давай ему ни капли!»

Еврей, хотя и немного обиженный, промолчал.

Немного времени спустя человек снова крикнул бармену: «Джо, еще стаканчик для всех присутствующих! Но ничего тому еврею, что в углу! Я не хочу ему ничего давать!»

На этот раз еврей не смог себя сдержать и в большом расстройстве подошел к мужчине. «Что такое? — возопил он. — Что мы, еврею, тебе сделали? Почему ты меня так угощаешь?»

С великим презрением человек взглянул на еврея и сказал: «Вы потопили “Титаник”, вот что вы сделали!»

«Что? — закричал еврей, не поверив. — Что за вздор? “Титаник” потопил айсберг, дурак!»

Человек кивнул со знанием дела и ответил: «Именно так — Штейнберги, Гринберги, Айсберги, — вы все заодно!»

Все игры это одно и те же. Играйте — но помните, все игры одни и те же. Человек должен прийти к точке, где не осталось ничего, что можно наблюдать, в сознании нет содержания. Несодержащее сознание — это медитация.

А когда нет содержания, все игры исчезают, потому что вы не можете играть с пустотой, с ничем. Нет способа играть с ничем. Когда все игры исчезли, все содержания исчезли, вы будете удивлены, узнав, что с вашими играми исчезли также и вы —

Мистическое единство

потому что «Я» существует только посредством игр. Вы можете изменить ваши игры: «Я», эго, начнет ездить на новой игре.

Когда все игры исчезают — включая игру наблюдения, включая духовную игру — когда содержания нет, а сознание есть, просто чистое, ни к чему не цепляющееся, ни за что не хватающееся, это — мгновение, когда вы идете за все игры, за пределы мира.

Мир состоит из игр. Нирвана в том, чтобы выйти за пределы всех игр.

Четвертый вопрос:

Есть ли нечто похожее на глубокое врожденное стремление человека умереть как эго, исчезнуть, раствориться — и чем это стремление отличается от фрейдовского танатоса, отрицания жизни?

Сона, в реальности нет эго, чтобы оно могло исчезнуть. Исчезновение возможно, только если эго реально. Если эго действительно существует, только тогда возможно исчезновение. Тогда в чем смысл, того, что ты говоришь: «Пусть эго исчезнет»? Все, в чем есть смысл — это: «Посмотрите глубоко, и вы не найдете в себе никакого эго». Это — исчезновение. Не то, что эго исчезает — его не было с самого начала. Вы только поверили, что оно было; это было просто мнением, просто идеей в вас, ничем иным.

Это подобно тому, как вечером солнце село, опускается ночь и вы видите веревку, но для вас она выглядит змеей. Из-за вашего страха вы думаете, что веревка это змея вы убегаете, вы так напуганы. Змеи нет. Если кто-то хватает вас, смеется, дает вам веревку, показывает, что это только веревка и ничего больше, скажете ли вы, что змея исчезла, растворилась, ушла, умерла? Это будет чепухой. Вы тоже рассмеетесь; вы скажете, что змеи не было с самого начала. Веревка всегда была веревкой: вы проецировали змею на нее. Эта змея было просто страхом, поднимающимся в вас.

Таково эго. Эго это просто идея, и если вы начинаете пытаться отбросить эго, вы будете в великом затруднении. Оно не может быть отброшено. Как вы можете отбросить что-то, чего не существует?

Назад к эросу

Вот почему люди, пытающиеся отбросить эго, находятся в такой нелепой ситуации: они продолжают отбрасывать его, а оно продолжает кипеть, возникать. Они становятся очень смиренными, но глубоко внутри их смиренности имеется эго. Смирение само по себе становится причиной их эго. Они начинают провозглашать миру: «Нет никого смиреннее меня, я — верх смирения». Теперь смирение стало другой формой эго.

Эго не может быть отброшено, на него можно только посмотреть. Когда вы смотрите на него, его нельзя найти, потому что его нет. Оно исчезает, как исчезает сон, когда вы просыпаетесь утром. Вы можете проснуться, вот и всё; эго не может быть растворено. Все усилие нелепо, потому что, растворяя его, вы допустили его существование — в этом вся ошибка.

Сона, ты спрашиваешь: *«Есть ли нечто похожее на глубокое врожденное стремление человека умереть как эго?»*

Нет, эго не существует, потому что нет эго. Да, в человеке есть глубокое врожденное стремление узнать: «Кто я?» — оно присутствует, но не умереть как эго. В человеке есть великое стремление узнать: «Кто я?» Оно составляет и пронизывает всю вашу жизнь.

Даже маленький ребенок начинает спрашивать: «Кто я?» Этот вопрос есть нечто фундаментальное. Это врожденное явление — исследовать свое собственное существо. А когда вы глубоко исследуете свое собственное бытие, эго не обнаруживается. Можно найти лишь Бога. Когда вы идете внутрь, эго не обнаруживается, обнаруживается Бог. Когда вы идете наружу, Бога нет, и вы продолжаете верить в эго.

Эго — это вера сознания, направленного вовне, не-эго — это переживание, опыт сознания, идущего вовнутрь. Оно не имеет ничего общего с фрейдовским *танатосом*; это полностью другое явление. У человека есть жажда жизни, это — эрос. Но когда эта жажда жизни терпит разочарование, она заменяется своим антагонистом, своей диаметральной противоположностью.

Подобно тому как любовь может прогоркнуть и обратиться в ненависть, жажда жизни может стать жаждой смерти. Вы будете удивлены, узнав, что в бедных странах лишь очень немногие люди кончают жизнь самоубийством. По логике вещей должно

Мистическое единство

быть прямо наоборот: бедные люди должны совершать самоубийств больше, в их жизни нет ничего, ради чего можно жить. Но богатые люди чаще совершают самоубийства. В чем тайна этого нелогичного явления? Чем богаче становится общество, тем больше людей совершают самоубийство; все больше и больше людей — почему? Жажда жизни прогоркла.

Бедный человек даже не жил — как он может разочароваться в жизни? Разочарование возможно, только когда вы прожили и увидели, что в этом ничего нет. Бедняк все еще надеется: он надеется на завтра, он все еще надеется на жизнь.

Богатый человек знает о жизни все; он увидел ее, он прожил ее. Он осмотрел все вокруг, он искал везде, и это не было найдено. В безмерном разочаровании ЭРОС, инстинкт жизни, становится самоубийством. Богатый человек хочет умереть, потому что в жизни нет смысла, потому что надежды больше нет. У него есть все, что может дать мир, и все же это бессмысленно. Так зачем без нужды продлевать это?

Самая большая проблема — в том, что будущее самоубийственно. Наука будет делать землю все богаче и богаче, и все больше и больше людей будут кончать жизнь самоубийством, потому что они увидят: «Какой смысл проживать заново одну и ту же жизнь, снова и снова? Нет ничего, что человек может выполнить здесь: почему бы не прекратить это?»

В богатых странах, в богатых культурах это всегда очень значительный вопрос: «В чем смысл жизни?» Но в бедной стране никто не спрашивает, в чем смысл жизни; люди спрашивают о материальных вещах. Вопрос о смысле жизни возникает в последнюю очередь: когда вы узнали жизнь, вы можете спросить об этом.

На Западе люди спрашивают о смысле жизни и поворачиваются к Востоку. А люди на Востоке поворачиваются к Западу, потому что они хотят лучшие технологии, более хорошие дома, более хорошую пищу, более хорошие дороги, более хорошие автомобили; они хотят всего, что стало доступным на Западе. Восток становится коммунистическим, Запад становится религиозным. Восток становится все более и более материалистичным — почему? Потому что на Востоке эрос не исполнен, так что танатос, стремление к смерти, все еще не может иметь место.

Назад к эросу

На Западе эрос пришел к точке высшего насыщения. Он прикоснулся к высшему пику; теперь некуда больше идти. Круг замкнулся, колесо повернуло обратно; оно повернуло к танатосу.

Несомненно, приготовления к третьей мировой войне есть не что иное, как приготовления к всеобщему самоубийству. Потрачено так много энергии, так много технологии, так много ума просто на приготовление к третьей мировой войне, которая уничтожит всю жизнь на земле — не только человеческую жизнь, но *всю* жизнь. Зачем так много усилий для войны? Это просто альтернативный способ совершить самоубийство.

Танатос — это прогоркший эрос. До тех пор, пока ваш эрос не сможет снова возродиться, до тех пор, пока ваш эрос не сможет воскреснуть к жизни, пока он не обратится вовнутрь, до тех пор, пока что-то, что не имеющее ничего общего с материальными вещами, что-то от высшего, не войдет в вашу жизнь и не станет вашим вопрошанием, эрос обречен превращаться в танатос. Но это — не обязательное явление. Когда умирает ваш эрос, вы можете совершить прыжок в новое качество бытия.

Иисус говорит: «Придите ко мне, я покажу вам путь жизни обильной, жизни вечной». И это было и есть учение всех великих Учителей мира. «Вы закончили с этой жизнью? Хорошо, — говорят они. — Не нужно сердиться. Мы покажем вам путь к вечной жизни, который существует всегда, потому что он вечен и бесконечен. Вы можете продолжать и продолжать, вечно, и всегда удивляться».

Вот что такое вообще религия: поиск эроса, который никогда не превращается в танатос. Настоящая религия всегда жизнеутверждающая: она утверждает на земле жизнь, а когда обнаруживается, что эта жизнь не удовлетворяет никого, она открывает двери божественной жизни. Если эти двери остаются закрытыми, тогда возникает проблема; тогда ваша энергия начнет обращаться в свою противоположность.

Энергия всегда может стать своей противоположностью. Любовь может стать ненавистью, гнев может стать состраданием, жадность может стать щедростью, дружба может стать враждебностью и наоборот. Энергии всегда могут обратиться в свою диаметрально противоположность, потому что вся энергия — это диалектический процесс. Тезис может обернуться своим антитезисом.

Мистическое единство

Вы любите человека, и тогда вы чувствуете неудовлетворенность: вы начинаете ненавидеть его. Брак может обернуться разводом; только брак может стать разводом. Если вы действительно хотите, чтобы в мире не было разводов, должен исчезнуть брак, и разводов не будет. Как может быть развод, если нет брака?

Всегда, когда вы стремитесь к чему-то с великим ожиданием и ожидание терпит разочарование, наступает кризис. Альтернативы две: или ваша энергия обратится в свою противоположность, или она совершит квантовый скачок и изменится — перенесется на другой план бытия.

Живите земной жизнью полно. А когда вы увидите, что больше нет ничего, удовлетворяющего вас, тогда совершите прыжок, квантовый скачок в не-земную жизнь. Живите внешней жизнью во всей полноте, а когда вы видите, что теперь вы стали зрелыми, научились у нее, тогда поворачивайтесь вовнутрь.

В этом весь мой процесс. А момент кризиса — это величайший момент. В момент кризиса вам нужен кто-то, чтобы вести вас: вам нужен учитель, Мастер. Психотерапевт не может помочь вам; он может только помочь вам приспособиться к вашей старой жизни, в которой вы чувствуете разочарование. Он может справляться в течение нескольких месяцев, нескольких лет, но то же самое случится снова.

Только Мастер может помочь вам совершить квантовый скачок, прыжок с более низкого уровня на более высокий. И это не конец: есть все более и более высокие планы, вершины за вершинами ждут вас. Когда вы покорили одну из них — вы будете удивлены: есть и другие вершины, бросающие вам вызов.

Это — вечность жизни.

Пятый вопрос:

Ошо, откуда ты знаешь внутренний мир человека? Потому что я всегда чувствую, что в момент, когда ты видишь кого-то, немедленно вся его жизнь обнажается перед тобой. Это также и мое собственное переживание.

В этом нет большой тайны, это очень просто. Если вы зеркало, если вы молчаливы, если внутри вас нет смятения, если у

Назад к эросу

вас нет мыслей и движения ума, другой просто отражается. Это не великая тайна.

Если вы идете к озеру и на нем нет ряби, вы отражаетесь в озере, луна и звезды отражаются в озере. Озеро не знает искусства; это вообще не искусство, это простое явление.

Я сижу здесь молча, без движения ума. Вы проходите передо мной, зеркало отражает вас. Озеро моего сознания отражает вас: я вижу вас, всех и вся, из одного конца в другой, в вашей полноте. Но это познание не есть знание, это познание — просто отражение. Это так же просто, как...

Дональд Клоу остановил свой грузовичок на обочине дороги в Йеллоустонском Национальном Парке. «Медведь!» — крикнул Дональд с восхищением.

Его жена предостерегла его: «Дорогой, указатели говорят: «Медведей не кормить!»

«Бутерброд или даже два не обидят мишку».

Дональд выскочил из грузовичка и подошел к медведю с бутербродом в правой руке. Затем он бросил бутерброд, который медведь поймал и проглотил одним махом. Под конец он отдал медведю свой второй бутерброд.

Внезапно медведь свирепо зарычал. Он захотел третьего бутерброда, которого у Дональда не было. Дональд вывернул карманы наизнанку, чтобы показать, что у него больше нет еды. «Нету больше. Видишь? Я отдал тебе все мои сэндвичи».

Медведь погнался за Дональдом. Дональд побежал, спасая свою жизнь. Ввалившись в открытую дверь грузовичка, Дональд, не переводя дыхания, выдохнул: «Этот медведь не знает ни слова по-английски!»

Не нужно понимать ваш язык, не нужно хоть что-то понимать в вас. Не нужно вообще понимать вас: вы просто отражаетесь. Медведь это медведь. Откуда вы знаете, что медведь это медведь? Откуда вы знаете, что роза это роза? В это не вовлечен анализ, нет техники, нет технологии.

Рассказывают историю о психиатре, который спешил на самолет, а у него в приемной все еще сидели три женщины вместе со своими детьми. Он решил вылечить их всех вместе за один раз.

Мистическое единство

Он подошел к первой леди, которая была очень большая и толстая, и сказал ей: «Мадам, сразу видно, что ваша проблема связана с едой, вы думаете о ней непрерывно. Как зовут вашего ребенка?»

«Хони (*honeу — мед — прим. перев.*)», — ответила женщина.

«Вот видите, вы бессознательно думали о еде, когда вы назвали своего ребенка. Мой вам совет — пойти домой и прекратить думать о еде».

Следующая женщина, к которой он подошел, была одета в дорогие одежды с ювелирными украшениями. «Мадам, сразу видно, что ваша система ценностей связана с материальной стороной жизни и деньги — ваш бог. Как зовут вашего ребенка?»

«Голди (*goldie — золотинка — прим. перев.*)», — ответила она.

«Вот видите, даже бессознательно вы думали о богатстве, когда называли своего ребенка. Мой совет — пойти домой и забыть о материальных вещах».

Как только он подошел к третьей женщине, она встала, схватила сына и громко сказала: «Пошли, Дик (*dick — на сленге означает мужской половой орган — прим. перев.*), нам сейчас лучше пойти домой».

Вещи очень просты. Вы просто должны быть зеркалом, и люди проявятся сами. Вам даже не нужно задавать ни одного вопроса. Как они ходят, как они сидят, как они смотрят, как они говорят — это показывает все. Это не открывается вам, потому что вы на них не смотрите. Вы так заняты собой, вы находитесь в своих мыслях, вы окружены туманом.

В противном случае все понимали бы всех. Все были бы обнажены. Вам просто нужны открытые глаза, молчаливый ум, и вы будете удивлены: никто не может ничего скрыть от вас, нет способа что-либо скрыть.

*Ш*естой вопрос:

Пожалуйста, объясните, что такое интеллигентность.

Назад к эросу

Патрик Куглан, интеллигентность это просто открытость существа — способность видеть без предрассудков, способность слышать без помех, быть вместе со всем без всяких предвзятых идей — вот что такое интеллигентность. Интеллигентность — это открытость существа.

Вот почему это полностью отлично от интеллектуальности. Интеллектуальность прямо противоположна разумности. Интеллектуальный человек постоянно тащит предрассудки, информацию, предвзятости, веры, знание. Он не может слушать; прежде чем вы что-то сказали, он уже сделал вывод. Все, что вы говорите, должно пройти через такое количество мыслей в его уме, что к тому времени, когда это достигает его, это уже что-то совершенно другое. В нем происходит искажение и он очень закрыт, почти слеп и глух.

Все эксперты, образованные люди, — слепы. Знаете ли вы старую историю о пяти слепцах, пришедших посмотреть слона?

Учительница рассказывала своим ученикам, маленьким мальчикам и девочкам, старую басню. Она рассказала всю историю, а затем спросила маленького мальчика: «Можешь ли ты сказать мне, кто были эти люди, пришедшие посмотреть слона, а затем стали спорить?» Она хотела узнать, слушал ли мальчик, пока она рассказывала историю.

А мальчик встал и сказал: «Да, я знаю. Они были специалистами».

Она думала, что он скажет: «Это были пять слепцов». Но маленький мальчик сказал: «Они были специалистами». Он намного более прав; да, они были экспертами.

Все эксперты слепы. Экспертиза означает, что вы становитесь слепы ко всему остальному. Вы знаете все больше и больше о все меньшем и меньшем, и потом однажды вы достигаете окончательной цели — знания всего о том, чего нет. Тогда вы полностью закрыты и нет даже открытого окна; тогда вы стали беззаконными.

Это — неинтеллигентность. Интеллигентность — быть открытым ветру, дождю и солнцу, быть открытым всему. Не тащить прошлое это интеллигентность, умирать в прошлом, каждое мгновение это интеллигентность, оставаться свежим и невинным — интеллигентность.

Мистическое единство

Дональд вел свою спортивную машину по главной улице, когда внезапно заметил сзади мигающий красный свет. Это была полицейская машина.

Дональд быстро съехал на обочину. «Офицер, — заторопился он, — я делал только двадцать пять миль в тридцатипяти-мильной зоне».

«Сэр, — сказал офицер, — я только...»

«В дальнейшем, — негодуяюще прервал Дональд, — я не потерплю подобное насилие!»

«Пожалуйста, — продолжал офицер, — успокойтесь, расслабьтесь...»

«Расслабьтесь! — возбужденно возопил Дональд. — Вы собираетесь вручить мне карточку за нарушение движения и вы хотите, чтобы я расслабился!»

«Мистер, — заявил офицер, — дайте мне возможность сказать. Я не даю вам квитанцию на штраф».

«Нет?» — сказал Дональд, удивленно.

«Я только хотел сообщить вам, что у вас спущена правая задняя шина».

Но никто не готов слушать то, что говорят другие. Вы когда-нибудь слышали то, что говорят другие? Прежде, чем слово произнесено, вы уже сделали заключение. Ваши заключения стали фиксированными; вы больше не текучи.

Стать застывшим — значит стать идиотичным, оставаться текучим — значит оставаться разумным. Интеллигентность всегда течет подобно реке. Неинтеллигентность подобна кубику льда, застывшая. Неинтеллигентность всегда последовательна, потому что она застывшая; она определена. Интеллигентность непоследовательна, она течет, в ней нет определенности, она продолжает течьсообразно ситуациям; она сознательна, но она не последовательна.

Только глупые люди — последовательны. Чем вы разумнее, тем непоследовательнее вы будете — потому что кто знает о завтра? Завтра принесет свои собственные переживания. Как вы можете быть последовательными с вашими вчера? Если вы мертвы, вы будете последовательны. Если вы живы, вы *должны* быть непоследовательными: вы выросли, мир изменился, река течет в новую землю.

Назад к эросу

Вчера река проходила через пустыню, сегодня она проходит через лес; он полностью отличен. Вчерашний опыт не должен определять ваше поведение всегда, иначе вы умерли еще вчера. Человек должен продолжать двигаться вместе со временем. Человек должен оставаться процессом, он никогда не должен становиться вещью. Это — интеллигентность.

Седьмой вопрос:

На лекции вы сказали, что действительно осознающ тот, кто был способен жить один. Как это согласуется с мечтой об общине, общности?

Ситаро, действительно осознающий человек — определенно тот, кто способен жить один. Но это только половина правды. Другая половина состоит в том, что тот, кто действительно способен быть один, также способен быть вместе с другими. Несомненно, только он способен к совместному бытию.

Человек, который неспособен быть один, не может быть вместе с кем-нибудь еще, потому что у него нет индивидуальности. Человек, не имеющий индивидуальности, не может быть вместе с кем-то — почему? Есть множество проблем. Во-первых, он всегда боится, что если он подойдет к другому человеку слишком близко, он утратит себя. В нем все еще нет целостности; он боится.

Вот почему люди боятся любви, слишком большой любви. Люди боятся подойти слишком близко, потому что если они подходят слишком близко, они могут раствориться в другом. Это — страх. Другой может победить их, другой может стать всей их реальностью. Они могут быть захвачены другим — это страх.

Только человек, знающий красоту бытия в одиночестве, способен подходить настолько близко, насколько это возможно, потому что он не боится. Он знает, что он *есть*, в нем есть целостное существо. В нем есть нечто кристаллизованное, потому что без этого кристаллизованного он не смог бы быть один.

Второе: когда человек не способен быть один, он всегда зависит от другого. Он цепляется — потому что боится, что другой может покинуть его, и тогда он должен будет страдать в

Мистическое единство

одиночестве. Он цепляется, он эксплуатирует другого, он создает вокруг другого разные оковы.

А всегда, когда вы начинаете обладать другим, другой начинает обладать вами. Это взаимно. Когда вы сводите другого к положению раба, другой превращает вас в раба. А когда вы боитесь, что другой вас покинет, вы готовы идти на компромисс; вы готовы соглашаться на любые условия.

Вы увидите, что это происходит со всеми мужьями и женами. Они пошли на компромисс, они продали свои души по одной причине: потому что они не могут быть одни. Они боятся, что женщина может покинуть, мужчина может покинуть — а потом? Сама идея так пугает, ужасает.

Способность быть одному — это способность любить. Это может выглядеть для вас парадоксальным, но это не так. Это экзистенциальная истина: только люди, которые способны быть одни, — только они способны любить, разделять, идти в глубочайшую сердцевину другого человека — без обладания другим, без того, чтобы становиться зависимым от другого, без сведения другого к вещи и без привязанности к другому. Они оставляют другого абсолютно свободным, потому что они знают, что если другой покидает их, они будут счастливы так же, как и сейчас. Их счастье не может забрать другим, потому что оно не дано другим.

Тогда почему они хотят быть вместе? Это больше не нужда, это богатство. Попробуйте понять это. Настоящие люди любят друг друга как богатство; это не нужда. Они наслаждаются разделением: у них так много радости, что они хотели бы излить ее на кого-то. И они знают, как играть в своей жизни соло.

Одинокий музыкант с флейтой знает, как насладиться своей флейтой одному. А если он идет и находит музыканта с барабаном, одинокого музыканта с барабаном, они оба наслаждаются, будучи вместе и творя гармонию между флейтой и барабаном. Они оба наслаждаются этим: они оба будут изливать свои богатства друг на друга.

И, Ситаро, ты спрашиваешь: *«Как это согласуется с мечтой об общине?»*

Есть разница между так называемым обществом и коммуной. Общество состоит из людей, исполненных нужды, которые

Назад к эросу

все зависимы тем или иным образом. Дети зависимы от родителей — но помните, родители тоже зависимы от детей. Это может быть не столь явным, но это так — просто поищите немного побольше. Мать не может быть без ребенка; конечно, ребенок не может быть без матери, но мать также не может жить без ребенка.

Члены семьи зависимы друг от друга, они цепляются один за другого. Это дает определенный комфорт, защищенность, безопасность. Затем, семьи зависят от других семей. Люди зависят от церкви, люди зависят от клубов, от разных обществ. Это великий мир зависимых людей, недорослей.

Коммуна — полностью другой мир. Это — не общество. Коммуна — это собрание людей, которые все, способны быть одинокими, и они хотели бы быть вместе для того, чтобы создать новый оркестр бытия. Коммуна — это не явление зависимости, это — независимость.

Вот почему в этом ашраме много раз люди приходят и говорят мне: «Все здесь кажутся такими счастливыми сами по себе, что кажется, как будто никто не интересуется никем другим». В особенности новички чувствуют это — всё так, как если бы люди были безразличны. Это не так: они не безразличны. Но вы приходите из общества, где каждый зависит от кого-то еще. Это не общество — не как ваше старое общество. Здесь каждый наслаждается *своим* бытием, и никто не вмешивается ни в чью жизнь, нет вмешательства.

Все мое усилие состоит в том, чтобы сделать вас такими бдительными, такими любящими, чтобы вы не вмешивались. Любовь никогда не вмешивается, любовь дает полную свободу. Если она не дает свободы, тогда это не любовь. Это не безразличие — то, что чувствуют новички — и постепенно, они понимают. К тому времени, когда они прожили здесь несколько недель, они знают, что происходит. Люди не безразличны, люди очень любящи. Но они невмешивающиеся, так что они не покушаются на вас. И они не-нуждающиеся, они не алчущие, так что они не цепляются к вам.

Конечно, вы знали только один тип людей, и поэтому эти новые люди пугают вас. Вы думаете, что вы не нужны, что никто не заботится, что эти люди очень себялюбивы, что они слишком заняты собой. Ничего подобного; это вообще не тот случай, это

Мистическое единство

абсолютно неверно. Но для вас, сначала, это может так выглядеть.

Коммуна саньясинов будет празднованием, собранием людей, никоим образом не нуждающихся в других. Это прекрасно, если два человека вместе; это хорошо, если это продолжается и они могут петь песню вместе, это хорошо — петь хором. Но если дела идут неправильно, если это становится тяжелым, если совместное существование вмешивается в вашу свободу, тогда вы можете идти и петь свою песню один. Тогда нет необходимости быть частью хора.

И коммуна это место, где допускается так много свободы. Здесь будут пары, но здесь не будет мужей и жен. Здесь, в коммуне, будут друзья.

Вот почему индийское правительство, индийское общество, так сильно боится меня, ведь я собираюсь создать полностью другой вид общности, которая разобьет все их идеи — их так называемую мораль, и их традиционно лелеемый идеал брака, и весь этот вздор.

Люди могут жить вместе, если они наслаждаются совместным бытием, но только для этой радости бытия вместе — это не нужда. Если в какой-то момент человек решает выйти из отношений, он может сделать это без всяких проблем, без всякого беспокойства, без всякого крика, плача, борьбы и мерзостей, без всякого нытья и затягивания.

Люди должны быть истинными. Если они чувствуют себя хорошо, будучи вместе, — прекрасно. Если они чувствуют, что больше нет роста, что больше нет радости, они говорят друг другу «до свидания». Они чувствуют друг к другу признательность: все, что было разделено, — было прекрасно, они будут всегда помнить друг о друге, но сейчас настала пора уходить. Они жили в радости, они уйдут в радости; их дружба останется невредимой. И это может случиться снова: они могут снова начать жить вместе. Они не оставят друг на друге шрамов, они не поранят друг друга, они будут уважать свободу другого.

Моя коммуна, в частности — а все, что я говорю, я говорю о моей коммуне — моя коммуна создаст индивидуумов, способных быть одними, и которые также способны быть вместе — которые могут играть соло и которые могут стать частью хора.

Последний вопрос:

Я был индустским монахом в течение семи лет. Я говорил о целибате, так что я насилывал этим себя. Это было очень трудно, но я как-то, физически по крайней мере, преуспел в этом. Но теперь все перешло в мою голову. Теперь я постоянно думаю о сексе и ни о чем другом. Я заключен в этом, и всегда, когда я вижу женщину, я начинаю дрожать внутри.

Ошо, пожалуйста, помоги мне выбраться из этого.

Это естественно. Нет способа выйти за пределы секса. Подавление никогда не способ; в действительности подавление все усложняет. Секс прост. Подавление делает его очень сложным, потому что подавление сдвигает всю сексуальную энергию из половых органов в голову. А когда секс в голове, это уродливое явление. Это не секс, это сексуальность. Это порнография.

Когда секс вошел в вашу голову, вы создаете свои собственные, частные, порнографические фильмы.

Вот почему ты боишься женщин. В тот момент, когда ты видишь женщину, возникает страх, потому что все, что ты подавил — здесь, подобно вулкану, а ты сидишь на его вершине. Это может взорваться. Эта женщина может стать детонатором; она может стать подобна искре, и ты можешь взорваться.

Ты стал взрывоопасным, ты несешь огромную опасную энергию. Секс, проживаемый естественно, прекрасен; подавляемый, он становится безобразным и движется в голову. А когда секс движется в голову, нет способа выйти из него. Вы можете выйти из него, только проходя через него: путь наружу — через.

Тебе повезло, что ты пришел сюда, иначе бы твое индусское монашество разрушило бы тебя полностью. Все монахи становятся сексуальными, более сексуальными, чем обычные люди. Все их мышление вращается вокруг сексуальности. И запомни, всегда, когда какая-то энергия перемещается из естественного центра в какой-то другой, тогда дела плохи. Сначала твою энергию надо перенести обратно в сексуальный центр.

Мистическое единство

В этом — весь процесс тантры. Ваша энергия должна быть перенесена в естественный центр, которому она принадлежит. Нет возможности освободиться из неестественного центра.

Но что происходит: когда вы что-то подавляете, куда оно пойдет? Какое-то пустое место есть только в голове, пустота имеется только в вашем черепе. Так что все, что вы подавляете, обречено медленно идти в голову. Давление будет ощущаться только как напряжение в голове. И чем больше оно там, тем больше ваши так называемые учителя — Муктананды и так далее — будут говорить, что единственным способом борьбы является еще большее подавление.

И они дадут вам методы, как подавлять это больше: продолжать пост, стоять на голове... Это еще больше войдет в голову, если вы будете стоять на голове! Сила тяжести тянет вас к голове. И вы попадете в еще большее затруднение.

Это был волнующий момент: жены двух друзей собрались рожать в один и тот же день в одном и том же роддоме. Врачи пришли и сказали первому мужу, еврею, что у него родился сынишка и осложнений не было.

В ту же минуту врач пришел снова, говоря второму, что у него родился мальчик, но у него проблемы с кожей на шее и ему надо сделать пересадку тканей.

Первый спросил доктора: «Скажите, а не пригодилась бы тут кожа после обрезания моего сына?» Врачи прикинули, что это превосходная идея, операцию сделали и все стало прекрасно — не осталось даже шрамов.

Разъехавшись по разным городам, друзья не видели друг друга восемнадцать лет и встретились в ресторане во время отдыха в Майами Бич. Они воодушевленно обменивались воспоминаниями и новостями. Под конец еврей спросил: «Есть ли у твоего сына какие-нибудь проблемы с шеей?»

«Нет, никаких, — сказал другой, — за исключением одной таинственной вещи — даже врачи не могли вообразить такого. Каждый раз, когда мой сын видит хорошенькую девушку, у него костенеет шея».

Теперь это очень трудно! Даже доктора не могут помочь, пока не сделана дополнительная операция.

Назад к эросу

Твои семь лет монашества сделали это: у тебя закаменела шея! Но ты пришел вовремя, мы сделаем операцию. Не беспокойся: мы действительно научим тебя, как стоять на ногах, а не на голове, и мы научим тебя, как должен действовать этот центр — своим естественным образом; ни один другой центр не должен вмешиваться.

Но голова стала замещающим центром. Некоторые люди продолжают думать о пище, некоторые о сексе, некоторые продолжают думать о чем-нибудь еще. А, думая, — вы не живете этим, думая, вы создаете ложный аппетит, но он не может быть удовлетворен думанием. Думая, ваш голод не уйдет; секс и ваше естественное желание его не исчезнет благодаря думанию, оно станет более интенсивным. А чем оно интенсивнее, тем более отравленным оно становится. Секс становится застоявшейся энергией.

Я также хотел бы, чтобы ты вышел за пределы секса, потому что выход за пределы секса есть безмерно прекрасное переживание, ощущение свободы — свободы от тела, свободы от этой постоянной одержимости. Когда секс действительно исчезает, без всякого подавления, когда он исчезает через медитацию, впервые он дает вам вкус полной свободы. Вам больше никто не нужен; вы вышли из тисков биологии.

Несомненно, когда секс исчез, вы впервые становитесь человеком, потому что с сексом вы остаетесь частью мира животных. Но путь за пределы идет через него; вы не можете миновать его, короткого пути нет.

Итак, отбрось свое монашество, свой целибат, отбрось весь вздор, которым напичкали тебя. Начни снова с азбуки, потому что это *новая* саньяса: это должно быть новым рождением. Забудьте все, чем вы были обусловлены. Семь лет — долгий срок, и быть с неправильными людьми, быть семь лет с отравителями — значит быть как-то обусловленным ими. Это будет для тебя трудно — отбросить все, но это должно быть отброшено.

И если ты понял, что эти семь лет вовсе не помогли тебе, тогда проблемы нет. Если ты понял, не цепляйся к этим идеям, просто отбрось их. Забудь о них все, начни все сначала. Будь простым, обычным человеческим существом.

И если ты можешь жить естественно, в этой жизни, в ней самой, Бог приходит как милость. Бог приходит через природу, но никогда против природы. Бог приходит через природу — и

Мистическое единство

его приход преображает. Когда на тебя снизошла его энергия, секс исчезает. А когда секс исчезает сам по себе, он — прекрасное явление, он — благословение.

Но живи этим, живи этим полно — это единственный путь выйти за пределы этого. Никакого больше подавления, никакого навязывания. Примите секс как дар Бога — он таков. И если вы принимаете его, вы будете готовы принять большие дары, лучшие дары.

СВЯЩЕННЫЙ
ВЗРЫВ

17 декабря
1978 года

Мистическое единство

Завоевателем любви назову того,
кто побежден любовью.

Отдай всего себя поиску,
но достигнув океана,
прекрати болтовню потока.

Когда он впускает тебя в свое бытие,
не спрашивай его о том, что не является им.

Когда он избрал тебя другом,
ты увидел все, что существует явно.

В мире любви нет двойственности:
что значат все эти разговоры о «ты» и «я»?
Как можно наполнить чашу, которая уже полна?

Положи к его порогу всего себя:
если ты отдашь только часть,
ты не принес ничего вообще.

Это твое собственное эго
придает значение доверию и неверию,
что неизбежно искажает твое восприятие.

Вечность не знает ничего
о вере и безверии;
для истинной природы
подобной вещи не существует.

И если ты спрашиваешь меня о пути, друг мой,
я отвечу тебе прямо:
обрати свое лицо к миру жизни,
повернись спиной к чинам и репутации;
отбрасывая прочь процветание,
удвой старания в служении ему;

Священный взрыв

расстанься с теми, кто не знает ничего кроме слов
и займи свое место в лоне вечно молчащего.

Недолг путь
от тебя к другу,
ты сам есть этот путь:
так следуй же ему.

Ты, ничего не знающий о жизни,
наполненной соком винограда, -
сколь долго ты будешь оставаться замороженным
внешней формой ягод?
Зачем ты лжешь, что пьян?

Как ты можешь идти вперед?
Нет места, куда идти;
как ты можешь встать?
У тебя нет ног.

Хаки́м Санаи́ говорит:

Завоевателем любви назову того,
кого завоевывает любовь.

Мистическое единство

Утверждение, безмерно наполненное смыслом: медитируйте над ним. В тот момент, когда вы начинаете искать Бога, помните, он — всегда зачинщик этого поиска. Если вы выбираете Бога, это просто означает, что он уже выбрал вас. Поиск начинается только по его благодати. Вы можете думать, в своей эгоистической манере: «Я ищу Бога» — это совершенно неправильно. Вы не способны искать его, пока он не ищет вас. Вы не можете выбирать его, пока он не выбирает вас.

Вы всегда выбираетесь им. Но это явление происходит в таких глубинах вашего существа, что вы никогда не начинаете это осознавать, пока вы не достигли.

Это утверждение есть утверждение того, кто достиг. Теперь он знает все свое существо. Зная его, он знает, что это был Бог, положивший начало всему поиску: «Я смог полюбить его, потому что сначала его любовь заставила трепетать мое сердце».

И эта сутра также утверждает основное для суфизма, пути любви: Любовь никогда не пытается завоевать, и все же она завоевывает. Ненависть всегда пытается завоевать, но никогда не завоевывает. Ненависть бессильна, она не может завоевать; она домогается, она очень амбициозна, но она обречена на провал. У любви нет идеи завоевания, у любви нет идеи господства, у любви нет идеи стать первой в мире. И все-таки любовь становится первой, завоевателем.

Иисус говорит: Последние в этом мире будут первыми в моем Царстве Божьем. И наоборот.

Лао-цзы проповедует путь воды, путь потока. Он говорит: Камень силен, всеми способами пытается завоевать, он агрессивный, стойкий, но в конце концов разбивается, разрушается, становится пылью и исчезает в океане. Вода очень покорна, ни на что не претендующая, не сопротивляющаяся, у нее нет побуждения кого-то завоевывать или кого-то разрушать, она всегда готова склониться, сдаться. Но всегда, когда есть конфликт между водой и камнем, камень в конце концов терпит поражение, вода же — никогда.

Санаи говорит:

Завоевателем любви назову того,
Кто побежден любовью.

Священный взрыв

Чтобы победить в мире любви — а мир любви есть мир Бога — чтобы победить в мире любви, человеку нужно быть в очень глубокой, полной сдаче. Человеку нужно быть завоеванным любовью. А когда любовь завоевывает вас, вы возведены на престол, вы коронованы, вы победоносны. Но — только когда любовь завоевывает вас.

Никогда не сопротивляйтесь. Сопротивление обречено на неудачу, потому что сопротивление рассеивает вашу энергию.

Лао-цзы снова говорит: Не будьте подобны большому сильному дереву — потому что, когда приходит буря и дует сильный ветер, большое дерево будет сопротивляться и из-за этого сопротивления упадет. В этом вина не сильного ветра, ошибка заключается в эгоистическом сопротивлении большого дерева: оно не хочет склониться, поэтому оно умирает.

А посмотрите на траву. Приходит ветер, и трава просто идет с ветром, склоняется с ветром. Если он дует на юг, трава склоняется к югу — вообще без сопротивления, в безмерной сдаче, доверии. Когда ветер уходит, трава возвращается на свое первоначальное место; ветер не может разрушить ее. А трава смиренна, слаба, женственна, мягка. А большое дерево было жестким, мужественным, высокомерным.

Научитесь у травы путям любви.

Иисус говорит: «Блаженны кроткие, ибо их Царство Божье». Это одно из самых значительных утверждений Иисуса: «Блаженны кроткие». И помните, он не говорит «Блаженны кроткие, ибо их будет Царство Божье» — нет. Он говорит «...ибо их Царство Божье». Это не вопрос достижения чего-то в будущем; в самой их кротости, в самой их покорности они достигли, они пришли. В этом — значение сдачи.

Бог не может быть завоеван: вы можете только допустить, чтобы вы были завоеваны Богом. Не будьте агрессивны с истиной — это лучший способ упустить ее. Вот почему наука продолжает упускать Бога, и будет продолжать упускать, пока не возьмет за основу Дао. Она будет продолжать упускать.

Наука никогда не придет к знанию, что Бог существует; у нее не будет даже проблеска божественного. И причина — в ее мужской методологии. Наука агрессивна: все ее усилие направлено на завоевание природы. В самой этой идее завоевания, покорения она сделала явным то, что Бог никогда не будет до-

Мистическое единство

ступен для нее. Сама ее методология помешала Богу показать, явить себя.

Религия приходит к знанию Бога — но путь религии есть прямая противоположность пути науки. Наука агрессивна, мужественна; насильственна на тонком плане. Наука насилует природу, религия учит вас, как любить.

И запомните, снаружи любовь и изнасилование могут выглядеть одинаково. Действия кажутся похожими. Но это не одно и то же; это полностью противоположно, диаметрально противоположно. Акт насилия не имеет в себе ничего общего с любовью, и акт любви не имеет в себе ничего от насилия. Поэтому, не обманывайтесь внешним.

А мы все обучены способам науки; это стало нашей обусловленностью. Это одна из величайших проблем, стоящих сегодня перед лицом человечества: мы утратили всякий след религиозного подхода, и мы стали настолько настроенными на научный метод, что продолжаем пытаться применять тот же метод в измерении религии. Он неприменим здесь, он совершенно не подходящ, но мы цепляемся за этот метод.

А всякий цепляющийся за любой метод, не есть искатель истины. Метод это не целью, не нужно цепляться за метод; нужно искать правильный метод. И если какой-то метод не работает, отбросьте его!

Если наука не раскрывает для вас Бога, это просто означает, что ее метод неприменим здесь. Где-то нужен меч, а где-то будет нужна просто иголка. Пожалуйста, не используйте меч там, где нужна игла.

О великом суфийском мистике Фариде рассказывают, что однажды его пришел навестить король. Он принес ему подарок: прекрасные ножницы, золотые, усыпанные алмазами — очень ценными, очень чистыми — нечто уникальное. Он принес эти ножницы в дар Фариду. Он коснулся ног Фариды и отдал ему ножницы; Фарид взял их, посмотрел на них, отдал их обратно и сказал: «Господин, большое спасибо за подарок, что вы принесли мне. Это прекрасная вещь, но для меня абсолютно бесполезная. Будет лучше, если вы дадите мне иголку. Мне не нужны ножницы: нужна иголка».

Король сказал: «Я не понимаю. Если тебе нужна иголка, тебе также понадобятся и ножницы».

Священный взрыв

Фарид сказал: «Я говорю метафорами. Мне не нужны ножницы, потому что они режут вещи на куски. Мне нужна иголка, потому что иголка соединяет все вместе. Я учу любви. Все мое учение основано на любви — соединении вещей, обучению людей общности. Мне нужна иголка, чтобы я мог соединить людей. Ножницы бесполезны; они режут, они разъединяют. Когда ты придешь в следующий раз, обычной иголки будет достаточно».

Когда нужна иголка, меч опасен. И нужно осознавать методы. Мы так сильно привязаны к методу, что готовы скорее отбросить Бога, чем изменить метод. Мы готовы сказать, что Бога нет, потому что наш метод неспособен выявить его. Но мы никогда не думаем, что, может быть, неправилен наш метод.

Вы не можете слышать музыку глазами. Если глаза говорят, что музыки нет, это не значит, что музыки не существует. Вы не можете видеть цвета ушами. Это не значит, что цвета не существуют; это просто означает, что уши неспособны узнать цвета, а глаза неспособны узнать музыку. Для музыки нужны уши; для красок, цветов, радуг — нужны глаза.

Религия это путь сдачи, не завоевания. Но это парадокс...

Завоевателем любви назову того,
кто побежден любовью.

Парадокс в том, что те, кто готов быть побежденными любовью, становятся победителями. Но помните одно: это не должно быть вашим подсознательным стремлением, иначе вы снова упустите.

Санаи говорит: Если ты хочешь завоевать, будь завоеван. А вы хотите завоевать; глубоко внутри всегда есть желание завоевать. Итак, вы говорите: «Хорошо. Если это есть способ завоевать — то, что я должен быть завоеванным — потому что я хочу быть завоевателем». Вы упустите. Неуловимое стремление разрушит всю красоту, весь подход: вы все еще пытаетесь завоевать. Нет, стремление, мотивация должна исчезнуть полностью.

Победа — следствие, не причина. Это не причина — то, что вы можете сделать — это следствие. Победа приходит, когда отсутствует стремление завоевать. Победа приходит, когда вы

Мистическое единство

не в ловушке покорения, не в ловушке эго. Она — следствие, естественное следствие души покорной, кроткой, сдавшейся.

Что это значит — быть покорным, кротким и сдавшимся? Это означает оставаться в состоянии отпустить-себя; это означает идти с целым, не бороться с ним. Если вы печальны, не боритесь с этим. Тогда будьте печальны, наслаждайтесь вашей печалью, потому что она — дар Бога в данный, конкретный момент. Она, должно быть, нужна, потому что ничего не происходит без вашей потребности. Вы, наверное, нуждаетесь в таком окружении в данный момент: именно таким вас хочет Бог.

Итак, если вы печальны, будьте печальны полностью — без всякого слабого или скрытого стремления бороться с этим, отбросить это, идти за пределы этого, быть не-печальным. Нет, просто расслабьтесь в этом, и вы увидите, как внутри вас происходит чудо: когда вы расслабляетесь в печали, печаль становится светящейся. Да, даже печаль становится светящейся, потому что принятие — такое магическое явление. Поэкспериментируйте и увидите.

Будда говорит: *lhi passiko* — приди и смотри, экспериментировать и увидишь.

Когда вы что-то чувствуете, просто будьте с этим, полностью с этим, без вынесения суждений о хорошем и плохом. Это так, так будьте же с этим. Будда называет это *татхата*, таковость. Таково положение вещей в данный момент. Так Бог изливается в вас. Ему известно лучше, может, это и есть ваша потребность, можете ли вы это понять или нет. Вопрос не в вашем понимании, вопрос в вашем принятии. В полном расслабленном принятии у вас есть ключ к преобразованию всего.

Быть в доверии означает, что все, что происходит — благо, потому что это происходит через Бога. Все, что случается — благо, потому что оно приходит от целого. Это — дар: это должно быть принято с великой благодарностью. И тогда кто может препятствовать вам быть победителем? Тогда нет силы, способной помешать вам быть победителем: вся победа — ваша.

Отдай всего себя поиску,
но достигнув океана,
прекрати болтовню потока.

Священный взрыв

Богу нужно, чтобы вы были полностью включены в него, частичное включение не подойдет. Частичное включение — не истинное включение; истинное включение всегда тотально.

Отдай всего себя поиску...

Поиск должен быть страстным. Все, что вы искали вплоть до настоящего времени — вы искали деньги, власть, престиж, тысячу и одну вещь — в длинном списке ваших желаний под первым пунктом не было Бога. Даже если вы ставите его первым в список, и тогда вы будете продолжать упускать его. Он должен быть вашим единственным поиском. Все ваши желания должны стать одним желанием, все ваши желания должны изливаться подобно тому, как реки изливаются в океан. Бог должен стать вашим единственным поиском — тогда, и только тогда, приходит радость.

О Боге думают миллионы людей, но они никогда не могут проникнуть в эту тайну и никогда не способны достичь переживания Бога. Причина? А причина проста; Бог — не единственный пункт в их окончательном списке — просто один из пунктов. Они на самом деле не готовы быть преданными. А в этом мире только полная преданность приводит к успеху.

Так же и в вашей обычной мирской жизни — всегда, когда вы встречаете великого поэта, вы немедленно увидите его полную преданность своему искусству. Вот почему он велик. Полнота приносит величие. У всей его жизни есть только один смысл, один центр, и она обращается вокруг этого центра: его искусства.

Когда вы видите Ван Гога или Пикассо, тогда вы видите — вся его жизнь есть не что иное как его рисование. Он думает о нем, он медитирует над ним, он видит о нем сны, он постоянно зачарован им. Нет ни единого мгновения, когда он забывает о нем.

Если художник идет по улице, он не видит лица людей как лица: он постоянно думает о том, как нарисовать их. Если он смотрит на цветы, он не просто так смотрит на цветы: весь его интерес в том, как нарисовать их. Даже в своих снах великий художник смотрит цветные сны как бы вторым планом: как нарисовать их? Это все его дыхание, весь жар его души; вот что делает его великим.

Мистическое единство

И в обычной жизни так — всегда, когда ваше стремление полно, вы достигаете великих талантов. Тогда что говорить о Боге? Бог — это самый центр существования. У вас может быть достаточно энергии для достижения этого центра, только если вы поставили на кон все, что у вас есть. Это рискованное предприятие, это не бизнес. Вы так или иначе должны поставить на карту все, что бы ни происходило. Вы должны рискнуть.

И любовная связь с Богом должна быть страстной, горячей. Она не может быть холодной философской спекуляцией. А вот что происходит: многие люди думаю о Боге очень холодно. Но Бог — это жизнь всей жизни, он есть самая горячая вещь в существовании. Вы не можете достичь его, если вы так холодны, философски холодны.

Ученый очень холоден; его работа — это беспристрастное дело. Это часть его обучения — то, что он должен оставаться отдельным, то, что он должен оставаться отделенным, то, что он не должен становиться соединенным, то, что он не должен становиться включенным, то, что он должен всегда оставаться наблюдателем, чужаком, очень холодным, аналитичным.

Поэт не может быть холодным, иначе его поэзия будет холодной, иначе в его поэзии не будет никакого дыхания. В ней не будет пульса жизни. Поэт должен быть включенным.

И мистик должен быть полностью включенным, вовлеченным. Поэт включен время от времени, поэтому он и поэт только время от времени. Нет поэта, включенного двадцать четыре часа в сутки. Если он поэт двадцать четыре часа в сутки, он мистик. Тогда поэзия — это его молитва. Если художник является художником двадцать четыре часа в сутки, тогда ему не нужна никакая другая медитация; ему не нужно идти ни в какой храм. Он может забыть все о Ведах, Библиях и Коранах: он нашел свои Веды, свою Библию, свой Коран. Рисование это все. Если он может быть горяч в этом двадцать четыре часа в сутки, и если он может стать просто круговоротом, постоянным круговоротом в своем существе, подобно круговороту крови в теле, тогда он мистик.

Поэт становится страстным только время от времени. Потом он падает в обычный земной мир холодных образов, подсчета, арифметики; он утрачивает след поэзии. Время от времени окно открывается и он может видеть солнце, луну и звезды — но только время от времени.

Священный взрыв

Мистик — это поэт двадцать четыре часа в сутки. Запомните это: если вы действительно хотите узнать, что есть Бог, вы должны будете быть предельно страстными. Это не научный поиск, это любовная связь. Этот поиск — вопрос жизни и смерти — и в действительности это не только поиск, это *искомое*. Это не любопытство, не интеллектуальное исследование, это насущная жажда.

Подумайте о человеке, затерянном в пустыне, жаждущем. Это не интеллектуальный вопрос — он не беспокоится о компонентах воды. Если вы начинаете читать ему длинную лекцию о воде, ее химии, как она образуется, и попытаетесь объяснить ему формулу H_2O , он подпрыгнет и убьет вас. Он не интересуется философски, научно. Он хочет воды: это вопрос жизни и смерти. А вы говорите об H_2O ! Как может это удовлетворить его?

Когда поиск страстен, нет писания, способного удовлетворить вас. А люди удовлетворены писаниями, потому что их поиск неистинен, ложен. Они читают свою Гиту каждое утро, ссылаются на свой Коран — их поиск ложен. Если их поиск подлинный, они не будут удовлетворены словами — они что-то *сделают*. Они начнут искать Бога. Они будут готовы идти на любое расстояние, в любое странствие. Они будут готовы рискнуть всей своей безопасностью, надежностью, комфортом, материальной выгодой, потому что тогда Бог будет их единственной жизнью.

Приложи всего себя, к поиску,
но достигнув океана,
прекрати болтовню потока.

Когда река достигает океана, она полностью забывает саму себя. Она растворяется в океане сама по себе, без всякого колебания. Она не провозглашает ветрам и небу: «Я — Ганг», или «Я — Амазонка», или «Я то, я се, и посмотрите — я отрекаюсь от всего и я вхожу в океан». Она просто скользит в океан без всякого шума, без всякой суматохи.

Ищите Бога с полной страстью. Но когда вы достигли, медленно растворитесь в его присутствии. Тогда не хвалитесь — потому что это последняя стратегия эго — хвалиться, что: «Я достиг», что «Я стал Буддой», что: «Я стал *сиддхой*» что: «Теперь

Мистическое единство

я знаю». Это последняя цитадель эго: остерегайтесь этого. И поскольку это последнее, оно самое тонкое.

Ваше эго будет претендовать на то, чтобы стать великим святым; оно будет претендовать на то, что оно достигло окончательной истины. Но, пока не исчезнут все претензии, пока река не утратит в океане саму себя, не достигнуто ничего.

Упанишады говорят: «Те, кто говорит, что они знают — не знают».

Сократ говорит: «Когда я был молод, я думал, что знаю все. Когда я стал немного постарше, я начал понимать, что знаю очень мало. Когда пришло время еще немного большей зрелости, я пришел к знанию, что я ничего не знаю — или, я знаю только одно — что я ничего не знаю».

В день, когда Сократ объявил это — «Я знаю только одно — что я ничего не знаю» — оракул дельфийского храма провозгласил: «Сократ — величайший мудрец из живущих». Те, кто услышал это, поспешили к Сократу. Они сказали: «Ну, это парадокс. Ты знаешь только одно — что ты ничего не знаешь. А оракул из Дельф провозгласил: “Сократ — мудрейший человек на земле” — именно в тот же день! Теперь, пожалуйста, объясни это нам; мы озадачены».

Сократ сказал: «Идите и спросите оракула снова. Здесь, должно быть, какое-то взаимонепонимание — потому что я знаю только то, что я ничего не знаю».

Люди вернулись, и спросили оракула. И он сказал: «Да, вот почему я объявил, что он мудрейший человек на земле — *вот почему* я сделал это. Его приход к знанию: “Я ничего не знаю” — это окончательное знание. Река исчезла в океане. Теперь нет знающего, так кто же может утверждать? Отличия не осталось, Сократа больше нет. Вот почему он мудрейший из живущих на земле».

Эго постоянно с вами, подобно тени, оно следует за вами, куда бы вы ни шли. Вы в миру — оно следует за вами. Вы идете в храм — оно следует за вами. Вы становитесь религиозными — оно следует за вами. И оно так хитро, что, какой бы наряд ни требовался, оно надевает его. Если вы религиозны, ваше эго становится религиозным; если вы аскетичны, ваше эго становится аскетичным. Оно — ваша тень; оно продолжает следовать

Священный взрыв

за вами, оно повторяет вас, оно есть ваше отражение в зеркале.

И запомните — пока ваше отражение в зеркале не исчезает полностью, вы не встали лицом к лицу с Богом, потому что Бог — не зеркало. Бог — это океан по отношению к реке: она просто растворяется в нем. Когда вы узнали, вы не можете обратиться к Богу на «ты» — ведь нет «Я», чтобы обратиться к нему: «Ты».

Великий еврейский мыслитель, Мартин Бубер, постоянно думал о религии как о диалоге. Его знаменитая книга «Я и Ты»... и он думает, что молитва означает диалог между «Я» и предельным «Ты».

На первых шагах это верно, это диалог; но не в окончательном плане. В конце концов диалога нет вовсе, потому что не осталось двоих. Это — молчание, вовсе не диалог. Это абсолютное молчание. Искатель и искомое стали одним, нет ни дюйма различия, отличия. Кто скажет: «Я» и кто обратится к Богу: «Ты»?

Мартин Бубер прав, поскольку в начале молящийся озабочен, но это не конец. Он, должно быть, остался на периферии молящегося — хороший человек, редкий человек, но как-то застрял на периферии, потому что сильно привязался к периферии. А причиной была еврейская обусловленность ума. Был бы он в этой стране, он бы не написал этой книги, «Я и Ты». Или, он написал бы и другую книгу, чтобы провозгласить высшее единство, когда властвует молчание.

Молитва — не диалог, в высшем смысле, запомните это. Это растворение, исчезновение: вы ушли окончательно и ушли навсегда, и возвращение невозможно, вы прошли точку возврата. Но будьте внимательны к эго.

• Слоны и мыши играли в футбол. Внезапно случилось так, что слон наступил на мышь и вдавил ее в землю. Когда мышь выкарабкалась из земли, слон сказал с большой грустью: «Я очень, очень сожалею».

Мышь ответила с величайшим дружелюбием: «Не стоит беспокоиться. Со всяким бывает!»

Мистическое единство

От самого низкого до самого высокого остается все то же самое эго. От мыши и до человека остается и от земного до священного остается, упорствует все то же самое эго.

Настоящий священный взрыв происходит и вы входите в священнейшее из святого, только когда утрачен всякий след эго.

Когда он впускает тебя в свое присутствие,
не спрашивай его о чем-то, отличном от него самого.

Когда он избрал тебя другом,
ты увидел все, что существует явно.

В мире любви нет двойственности:
что значит вся эта болтовня о «ты» и «я»?
Как ты можешь наполнить чашу, которая уже полна?

Бог не человек, позвольте мне снова напомнить вам. Бог — это присутствие.

Подумайте об этих трех стадиях: семя, цветок, аромат. Семя очень грубо, жестко, выглядит почти как камешек. Оно безобразно, вы не можете найти в нем никакой красоты — даже если вы разделите его на части, разрежете его, вы не найдете здесь никаких цветов, нет даже малюсеньких цветков, и, разумеется, вы не найдете никакого аромата. Семя — это самое грубое состояние.

Затем приходит цветок. Когда семя умерло, исчезло, тогда приходит цветок. Цветок неуловимее, нежнее, женственнее, мягче, прекраснее. Цветок приносит на землю что-то от неба. Цветок — это мост, дом посередине между землей и небом, между известным и неизвестным, между видимым и невидимым.

Но все-таки есть более высокая ступень — аромат этого. Цветок прекрасен: но все же видим, осязаем, материален. Он сотворен из более нежной субстанции, чем семя, но он все еще часть физического мира — может быть, на грани между физическим и метафизическим. Но аромат — это чистая невидимость.

Если цветок опадает, он опадает обратно на землю. Он все еще часть земли — он ушел высоко, достиг великой красоты, перешептывается со звездами, луной и солнцем. Но если он

Священный взрыв

опадает, сила тяжести увлечет его назад, земля притянет его обратно, и он опадет вниз. Он может возникнуть только на день и достичь неба. Его восход моментален — к вечеру лепестки могут начать опадать, ночью их уже нет, утром вы не найдете от него и следа.

Но аромат покинул землю. Земля не может призвать его обратно; он стал так неуловим, что он выше силы тяжести. Аромат восходит вверх, он призван небом. А между ароматом и семенем — цветок.

Это также и три стадии человеческого сознания. Большинство людей живет в форме семени; они никогда не становятся цветами. Очень немногие люди, один из миллиона, становятся цветами. Даже стать цветком — такое чудо в мире. Но из тысяч цветков только один становится ароматом. Будда, Санаи, Сосан, Заратустра — только один из миллионов становится ароматом, чистым ароматом, просто чистотой, чистой милостью. Эта милость есть просто присутствие.

Когда Будда умер, его ученики годами чувствовали его присутствие, Он был с ними. Несомненно, его присутствие *все еще* здесь, но больше нет его учеников, способных воспринять его, способных открыться ему. Чем больше проходит времени, тем все менее возможно — войти с ним в контакт.

Когда бы ни случилось, что человек достиг Бога, он стал присутствием. Когда он в теле, присутствие окружает его тело. Художники изобразили это присутствие как ауру, окружающую просветленного человека — это просто способ нарисовать это, нарисовать что-то, что не может быть нарисовано. Но присутствие окружает его. И это присутствие не имеет ничего общего с телом; когда тело ушло, присутствие все же остается. Но теперь оно будет видно только тем, кто глубоко в медитации, глубоко сдался Мастеру, полностью доверяет — для них Мастер никогда не умирает, для них Мастер всегда остается живым присутствием.

Бог — это вечное присутствие, от начала и до конца. Будды только представляют, время от времени, вечное присутствие. Время от времени человек становится так чист, так бдителен и сознателен, становится таким любящим и сострадательным, что вечное начинает струиться через него. Время от времени человек становится таким сдавшимся, подобно флейте, таким пус-

Мистическое единство

тым, подобно флейте, что Бог начинает петь через него. Но Бог поет всегда.

Это похоже на следующее: пока мы сидим здесь, проходит много-много радиоволн, но мы не можем слышать их. Принесите радиоприемник, настройте его на определенную станцию, и немедленно, то, что было невидимым, становится видимым.

Бог подобен всегда присутствующим радиоволнам. Время от времени Будда, Иисус, Кришна или Магомет существуют на земле как радиоприемники — настроенные, соединенные, подключенные к Богу. Тогда вы становитесь более осознающими присутствие. Но Бог это присутствие, а не человек.

Вот почему Магомет настаивал, что нет образа, который мог бы быть сделан — и его настояние верно. И евреи правы, что образа Бога не существует. Причина такова: как вы можете сделать образ присутствия? Человек может быть представлен: у вас может быть фотография человека, вы можете сделать статую человека. Но как вы можете сделать статую чего-то, что есть только присутствие? Да, у вас может быть фотография цветка, но у вас не может быть фотографии аромата.

Когда он впускает тебя в свое присутствие...

Когда вам даруется возможность стать гостем в его присутствии...

...не спрашивай его о чем-то, отличном от него самого.

Потому что если вы спрашиваете о чем-то еще, вы упустили самую суть.

Рассказывают о великом суфийском мистике Баязиде, что однажды ночью перед ним возник Кхидр, великий ангел, продолжающий помогать людям на пути.

Темная комната, где медитировал Баязид, внезапно стала ярко освещенной. Он открыл глаза; свет был настолько силен, что он мог видеть его даже с закрытыми глазами. Он открыл глаза: Кхидр был здесь.

И Кхидр сказал: «Бог очень рад за тебя. Ты можешь попросить о чем угодно, и твое желание будет исполнено».

Священный взрыв

Баязид сказал: «Но ты пришел немного поздно. Все мои желания исчезли; теперь у меня нет желаний».

Кхидр настаивал. Он сказал: «Это будет оскорбительно для Бога. Ты должен попросить! Ты можешь попросить о чем угодно, но ты должен попросить. Это будет оскорблением Бога, потому что когда он предлагает, ты должен что-нибудь пожелать».

Он так настаивал... Снова и снова Баязид смотрел и думал, но не возникало ни одного желания. И он спросил: «Но что я могу сделать? Я не могу найти, чего бы пожелать. Все уже исполнено. Его сострадание таково, что прежде чем я смогу почувствовать желание, оно уже исполнено; прежде чем я даже могу сформулировать желание в моей голове, оно исполнено. Прежде чем оно достигает меня, оно достигает его — так о чем я могу попросить?»

Но Кхидр настаивал и говорил: «Это оскорбление, и Бог будет очень разгневан». Итак, Баязид сказал: «Хорошо, если ты настаиваешь и если ты думаешь, что это не *адаб* — что это не неправильный способ вести себя с Богом — тогда скажи ему, что я желаю только его и ничего больше».

Кхидр засмеялся и сказал: «Ты глупец — ты упустил!»

Даже сказать: «Я хочу Бога» — значит пожелать. Даже желать Бога есть желание. Санаи говорит — сначала отбросьте все желания. И если вы допущены в его присутствие...

...не спрашивай его о чем-то, отличном от него самого.

Это просто чтобы не удивить вас слишком сильно. Когда вы достигли такого состояния, что вы спрашиваете только о Боге, тогда Мастером может быть дана окончательная истина. Тогда Мастер скажет: «Теперь не спрашивай даже о нем — потому что всякое спрашивание все еще ориентировано на эго. Просто будь в его присутствии, без всякого желания. Когда отсутствует желание, между тобой и им нет туман. Желание создает туман, и он может стать Великой Китайской Стеной.

Не спрашивайте ни о чем. Будьте трепещущими, танцуйте в экстазе — он допустил вас в свое присутствие. Но если вы еще не можете быть в таком состоянии отсутствия желаний, тогда второе, что вы можете — но помните, что это только второе из лучшего — желайте его.

Мистическое единство

Когда он избрал тебя другом,
ты увидел все, что существует явно.

О чем спрашивать, если видно все существующее, если постигнуто все существующее, когда он избрал вас другом? А он уже избрал вас другом, иначе он вовсе не дал бы вам родиться. Он уже избрал вас, создавая вас. Взгляните, осознайте величие этого, осознайте славу этого. Взгляните, как вы благословенны.

Ты увидел все, что существует явно.
В мире любви нет двойственности...

Так кто может спросить, и кого?

Что значит вся эта болтовня о «ты» и «я»?

Теперь Санаи подводит вас все ближе и ближе к точке, где вам будет ясно, что даже спрашивать о Боге, желать Бога — значит создавать дуальность: я и ты. Кто эти «я» и «ты»?

Как ты можешь наполнить чашу, что уже полна?

Что вы можешь попросить? Он уже дал вам все, что вы можете принять. Ваша чаша полна! Просто посмотрите внутрь: ваша чаша полна, нет ничего недостающего.

Вот почему я продолжаю говорить вам: Вы уже боги, все исполнено. Осознайте это! Ничего не пропущено, ничего не упущено в вас, вы совершенны — такие, как вы есть. Это величайшее провозглашение всех мистиков на земле — то, что вы совершенны такими, какие вы есть.

Упанишады говорят: «Из совершенства может прийти только совершенство».

Как вы можете быть несовершенными, если Бог совершенен? А если вы несовершенны, то как может быть совершенным Бог? Дерево узнается по плодам. Никто не несовершенен; но ваши священники продолжают говорить вам, что вы несовершенны, что вы грешники, что вы недостойны, что вы будете осуждены на ад. Это все утка, ерунда, это все просто вздор.

Священный взрыв

Ада нет: все — рай, и грешники и святые совершенны, такие, какие они есть. Когда вы осознали это, ваша жизнь приобретает новые краски, новый танец, она становится песней, празднованием. Вот чему я учу вас.

Как ты можешь наполнить чашу, что уже полна?

Положи к его порогу всего себя:

отдав только часть,

ты не принес ничего вообще.

Еще одно утверждение, безмерно наполненное смыслом. Человек есть органическое единство. Вы не можете расчленить человека; если вы расчленяете, вы убиваете его. Если вы разрезаете цветок розы, чтобы найти, где в нем находится красота, вы разрушите цветок и вы никогда не найдете его красоту. Красота это органическое единство; вы не можете найти ее расчленением, единственный способ найти ее — со-участвовать с цветком.

Вы не можете узнать красоту женщины, разрезав ее, отведя к хирургу. Вы можете найти красоту женщины, только если вы любите ее, если вы разделяете ее существование, если вы пьете ее энергию и позволяете ей пить вашу энергию. Когда вы пьете от бытия друг друга, вы узнаете красоту; красота познается в глубокой интимности и участии. Красота — это органическое единство.

Итак, ваше сознание — это органическое единство. Ничего не должно быть пропущено. Если вы что-то пропускаете, вы будете половиной — а половина не будет принята.

В Афганистане есть народное поверье, сказка, прекрасное поверье. Афганцы верят, что вы должны умереть полными — они не хотят быть прооперированными. Если доктор говорит: «Нужно удалить почку», — афганец никогда не согласится на это, потому что он говорит: «Я должен идти к Богу целым. Он спросит меня “Где твоя почка?”»

Однажды случилось следующее: В Пешаваре, в дни британского владычества, был госпитализирован афганец. У него была ампутирована одна рука. Вся его жизнь была в опасности, если бы не ампутировали руку, он мог умереть. Было очень трудно

Мистическое единство

уговорить афганца, но врач сказал: «Не беспокойся, мы сохраним твою руку нетронутой. Мы законсервируем ее в химикалиях и, когда ты умрешь, мы положим руку рядом с тобой».

Это выглядело логичным. «Так ты можешь предстать перед Богом с рукой. Ты можешь сказать: “Она здесь!” Афганцы — простые люди, очень простые. Он сказал:

«Это верно. Однако, помните, что моя рука не должна быть потеряна, и вы должны сохранить ее».

Доктор обещал. Конечно, он не был в этом очень серьезным, но он обещал. Видя невинную радость афганца, он позаботился о сохранении руки. Рука была сохранена в большом кувшине с химикатами. Но через два года госпиталь сгорел, сгорело все, и рука также была уничтожена. Афганец никогда не приходил, чтобы узнать об этом.

Доктор ушел на пенсию, вернулся в Лондон. Однажды ночью он был кем-то разбужен. Он удивился, потому что двери были закрыты. Он открыл глаза и узнал — это был тот самый афганец, и он был очень сердит! Афганец был разгневан, стал трясти его и сказал: «Где моя рука? Я умер! И теперь Бог спрашивает: “Где твоя рука?”»

Некоторое время доктор не мог сообразить, что же делать. Но он сказал: «Подожди. Приходи завтра ночью. Я собрал большую коллекцию; твоя рука здесь, но я должен буду найти ее. Так что завтра я найду ее. Ты приходи завтра ночью».

А на следующий день он искал во всех госпиталях Лондона, стремясь найти руку. Он нашел руку; он был очень счастлив. Следующей ночью он ждал, когда гость появится снова.

Афганец пришел, он был очень счастлив, что получит свою руку. Доктор отвел его в комнату, где была рука. Афганец посмотрел, открыл кувшин, вытащил руку и бросил ее на пол. Он был очень разгневан — потому что он потерял правую, а эта была левой.

Я не знаю, насколько близка эта история к истине... но смысл есть. Смысл таков: не отбрасывайте ничего. А ваши священники говорили и говорят вам — отбросить: отбросить секс, отбросить гнев, отбросить жадность. Ваши священники говорили и говорят вам, что вы должны отбросить тысячу и одну вещь. Если вы слушаете их, вы придете к Богу почти пустыми. Он спросит: «Где твоя рука?» Он скажет: «Я дал тебе так много

Священный взрыв

энергий: что ты сделал с этими энергиями? — потому что эти энергии должны быть преобразованы. Они должны были быть не отброшены, но преобразованы».

Ваш секс должен стать вашим безбрачием, а ваш гнев должен стать вашим состраданием. Все, что дано вам, имеет в себе огромный потенциал: вы должны прожить это очень искусно, разумно. Просто отбрасывая гнев, вы останетесь только частью — а часть не может достичь целого. К целому вы должны будете прийти *как целое*.

Это утверждение прекрасно:

Положи к его порогу всего себя:
отдав только часть,
ты не принес ничего вообще.

Моя задача здесь — помочь вам остаться целыми. Во всем, что бы он ни дал, должен иметься смысл. Ваша сексуальность, наверное, бережет в вас что-то скрытое — вы должны исследовать это. Ваш гнев — это чистая энергия: если она может быть разрушительной, она также может быть и созидательной. Гнев нейтрален, он зависит от того, как вы используете его.

А религиозные люди говорили и говорят вам: «Отбросьте гнев». Вот почему все религиозные люди становятся нетворческими — они живут очень-очень не творческой жизнью. Их жизни есть не что иное, как долгие истории бессилия; они не создают. Они не творцы, они просто груз на земле.

Ваши святые, ваши так называемые мудрецы — просто лишний груз. Они ничего не вносят в существование; они не делают его немного прекраснее, они не добавляют в жизнь ни одной песни. Они живут здесь, как паразиты. А причина в том, что они отбросили энергии, что могли бы быть преобразованы в созидание. Человек, отбросивший гнев, становится невосставшим — а быть невосставшим значит умереть! Гнев должен быть преобразован в великое восстание — восстание против всего того, что неправильно, восстание против всего того, что гнило, восстание против прошлого, восстание ради будущего, восстание, чтобы принести в мир что-то новое.

Секс — это творчество. Секс создает не только детей, все великие произведения искусства — это побочный продукт сексуальной энергии. Все великие люди искусства — очень сексу-

Мистическое единство

альные люди: поэты, художники, певцы, танцоры, все — сексуальны. А у величайших мистиков больше сексуальной энергии, чем у кого-нибудь еще, но их сексуальная энергия больше не в форме семени: она расцвела, стала цветком, и не только цветком, она стала ароматом. Тогда все, что они делают, приносит в мир новые благословения. Они сами — благословение.

Когда вы идете к Богу, идите как органическое единство, идите как целое. Частичными вы будете выглядеть очень безобразно. Вы не будете допущены как часть.

Это твое собственное эго
придает значение доверию и неверию:
это неизбежно расцвечивает твое восприятие.

Вечность не знает ничего
о вере и безверии;
для чистой природы
подобной вещи не существует.

Ваша вера, ваше неверие, ваш теизм, ваш атеизм, ваши идеологии — все это создано эго. В действительности нет ни веры, ни неверия, есть только невинность. По-настоящему религиозный человек ни теист, ни атеист; он не верит, он не не верит, он просто открыт всему, что случается. У него нет идеологии. Идеологии — от ума, и они поддерживают ум, они лелеют ум.

Сердце ничего не знает об идеологии: сердце знает только любовь. А любовь — это дверь к божественному.

Это твое собственное эго
придает значение доверию и неверию:
это неизбежно расцвечивает твое восприятие.

Вы продолжаете видеть сон, что вы индус, вы мусульманин, вы христианин, вы то и вы это, католик, коммунист — все это ваши сны. Реальность не имеет ничего общего с индуизмом, христианством, буддизмом, джайнизмом. Реальность просто реальна.

Священный взрыв

Цветок — это просто цветок. Спросите у цветка: «Ты мусульманин?», и он засмеется над вами. Спросите у льва: «Ты индуист?», и он засмеется над вами.

Просто посмотрите на существование: никто, кроме человека, не кажется невротичным. Кажется, никто, кроме человека, не уделяет столько внимания идеям.

Юной леди приснился сон, в котором в ее спальню влетел красивый ангел-мужчина и обнял ее. Они вместе вылетели в окно и некоторое время путешествовали по воздуху. В конце концов они достигли замка на небе и влетели внутрь через раскрытое окно. Он нежно бросил ее на сияющую постель.

«Что вы собираетесь теперь делать?» — спросила она испуганным голосом.

«Это зависит от тебя, — сказал он. — Это не мой сон».

Все ваши идеологии — не что иное, как ваши сны. Отбросьте сновидение, войдите в ваши чувства. Отбросьте голову, войдите в ваши сердце. Чувства — это невинность. Будьте чувствительнее к существованию, его красотам, его радостям.

Вечность не знает ничего
о вере и безверии;
для чистой природы
подобной вещи не существует.

И если ты спрашиваешь меня о пути, друг мой,
я отвечу тебе прямо, что это...

Слушайте внимательно.

...обрати свое лицо к миру жизни,
обратись спиной к чинам и репутации;
и, отталкивая прочь процветание,
удвой старания в служении ему;
расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов,
и займи свое место в лоне вечно молчащего.

Первое, что говорит Санаи:

Мистическое единство

И если ты спрашиваешь меня о пути, друг мой,
я отвечу тебе прямо, что это...

И то, что он говорит, есть просто абсолютная истина.

...обрати свое лицо к миру жизни...

Вот что я говорю вам: Будьте жизнеутверждающими.

...обрати свое лицо к миру жизни...

К деревьям, птицам, животным, звездам, рекам, океанам, людям. А ваши священники говорили и говорят вам прямо противоположное. Они говорят: «Повернитесь спиной к жизни». Они говорят: «Будьте жизнеотрицающими». Они говорят: «Отрекитесь от жизни».

Санаи говорит: «Радуйтесь жизни».

Ваши священники просто отравители. Величайшие из известных врагов человечества — его священники: они учат вас смерти.

Священник Джим Джонс — не первый священник, который помог своим ученикам умереть. Это древнейшая профессиональная тайна всех священников: они учат вас самоубийству. Преподобный Джонс сделал это в американском духе, быстро и скоро, только и всего. Остальные священники делают это медленно — это занимает семьдесят, восемьдесят лет. Но процесс тот же самый; все они учат вас, что эта жизнь неправильна. Когда жизнь неправильна, тогда правильна смерть. Все они учат вас, что жить — грех. Тогда не жить — это святость. Все они учат вас убегать от жизни в монастыри, в горы; они учат вас эскапизму.

И, что же такое самоубийство? Самоубийство — это высшая форма эскапизма.

А сейчас вы увидите, что все священники мира осудят Преподобного Джонса — они *осуждают* его. Христиане, мусульмане, индуисты, католики и протестанты — все они осуждают его. Несомненно — то, что он сделал, есть логическое следствие их учений. Вот чему они учили и учат; они учили и учат, что жизнь безобразна, что жить — значит быть грешником. Тогда логичное

Священный взрыв

заключение — умереть, совершить самоубийство; тогда самоубийство выглядит самым духовным действием.

Джайнизм даже разрешает это — не только разрешает, но и высоко ценит его. Буквально на днях я читал о джайнском монахе, который совершил самоубийство. Они не называют это самоубийством, у них есть для этого прекрасное слово — они называют это *сантхарой*: *сантхара* означает «тот, кто покидает тело посредством поста».

Итак, этот человек постился много дней. А *сантхара* — это пост до смерти, ни пищи, ни воды — если человек действительно здоров, это займет по крайней мере три месяца — умирать.

Теперь это кажется более безобразной смертью, более насильственной, более продлевающей страдание. В этом смысле, преподобный Джонс сделал хорошую работу: он сделал *сантхару* научным способом; он сделал ее моментальной. А если дело может быть сделано моментально, тогда зачем растягивать страдание на три месяца? Зачем истязать себя? Если вы можете достичь какого-то места на самолете, тогда зачем ехать на воловьей упряжке?

Я хотел бы сказать всему миру: пожалуйста, не осуждайте то, что сделал Джонс! Вы не имеете права осуждать его, потому что это то, чему веками учили и учат все ваши церкви и все ваши храмы.

Только я могу осуждать его, ни у кого другого нет *права* осуждать его — потому что я учу жизни. Он был сумасшедшим, невротиком. Так же, как и все ваши священники — сумасшедшие, невротичные, садомазохистские, патологичные.

Санаи прав. Он говорит, что это единственный способ:

...обрати свое лицо к миру жизни,
повернись спиной к чинам и репутации;
и, отбросив прочь процветание,
удвой старания в служении ему;
расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов.
и займи свое место в лоне вечно молчащего.

Он говорит: если вы хотите от чего-то отречься, отрекитесь от престижа, отрекитесь от власти, отрекитесь от чинов и репутации. Это не отречение образа ваших священников и ваших

Мистическое единство

монахов. Несомненно, они отрекаются от мира, чтобы получить большую репутацию, они становятся аскетичными, чтобы они могли почитаться как святые. Они цепляются за репутации — это ловушка их эго. Они отрекаются от жизни, чтобы получить от людей все больше и больше уважения, респектабельности.

Санаи говорит прямо противоположное. Вот что я делаю сейчас. Я говорю: отрекитесь от респектабельности, это все дерьмо. Не имеет значения, уважают вас люди или нет. В конце концов имеет значение лишь то, уважаете ли вы самих себя или нет. А вы можете уважать самих себя, только если вы прожили полно, страстно. И если вы уважаете себя и достаточно храбры для того, чтобы прожить жизнь во всех ее измерениях, Бог счастлив с вами. А когда вы войдете в его присутствие, вы войдете целыми, вы войдете здоровыми, вы войдете как полное, оргазмичное, органичное единство.

И он говорит:

...расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов.

Это священники, пандиты, умники, вся их работа заключена в словах. Действительность должна быть переживанием, не просто спекуляцией.

Перед тем, как Будда вошел в окончательную нирвану, перед тем, как он покинул свое тело, ученик попросил его проповедовать снова. Будда устыдил его и сказал: «Я жил в мире сорок девять лет и я никогда не сказал ни единого слова. Теперь ты просишь меня проповедовать снова. Не подразумеваешь ли ты, что я проповедовал прежде?»

Он проповедовал в течение сорока девяти лет — утром, днем, вечером, непрерывно в течение сорока девяти лет. Несомненно, нет другого человека (кроме меня), болтавшего так много, как Будда. Но все-таки он говорит: «Что ты имеешь в виду под “проповедовать снова”? Не думаешь ли ты, что я в своей жизни проповедовал? Я не произнес ни единого слова».

И я говорю вам — я также не произнес ни единого слова. Нет другого способа общаться с вами, раз вы не можете понять молчания. Но все слова используются только для того, чтобы создать в вас все больше и больше молчания. Слова не важны: молчание, которое содержится в них — вот подлинное. Слова —

Священный взрыв

это просто капсулы: внутри капсулы находится молчание, безмолвное послание.

Недолг путь
от тебя к другу,
ты сам есть этот путь:
так следуй же ему.

Другого пути нет. Вы не идете куда-то, вы не следуете какому-то внешнему пути — вы и есть путь. Вы должны просто войти, и тогда друг недалеко.

Еще одна история.

Однажды Будда увидел Манджушри, одного из его величайших учеников, стоящим за воротами. Он сказал: «Манджу! Манджу! Почему ты неходишь?»

Манджу сказал: «Мой господин, нет способа войти».

Будда засмеялся и снова сказал: «Войди через ворота!»

Манджу тоже засмеялся и сказал: «Господин мой Бхагван, ты, должно быть, шутишь, ведь здесь нет даже ворот!»

Будда благословил Манджушри и сказал: «Сын мой, ты понял меня хорошо. Пути нет, и нет ворот».

Потому что он в вас, уже в вас. Вам не нужно проходить ни через какие ворота, и не нужно следовать никаким путям. Он уже прибыл, он достиг как *вы*.

Искатель есть искомое. Вы есть это.

Недолг путь
от тебя к другу,
ты сам есть этот путь:
так следуй же ему.

Ты, ничего не знающий о жизни,
наполненной соком винограда,
сколь долго ты будешь оставаться замороженным
внешней формой ягод?
Зачем ты лжешь, что пьян?

Мистическое единство

Люди, читающие наизусть Коран, продолжают хвалиться, что они пьяны. Это невозможно — как могут слова сделать вас пьяными? Вы не можете опьянеть, просто глядя на форму винограда: вы должны будете попробовать его на вкус. Только переживание, экзистенциальный опыт может освободить вас. Слова станут новыми оковами — прекрасными оковами, очень-очень культурными, украшенными оковами, но слова будут оковами.

Все ваши писания не что иное, как тюрьмы. Выйдите из них.

И запомните, то что я говорю о писаниях, включает и мои слова тоже. Слушайте мои слова, но не будьте схвачены ими. Слушайте меня так внимательно, чтобы вы могли услышать безмолвное сообщение, которое находится между слов, между строк. И тогда откажитесь от слов: бросьте оболочку и выпейте содержимое.

Зачем ты лжешь, что пьян?

Прекратите лгать! Никто не может напиться просто словами, писаниями, знанием. Единственный способ быть пьяным — идти глубоко в ваше существо и пить из самого источника вашего сознания. И тогда вы будете пьяны, и пьяны навсегда.

И у этого пьянства есть парадоксальное свойство: вы становитесь неосознающими в том, что касается эго, и становитесь сознательными в том, что касается самости. Вы забываете себя в этом пьянстве, и в этом пьянстве вспоминается Бог. С одной стороны, забвение, с другой стороны, воспоминание.

Как ты можешь идти вперед?

Нет места, куда идти;

как ты можешь встать?

У тебя нет ног.

У сознания, оно не может прыгать. И вы не можете никуда идти, потому что идти некуда.

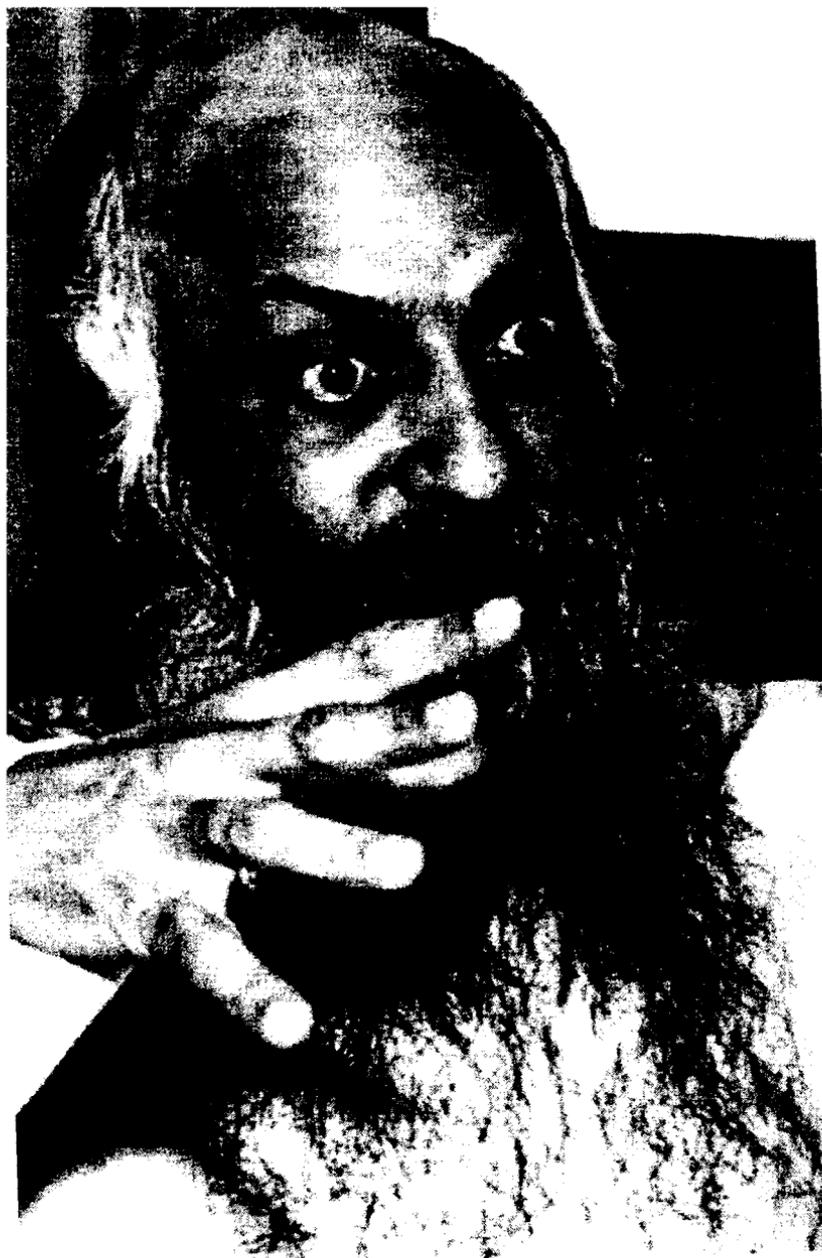
Всё здесь, все сейчас! У Бога есть только одно время, и это — сейчас. И у Бога есть только одно место, и это — здесь. Не нужно никуда идти.

Священный взрыв

Не думайте в терминах «тогда», и не думайте в терминах «там», и не думайте «то». Бог — это здесьность, таковость. *В этот самый момент* Бог здесь, так как он всегда здесь. Просто будьте молчаливы и почувствуйте его вкус.

И только его вкус может освободить вас.

Умирание
в чуде

18 декабря
1978 года

Первый вопрос:

Ошо, ты, кажется, сделал смыслом жизни атаковать премьер-министра Морарджи Десаи и поддерживать Индиру Ганди, прежнего премьер-министра, со всей духовной силой, которая есть у тебя. Какова подоплека этого? Не хочешь ли ты заменить мистера Десаи на миссис Ганди? Является ли, в таком случае, оправданным вмешательство духовных людей в индийскую политическую жизнь?

Д. К. Каранджа, редактор, «Blitz»

Мой дорогой Каранджа, я не против лично Морарджи-бхай Десаи (бхай — выражение почтения — прим. пер.). Но я против того прогнившего образа мыслей, который он представляет, я против индусского шовинистического ума, который он представляет. Я против его поз и подходов мракобеса. Я против его упрямства в навязывании своих личных причуд всей стране. Я против его бюрократических, авторитарных, диктаторских методов. Я против его ненаучного подхода к жизни. Я не имею ничего общего с Морарджи Десаи, но все это, соединенное вместе — бедствие для страны.

В основном я против политиков. Но мы не можем полностью избавиться от них. Человечество все еще не в том состоянии роста и разумности, когда можно отменить политику. Так что они будут нужны — это неизбежное зло.

Но это зло. Так что лучше уж выбрать политика, у которого по крайней мере гибкий ум, научные подходы — того, у которого по крайней мере современный ум.

Морарджи Десаи просто устарел. Он не принадлежит этому столетию, этому времени. Все, что он продолжает говорить — чистый суеверный вздор. Он отстал по меньшей мере на тысячу лет.

Но когда вы у власти, вы можете навязать другим все, во что вы верите. Опасность — в этом. Он хитер, изворотлив и неразумен. Политик обязан быть хитрым, изворотливым и неразумным, потому что только неразумные люди хитры и изворотливы. Это их заменитель разумности.

Умирание в чуде

Если вы разумны, этого достаточно. Не нужно быть хитрым, не нужно быть изворотливым, не нужно использовать методы «черного хода».

Я слышал:

Политик учил своего маленького сына меньше бояться, быть храбрее, заставляя его прыгать по ступенькам. Он поставил мальчика на вторую ступеньку и сказал: «Прыгай, я тебя подхватю». И мальчик прыгнул. Тогда отец поставил его на третью ступеньку, говоря: «Прыгай, я подхватю тебя». Хотя мальчик и боялся, он доверял своему отцу, что бы он ни говорил, и прыгнул в его отцовские руки. Тогда отец поставил его на следующую ступеньку, и на следующую, говоря каждый раз: «Прыгай, я тебя подхватю». И каждый раз мальчик прыгал и подхватывался отцом. И так продолжалось.

Затем мальчик прыгнул с самой высокой ступеньки, как и прежде, но на этот раз отец отступил на шаг и мальчик ударился лицом об пол. Когда он приподнялся, кровоточащий, ревущий, отец сказал ему: «Учись, сын мой: никогда не доверяй политикам, даже если это твой собственный отец».

Я не доверяю политикам. Что-то изначально неправильно в том, чтобы быть политиком. Политик страдает от патологии, он страдает от комплекса неполноценности. Теперь это установленный факт: те люди, которые ищут власти, страдают от комплекса неполноценности. А люди, страдающие от комплекса неполноценности, обречены нести людям опасность, когда оказываются у власти.

Морарджи Десаи страдал от комплекса неполноценности всю свою жизнь. Вся его жизнь была посвящена одной цели: стать премьер-министром этой страны. И теперь он стал премьер-министром. И эти последние двадцать месяцев показали, что вы не можете найти более неразумного человека, чем он. Эти двадцать месяцев показали, что он достиг своей цели и теперь не знает, что с ней делать.

Политик ловок в приходе к власти, но что теперь делать с этой властью? Он стремился к ней всю свою жизнь; это было его единственным желанием. Теперь оно исполнилось. Он истощен. Теперь он не знает, что делать, кроме как цепляться за свое место.

Мистическое единство

Он крепко уцепился. А страна с каждым днем приходит в упадок — становится беднее и беднее, становится все беспорядочней и беспорядочней, все более и более насильственной, разрушительной. Людей убивают, их имущество уничтожается, целые деревни преданы огню, женщины насилуются. Нет порядка, нет закона.

А Морарджи Десаи заинтересован только в одном: как продолжать оставаться у власти. Это очень, очень отсталый ум. Если властью интересуется юноша, его можно простить. Но если человек интересуется властью в восемьдесят три или восемьдесят четыре года, его простить нельзя.

Берта была так озабочена своим сыном, что попросила совета у семейного психолога.

«Господин, — с отчаянием сказала она. — Я беспокоюсь за моего сына. У него странные способы развлекать себя».

Психолог вытащил блокнот: «Продолжайте».

«Прежде всего, — сказала она, — он играет с корабликами, когда принимает ванну».

«Это не так уж необычно, — улыбаясь, сказал психолог. — Много лет назад, мальчиком, я имел в ванной флот корабликов. Я хотел быть адмиралом и потопить все корабли».

«Он также отрывает крылья мухам».

«Совершенно нормально — он просто избавляется от некой агрессивности».

«Он катается на роликовых коньках по дому из комнаты в комнату, так что может наехать на обеденный стол».

«Ваш сын выглядит очень занятно, — рассмеялся психолог. — Сколько лет мальчику?»

«Тридцать девять».

Человек цепляется за власть в восемьдесят три года: это выглядит поистине печально. И ничего не делает с этой властью — делает только одно: пытается уцепиться за нее, пытается сохранить ее, удержать ее. Здесь не должно быть такого непродуктивного, такого нетворческого человека.

Страна нуждается в молодом человеке с большими мозгами, с большим видением будущего; только тогда эта страна может быть спасена. Страна нуждается в научном подходе к жизни, а не в устаревших проповедях и пуританских

Умирание в чуде

«моральных» поучениях. Стране не нужны проповедники; в ней тысячи проповедников, их больше не нужно. Стране нужен кто-нибудь, способный научно преобразовать мечты в реальность.

У Морарджи Десаи нет этой возможности, вот почему я критикую его. И для него трудно переориентироваться на настоящее; он слишком стар. Он закрытый, застывший, все в нем стало камнеподобным. Он не может идти в ногу со временем, он не может принять реальность как она есть. Чем идти в ногу со временем и с сегодняшней реальностью, он хотел бы, чтобы реальность шла в ногу с ним. Он требует невозможного. И, требуя невозможного, он показывает свои диктаторские наклонности.

Эта страна называет себя демократичной, но это все еще не так, поскольку у этой страны нет достаточной осознанности, чтобы быть демократичной. Демократия — просто болтовня, а глубоко внутри — это просто диктаторская бюрократия.

И весь ум действовал в прошлом тем же образом. Демократия — новое явление. Демократия это побочный продукт научного отношения — а эта страна испытывает недостаток научного отношения.

Попытайтесь понять это. Демократия не могла случиться ни в одно из прошлых времен, потому что все религии были догматичными. Каждая религия претендовала на истину, истину целиком. Каждая религия провозглашала: «Я права, а все прочие неправы». Все религии — закрыты.

И я не включаю Будд, Христов и Кришн; они исключения, и они не часть ваших так называемых религиозных традиций. Будда не догматичен, у него очень научная открытость. Он подходит к каждому факту жизни с открытым умом. Он сказал своим ученикам: «Не верьте в то, что я говорю. До тех пор, пока вы не поэкспериментировали с этим и не пережили это, до тех пор, пока вы не стали свидетелем этого — не верьте в это».

Но христианство, индуизм, ислам, джайнизм — все эти идеологии догматичны: каждая претендует на всю истину. Сама это претензия бесчеловечна, эгоистична. И поскольку у этой страны нет научного ума, она испытывает недостаток демократического духа.

Несколько дней назад Кришна Прем увидела Морарджи Десаи. Тот сделал это с условием, что все, что он скажет Кришне Прем, будет абсолютно частным и незаписанным.

Мистическое единство

Зачем? Зачем это условие? Если это правда, пускай она будет записана. А если это ложь, не нужно произносить ее.

Но я понимаю, почему он поставил это условие — потому что он сказал Кришне Прем: «Если бы это было в моей власти, я разрушил бы дело Ачарии Раджниша, его ашрам, всё».

Вы видите ум? Это ум диктатора. И почему он говорит, что *если бы это было в его власти?.. Это в его власти*, и он делает все, что может.

Только на днях из очень надежных источников стало известно, что он проинформировал власти о том, что как-то, каким-то образом, мы должны попасться в какую-нибудь законную ловушку, капкан. «Вы должны найти то или иное, чтобы мы могли затеять против этой коммуны судебное разбирательство».

Дважды они проверили все документы, все записи, и дважды они решали, что нет ничего противозаконного. Теперь снова, в третий раз, они потребовали, чтобы были пересмотрены все документы и отчеты; дело должно быть пересмотрено, потому что так хотят в столице.

Главный министр Махараштры с готовностью помогал. Только на днях он сказал другу: «Я охотно помогал, по крайней мере в том, что касается земли, я собирался помогать коммуне. Но теперь давление из Дели слишком сильно. Теперь это выше моих возможностей; я не могу помогать».

Почему Морарджи Десаи говорит, что это не в его власти? Он делает все, что может. Но запомните, эти отношения не победят. Демократия стала частью современного ума; дни такого положения вещей ушли. Вы цепляетесь к трупам, Морарджи Десаи. Вы цепляетесь к вещам, у которых больше нет будущего.

Диктатор напечатал свой портрет на почтовых марках. Когда он обнаружил, что марки продаются в стране не слишком хорошо, он вызвал своего почтового министра и спросил, почему.

«Это потому, что марки не приклеиваются к конвертам», — объяснил шеф почты.

Диктатор потребовал объяснений, почему был использован некачественный клей.

«Это не клей, — объяснил почтовик, — это потому, что они плюют не на ту сторону».

Умирание в чуде

Это произойдет со всеми диктаторскими умами. Морарджи Десаи, знайте об этом!

И когда я критикую его, я никогда не критикую его лично, всегда помните это. У меня нет на него лично никакой обиды; это не вопрос какой-то личной неприязни. Он — просто символ чего-то очень прогнившего. И, когда я критикую его, я, несомненно, просто говорю о фактах. Если факты против него, что я могу сделать?

Теперь двадцать месяцев его пребывания у власти показали это ясно. Его некомпетентность, его бессилие показано ясно. Все могут видеть его; это не тайна, вся страна чувствует это. Но эта страна очень летаргическая, очень фаталистическая, эта страна всегда будет всех обвинять. Если ничто не идет правильно, тогда эта страна так и останется по-своему удовлетворенной. Это был и есть ее традиционный подход.

Эта страна не способна восстать. За все пять тысяч лет ее истории здесь не было ни единой революции. Эта страна не знает, как протестовать, эта страна знает только, как продолжать подчиняться. Из-за этого эта страна так долго оставалась рабыней.

Мой подход — восстание. Я осуждаю прошлое этой страны, потому что я могу представить себе лучшее будущее. А это лучшее будущее возможно, только если осуждено прошлое. Оно не придет из непрерывности с прошлым: это будущее должно быть абсолютно новым, свежим, юным. Эта страна должна пройти через возрождение, эта страна должна снова стать юной.

Когда я критикую Морарджи Десаи, это на самом деле не критика — я просто отражаю его... чем бы он ни являлся.

Однажды современный художник показал свою последнюю картину — большая лужа оранжевого цвета с маленькими черными капельками — известному критику.

«Итак, — сказал художник, — что вы об этом думаете?»

После долгого пристального рассматривания леди с изумлением и отвращением сказала: «Боюсь, я должна признаться: я думаю, что это довольно слабая работа».

«Хм! — фыркнул художник. — Так получилось, что это ваш портрет; и я не могу помочь, если вы — слабое творение природы!»

Мистическое единство

Я не критикую Морарджи Десаи, я просто отражаю все, чем он является. А это необходимо: этой стране нужно стать бдительной и осознающей, иначе нищета будет продолжаться. Морарджи Десаи представляет нетехнологический ум. Он представляет гандианское дерьмо.

Этой стране нужна технология, иначе эта стране не сможет выжить. И я знаю совершенно точно, что тот способ, каким технология пришла на Запад — также бедствие, по-своему. Она разрушила экологию. Запад страдает от технологии, а Восток страдает от НЕДОСТАТКА технологии. И мракобесы Востока радуются, констатируя факт: «Посмотрите, что случилось с Западом из-за технологии!»

Но это не единственный способ ввести технологию. Мы можем научиться на опыте Запада — мы можем ввести технологию, которая не против экологии. Нет необходимости, неотъемлемой необходимости в том, что технология должна быть против природы. Она может быть *вместе* с природой — она может быть дружественна к природе, она может быть частью природы, она может быть в единении с ней.

Технология должна быть основана на подходах дао. Если существующую на Западе везти сюда, то это будет еще одной ошибкой, еще одной непоправимой ошибкой. Но Запад прошел через великое испытание; мы должны не повторить все те ошибки, что сделали они. Мы сейчас в лучшем положении. Мы пострадали без технологии, Запад пострадал из-за технологии. Теперь есть возможность создать новый образ технологии и природы, в единении, вместе, рука об руку.

И этот эксперимент станет примером для всего мира. Индия может сделать это, Индия может создать это пространство — потому что пять тысяч лет медитативности, молитвы, любви к Богу и поиска Бога — достаточная основа для того, чтобы трансформировать технологию, ее аромат — сделать ее более естественной, чем делать что-то против природы.

Индии нужны люди, знающие, что такое медитация, и знающие, что такое наука: она нуждается в синтезе.

Морарджи Десаи просто представляет прогнившее, мертвое прошлое. Он не представляет, что произошло в мире; он не современен. Я против его несовременности, я против его новизны. И он не только несовременен; он антисовременен. Он

Умирание в чуде

догматичен — а любой догматичный человек становится камнем в потоке национальной жизни. Он должен быть удален.

Я знаю, что для него слишком поздно меняться, поэтому он должен быть удален.

Жан Лебан вообразил, что он становится еще одним Лютером Барбэнком, великим садоводом и растениеводом.

«Однажды я стану знаменитым, — похвастался он. — Я революционизирую своими сельскохозяйственными экспериментами вкусовые привычки во всем мире».

«Возможно, ты и велик, — прокомментировала его циничная жена. — Но пока все твои великие эксперименты терпели неудачу».

«Как ты можешь говорить это?»

«Помнишь эти твои бананы без кожуры? Мухи съедали их, прежде чем это могли сделать люди».

«Люди ели их недостаточно быстро».

«Или малина без семечек. Она растекалась от прикосновения пальца».

«Нам нужны более нежные пальцы, чтобы рвать ее».

«И что теперь? Каким еще чудом ты собрался осчастливить мир?»

«Я скрестил кукурузу с горохом».

«И что это тебе дает?»

«Горох на початках — мой ответ сеньорам горожанам с фальшивыми зубами».

«Жан, могу я дать тебе один чистосердечный совет? Почему бы тебе не вырастить какие-нибудь мозги?»

Но я не могу дать этот совет Морарджи Десаи: слишком поздно — река уже достигла конца. И чем больше он остается у власти, тем больше времени упущено. Упущено не только время, но все, что сделано за тридцать лет независимости — он разрушает это.

Для страны лучше стать к этому бдительной немедленно, иначе он нанесет огромный вред. И тогда потребуется много времени, чтобы исправить это.

Ты спрашиваешь меня, Каранджа: *«Ты, кажется, сделал смыслом жизни атаку на премьер-министра Морарджи Десаи и поддержку*

Мистическое единство

Индиры Ганди, прежнего премьер-министра, со всей своей духовной силой. Какова подоплека этого? Не хочешь ли ты заменить мистера Десаи на миссис Ганди?»

Да. Абсолютно так. Я снова хотел бы напомнить вам, что у меня нет личной привязанности к Индире Ганди. Но она представляет собой что-то намного лучшее, чем Морарджи Десаи. Ее политика более прогрессивна, у нее лучшее видение будущего и большее понимание настоящего. Она современная женщина, с чрезвычайной интеллигентностью и благородством. Она не чудачка и не догматик. Она гибкая, открытая, уязвимая, готовая принять все новое, готовая понять все, что происходит в современном мире. Её двери и окна открыты солнцу, луне, ветру, дождю.

Я встречался с обоими людьми. Встреча с Морарджи Десаи вообще не была встречей. Мы сидели на одном диване, очень близко, касаясь друг друга — но очень далеко, на расстоянии миллионов миль. Общение было невозможно — разница в несколько веков. Он был неспособен понять, что я говорил ему.

Я встретился с Индирой Ганди. Она была такой открытой; очень редко встретишь человека, столь открытого. И еще труднее найти человека, находящегося у власти и все же столь открытого. Власть ослепляет людей, власть закрывает людей, власть делает людей догматичными.

Она была в зените своей власти, но она была предельно скромна. Она вникала в каждое слово, что я говорил ей, и она поняла немедленно. Она сказала: «Я хотела бы сделать то, что вы говорите, но я окружена такими людьми, что почти невозможно что-либо сделать».

Морарджи Десаи был тогда заместителем премьер-министра. Я спросил ее: «Кого вы имеете в виду, когда говорите: “Я окружена такими людьми?”» Она сказала: «Вы знаете, что я имею в виду Морарджи Десаи и прочих. Невозможно ввести что-то новое в жизнь этой страны, потому что они все мешают этому».

Я сказал ей: «Тогда будет лучше, если или вы отставите этих людей, или *вы сами* уйдете в отставку». Эта идея проникла ей в сердце, и в течение семи дней Морарджи Десаи был отправлен в отставку. Но остальные все еще были здесь.

Умирание в чуде

Эта страна выбрала людей, представляющих ее прошлое. Эта страна очень сильно привязана к прошлому.

В то время, пока Индира Ганди была премьер-министром, она трижды хотела прийти в эту коммуны. Трижды она извещала нас: «Я приеду» — но снова и снова это откладывалось. А причина была в том, что люди, окружавшие ее, не пускали ее. Они сказали ей: «Это опасно — идти к Ачарье Раджнишу; это затронет ваше политическое будущее».

Даже прийти ко мне, кажется, опасно. И я могу понять: если она пришла сюда, тогда все шанкарачарьи, все пандиты, все священники были бы против нее. Поэтому ее советники не допустили, чтобы она пришла сюда. Снова и снова она хотела прийти.

Даже желание прийти, даже желание быть здесь, медитировать и сидеть со мной в молчании, показывает великую открытость. Она прочитывала почти все вышедшие книги, и она слушала кассеты.

Когда я говорю, что было бы лучше, если бы Индира вернулась, Я просто имею в виду, что я хотел бы открытый ум, современный, соответствующий времени, скромный, восприимчивый к новым веяниям, возникающим в мире, так что эта страна тоже становилась бы современной и соответствующей времени — а эта страна все еще не такая.

Я восхищаюсь ее смелостью, во внедрении новых программ даже несмотря на то, что эти программы были против традиционного образа мыслей этой страны. Я хотел бы, чтобы она вернулась. Несомненно, любой, какой-нибудь Том, Гарри или Дик, был бы лучше, чем Морарджи Десаи.

Я слышал историю: она пришла из очень ненадежных источников, поэтому я не знаю, правда это или нет.

Перед выборами Морарджи Десаи посетил племя аборигенов в Ассаме, где произнес прелестную речь, полную обещаний всяких благ.

«Мы увидим, — сказал он, — новую эру благоприятных возможностей».

В этом месте аборигены, *адивасы*, стали громко кричать: «Хойя, хойя!»

Ободренный, он продолжил: «Мы обещаем более хорошие школы для технического обучения».

Мистическое единство

«Хойя, хойя!» — завопила аудитория с большим энтузиазмом.

«Мы обещаем хорошие больницы и медицинскую помощь» — сказал Морарджи Десаи.

«Хойя, хойя!» — закричали бедные и необразованные туземцы.

Морарджи Десаи закончил со слезой в голосе: «Мы идем к вам как равные, как братья, так верьте нам!»

Воздух сотряснулся от одного долгого мощного «Хойя, хойя!»

Затем, очень польщенный таким приемом, он начал обход деревни. «Я вижу, вы разводите коров на мясо, — сказал он. — Могу ли я осмотреть их?»

«Конечно! Входите, — сказал вождь. — Но будьте осторожны, не вступите в хойю».

Где бы ни появлялся Морарджи Десаи, приветствуйте его: «Хойя, хойя!»

Отбросьте старые лозунги: «Долой Морарджи Десаи! Морарджи Десаи — убийца!» Я даю вам новый лозунг: «Морарджи Десаи, хойя, хойя!»

И, Каранджи, ты также спрашиваешь: *«Является ли, в таком случае, оправданным вмешательство духовных людей в индийскую политическую жизнь?»*

Я не духовный человек в традиционном смысле слова. Несомненно, все ваши так называемые духовные люди в глубоком сговоре с политиками. Между политиками и священниками всегда существовал сговор, неуловимая стратегия, для власти над людьми.

Ваши так называемые духовные люди не говорят ничего против существующего строя. Это не значит, что они не политичны — несомненно, они за существующий строй; они политичны. Они никогда ничего не говорят против него — их молчание есть их поддержка.

У нас в Индии есть поговорка: *maunam sammati lakshanam* — быть молчаливым есть знак согласия, не говорить ничего — значит соглашаться.

Карл Маркс совершенно прав, говоря, что поскольку так называемые духовные люди заинтересованы в этом, то религия

Умирание в чуде

действует как опиум для народа. Ваши так называемые религиозные люди учили и учат других покоряться существующему строю, подчиняться существующему строю, никогда не идти против существующего порядка, каким бы он ни был.

В этом смысле я не религиозный человек, не духовный человек. Я — бунтарь. Вы не можете подвести меня ни под какую другую категорию. И, по мне, жизнь есть органическое единство; она не может быть поделена, она не может быть расколота. Я буду комментировать поэзию, и я буду также комментировать политику, поскольку жизнь состоит из всех измерений.

Я не политик, правда. Но когда я вижу, как что-то идет неправильно, я должен сделать так, чтобы люди осознали это. Я имею полное право говорить о поэзии, хотя я и не поэт; у меня есть полное право говорить о музыке, хотя я и не музыкант. Но я могу показать свои симпатии и антипатии, я могу указывать, куда идут дела.

Я — просто свет. А если в комнате есть свет, он освещает все, что в ней находится — мебель, картину на стене, потолок и прочее. Я — просто свет, зеркало: я буду отражать все, что происходит.

Так что, пожалуйста, забудьте это старое разделение. Оно в действительности было компромиссом; годами между политиком и священником существовало соглашение. Соглашение гласило и гласит, что политик не будет мешать священнику; он будет платить своим уважением священнику, церкви. А священник не помешает политике; он заплатит своим уважением государству и поможет людям подчиняться государству.

Я ни с кем ни в сговоре, ни с кем не заключал соглашения. Я буду говорить о вещах таких, какими я их вижу, и меня не беспокоит, считаете ли вы меня духовным или нет. Кого это беспокоит? Я знаю совершенно точно, что тысячи людей в Индии будут озадачены, потому что они думают, что духовные люди не должны говорить о политике. Они действительно не понимают.

Не думаете ли вы, что Кришна не говорил о политике? Он не только говорил о политике — он принимал в ней участие. Несомненно, Арджуна пытался сбежать с войны. Кришна уговорил его, убедил его, что в этой войне необходимо сражаться. Ведь,

Мистическое единство

когда стоит вопрос выбора между дьяволом и добром, вы должны быть на стороне добра.

Когда я критикую Морарджи Десаи, это вопрос прошлого и будущего. И вы *должны* быть с будущим, потому что прошлое ушло, ушло навсегда. Полностью забудьте о нем. Создавайте будущее, забудьте о том, что было. Не транжирьте на это ваше время: создавайте будущее.

И в будущем есть такой трепет души; вас ожидает великое приключение. А эта страна продолжает смотреть назад. Эта страна никогда не смотрит вперед. Ее золотой век прошел; он был однажды, тысячи лет назад. Если ваш золотой век в прошлом, тогда жизнь останется бременем, потому что вы будете падать и падать, дальше и дальше, от золотого века.

Это неверный взгляд на вещи. Золотой век должен быть в будущем; его все время надо создавать. Ваши глаза должны смотреть в будущее. И, когда вы смотрите в будущее, ваше присутствие становится значимым, потому что тогда есть возможность великого приключения, исследования. Тогда дрожь творчества сотрясает вас, и через нее творится душа.

Я не духовный человек в обычном смысле слова: я сам по себе. Вы не можете категоризировать меня и повесить ярлык, как на других; я представляю не кого иного, как самого себя. То, как вы называете меня — духовным, религиозным, каким хотите — несущественно. Эти ярлыки бесполезны.

Я буду продолжать разрушать все ваши ярлыки. Я буду продолжать злоупотреблять вашими ярлыками и оковами. Это то, что я всегда делал и делаю: вы пытаетесь определить меня, а я разрушаю ваше определение, потому что все и всяческие определения есть оковы. И я здесь не для того, чтобы исполнять чьи-то ожидания.

По мне, делить жизнь — значит создавать шизофреничный мир. Политика, поэзия, религия, музыка, рисование — все существует вместе. Это все — измерения одной и той же жизни. Я принимаю жизнь во всей ее полноте. Помните, что жизнь есть органическое целое, она не может быть разделена; если вы делите ее, вы разрушаете ее.

Я верю в полноту, я верю в целостность. По мне, быть целостным значит быть святым, и нет другого вида святости. По мне, полнота жизни есть Бог. Поклоняйтесь ей всеми возможными способами.

Умирание в чуде

Я не политик; это не мой выбор. Я умею делать намного лучшие вещи. Я не интересуюсь политической властью, потому что по мне власть никогда не бывает извне. Власть есть что-то внутри вас, власть есть ваша внутренняя реальность. А быть властным над другими — это уродливо, жестоко.

Будьте хозяином своего собственного «я». Это — истинная власть. Власть, которая никогда не разрушает, но с необходимостью созидает, власть, из которой приходит великая поэзия.

Политика заботится о внешнем, политика интересуется тем, чтобы изменить обстоятельства. Есть более высокий мир, чем политика; это высокий мир духовности. Это заботят не обстоятельства, но внутреннее пространство. Измените внутреннее пространство человека, и вы автоматически измените его периферию.

Но все-таки люди, которые пытаются изменить периферию, что-то делают; в этом есть своя собственная важность. Это не *мой* интерес. Я не хотел бы идти в активную политику, никогда. Я покончил со всеми игрушками, я не ребенок. Это не означает, что я не могу высказываться об игрушках. Я не маленький ребенок, чтобы играть с игрушками, но если ребенок играет с игрушками, я могу комментировать. Я могу говорить: «Возможны лучшие игрушки». Я могу говорить: «Эта игрушка опасна, не играйте с ней. Эта игрушка может навредить вам; не играйте с ней — выбрось ее прочь». Я могу сказать лишь это.

Вот, что я делаю. Когда я говорю, что Морарджи Десаи не тот человек, который должен быть у власти, я просто говорю, что есть лучшие возможности и будет лучше, если страна выберет лучшего человека. Но это не *мой* интерес.

Итак, я не становлюсь политиком просто потому, что я высказался о политике. А я буду продолжать высказываться, потому что я не могу быть просто зрителем, когда миллионы человеческих жизней медленно идут во тьму, в нищету. Я не могу быть просто наблюдателем. Я всегда удивляюсь тому, что ваши так называемые духовные люди ведут себя лишь как зрители — что же это за духовность? Что это за сострадание? Они хитрые люди; они заключили с политиками тайную сделку. Они сохраняют покой, они всегда оставляют людей в таком состоянии, что люди никогда не становятся восставшими, что они никогда не становятся революционерами.

Мистическое единство

Политики всегда боятся повстанцев. А мои саньясины обещают стать повстанцами, бунтарями против всех видов вздора и глупости, против всех видов оков.

Моя единственная забота — религия, моя главная забота — религия. Но я буду комментировать также и другие вещи, поскольку я беру жизнь в ее полноте. Я люблю жизнь. Для меня жизнь означает — Бог.

Но позвольте мне снова напомнить вам, что я не политик. Я хотел бы, чтобы вы осознавали жизнь, как она есть. И часть ее включает политику; вы должны осознать также и это.

Папа римский благословил Адольфа Гитлера. Вот это — то, что я называю тонкой политикой. Благословение Адольфа Гитлера — просто заключение контракта, вступление в сговор.

Все политики это зло. Тогда что можно сделать? Выбрать меньшее зло.

Морарджи Десаи — большее зло, чем Индира Ганди. Индира Ганди это меньшее зло; вот почему я говорю, что будет лучше, если она вернется. Если я могу найти кого-то, кто даже меньшее зло, чем Индира Ганди, тогда я поддержу его. Но моя поддержка означает просто духовную симпатию.

Я не пойду в массы призывать их проголосовать за то или это; я не буду заниматься никакой деятельностью. Я умею делать намного лучшие вещи: моя энергия должна оставаться включенной в моих саньясинов. Я здесь, чтобы создать в мире миллионы мистиков. Вот мое единственное намерение, вот моя радость и мое празднование.

На периферии я буду комментировать многие вещи, но все это — лишь на периферии. И я духовный человек, не том смысле, что я против мира; я духовный человек не потому, что я отрекся от мира; я духовный человек потому, что *наслаждаюсь* миром. Этот мир есть проявление Бога.

Все мое учение: наслаждайтесь — никогда не отрекайтесь. Наслаждайтесь полнотой жизни, ее целостностью. Наслаждайтесь, наслаждайтесь снова.

Это естественно; люди всегда думали, что духовные люди должны оставаться подальше от мирских дел. По мне, не существует мирского дела; все дела одни и те же, все дела принадлежат одному центру. Обычная жизнь также и необычная жизнь. Это только вопрос точки зрения, правильного взгляда; тогда даже камешки на улице преобразуются в алмазы.

Умирание в чуде

Я люблю жизнь в ее полноте, как она есть. Политика — тоже ее часть. Это не мое дело, но так как это часть жизни, я буду комментировать ее.

Второй вопрос:

Ошо, во мне нет никакого ощущения чуда. Почему?

Это происходит почти со всеми. Чем более знающими вы становитесь, тем меньше остается чуда, удивления. А родители, школа, университеты, общество — они продолжают принуждать вас становиться знающими. Все их усилие в том, чтобы дать вам знание, образование. Ваше внутреннее пространство становится так наполненным знанием, что удивление, чудо исчезает, для чуда в вас не осталось места.

У ребенка — глаза удивления, чуда. Он благоговеет, он озадачен всем и вся, маленькие вещи поражают его. Отсюда его брызжащая радость, ведь его жизнь — постоянное открытие.

Вы становитесь образованными, общество хочет, чтобы вы стали образованными. Знание, образование очень, очень нужно, образование так полезно. А чудо, удивление опасно, потому что человек, который удивляется, обречен стать или философом, или поэтом, или мистиком, а все три бесполезны для общества.

Обществу нужны машины, квалифицированные машины. Давая вам все больше и больше знания, делая вас наполненными знанием, общество превращает вас в автомата, в робота. И чем больше вы думаете, что вы знаете, тем невозможнее становится чудо — потому что когда вы знаете, как вы можете удивиться?

Маленький ребенок может удивиться, почему деревья зеленые. Но как можете удивиться вы? Вы знаете, что это из-за хлорофилла — хотя вы многого не знаете, потому что может последовать другой вопрос, например, почему хлорофилл делает деревья зелеными, и вы должны будете пожать плечами. Вы должны будете просто отодвинуть вопрос немножко назад.

Чем больше вы знаете, тем меньше вы удивляетесь. Но в тот момент, когда в вас умирает чудо, в вас умирает религия, потому что религия состоит из удивления, чуда и благоговения. Знание демистифицирует жизнь и существование, а религия

Мистическое единство

существует только, когда жизнь это тайна. Поэтому вы снова должны будете научиться удивляться.

Несомненно, правильное образование никогда не сделает этого. Оно даст вам знание, но не разрушит ваше удивление; это будет правильное образование. Оно даст вам знание, но сохранит в вас осознание того, что нет знания, способного разрушить чудо. Напротив, знание, несомненно, может сделать вас более удивленными.

Маленький ребенок не может удивиться хлорофиллу. Если вы правильно обучены, образованы, вы можете удивиться зелени деревьев, вы также можете удивиться хлорофиллу.

Последними словами Альберта Эйнштейна были: «Я думал, что всю мою жизнь я лишал вселенную тайны. Однако случилось прямо противоположное. Чем глубже я входил в существование, тем глубже тайна. Я умираю, полный чуда, я умираю в чуде».

Но это редкость; это качество гения. Гений — это тот, кто не позволяет обществу свести себя к роботу: это мое определение гения. Все рождаются гениями, но люди очень скоро начинают идти на компромиссы. А когда они идут на компромисс, их таланты исчезают, их разумность умирает. Они продолжают отдавать свои души за земные вещи, бесполезные вещи — бесполезные в абсолютном смысле; они могут быть полезными здесь, но смерть придет и все эти вещи будут отобраны у вас.

Если вы можете умереть как Альберт Эйнштейн — озадаченными, полными удивления, с молитвой в сердце, с поэзией, возникающей в вас — вы прожили жизнь правильно и вы умираете правильно. А человек, живущий правильно и умирающий правильно — духовный человек.

Альберт Эйнштейн намного духовнее, чем ваши папы из Ватикана и ваши *шанкарачарьи* — намного духовнее. Прежде чем он умер, кто-то спросил его: «Если бы ты родился снова и Бог спросил бы тебя — я уверен, что ты хотел бы опять стать великим физиком и математиком?» Он сказал: «Нет, никогда! Если мне дана другая возможность, то лучше, чем быть физиком, я хотел бы стать водопроводчиком. Я хотел бы жить самой обычной жизнью, анонимным, чтобы мне было легче наслаждаться жизнью, без посторонних на моем пути. Моя слава, престиж, исследования — ничто не было моим путем, так что я хотел бы более глубокого общения с существованием».

Умирание в чуде

Ты говоришь: *Во мне нет никакого ощущения чуда. Почему?*

Очевидно, у тебя слишком много знаний.

Стремящийся к разнообразию артист вошел в контору по найму в поисках работы. Агент сказал: «Что вы умеете делать?»

Артист молча поднял руки, пролетел по офису, вылетел в окно, пересек улицу и вернулся через окно, выполнив совершенную посадку на две точки перед столом агента.

«Хорошо, хорошо, — сказал агент. — Итак, вы изображаете птиц. А что еще?»

Вот что происходит с образованными людьми. Ничто не удивляет их. Даже если бы перед ними стоял бы Бог, они скажут: «Хорошо, хорошо, вы — Бог. А что еще?»

К театральному импресарио Макси Долдому однажды подошел человек. «Я хотел бы предложить вам действительно уникальную пьесу, — сказал он. — Это взволнует весь Лондон. Все, что вы должны будете сделать — это положить в банк на имя моей жены десять тысяч фунтов, а я совершу самоубийство на сцене вашего театра».

Чем-то удивленный, Макси обдумал предложение. «Гмммммммм, — сказал он в конце концов, — Но что вы исполните на бис?»

Существуют люди, которые так утилитарны, что все их мысли наполнены «полезными вещами». Он спрашивает: «Но что вы исполните на бис?» Люди стали так сильно озабочены мирскими вещами — инструментами, удобствами, полезностью — что ничто не удивляет их, ничто не шокирует, не приводит в чувство. Они ходят, как лунатики.

Расцвел розовый куст — они не видят; они слепы. Птицы поют утром — они не слышат; они глухи. Они утратили всю чувствительность. Они стали такими мертвыми и тупыми, что ничто не затрепещет в них танцем, ничто не станет песней на их губах, ничто не заставит танцевать их ноги. И виной этому — знания.

Мистическое единство

В более понимающем мире знание все же будет дано вам, но вы также будете научены и тому, как защитить вашу способность удивляться. Ваша поэзия не будет убита, раздавлена под тяжестью знания. В настоящем университете только половина времени будет отведена под утилитарные дисциплины, а другая половина будет посвящена неутилитарным дисциплинам: поэзии, музыке, рисованию, танцу, медитации, молитве — или просто отдыху под деревом, просто молчаливому сидению под деревом, ничегонеделанию. Половина времени школ, колледжей и университетов должна быть отведена под бесполезные действия, производимые без всякой цели, но просто из чистой радости делания. Тогда только мы получим в мире целостного человека.

Вплоть до настоящего времени существовало два типа людей: один — мирянин, стопроцентно занят делом; другой — монах, он стопроцентно бездельничает. Оба — односторонни, оба что-то упускают. Монах упускает красоты мира — красоту отношений, красоту людей. Монах беден, духовно беден, потому что он упускает все богатство переживаний жизни, любви, дружбы, вражды, гнева, сострадания: он упускает все то разнообразие, что обогащает душу. Он просто пустой лист, разновидность пустого холста; на нем ничего не нарисовано, он духовно беден.

Я видел так много святых, что могу сказать вам — очень редко встретишь святого, имеющего хоть что-то за душой. Он так монотонен, так скучен, вся его жизнь — не что иное как скука. Как он умудряется жить такой скучной жизнью? Он умудряется только потому, что он затупил все свои чувства; он затупил даже свою разумность, поэтому он не способен почувствовать скуку.

Знаете ли вы? Ни одно животное, кроме человека, не чувствует скуки. Буйволы никогда не скучают, ослы никогда не скучают; у них нет разумности для того, чтобы почувствовать скуку. Только человек чувствует скуку, и только у человека есть способность смеяться. Скучающий и смеющийся — две стороны одной и той же монеты. Но ваши монахи, ваши так называемые религиозные люди не скучают и не смеются. Они пали до состояния буйволов и ослов.

Я слышал о философе, ходившем по улицам и смотревшем на небо, звезды, луну, солнце, тучи и птиц в полете. Естествен-

Умирание в чуде

но, он много раз наткнулся на людей или спотыкался обо что-нибудь. И у него была привычка — кто бы ни наткнулся на него или на кого бы он ни наткнулся, он говорил: «Вы что, осел?» И он был очень уважаемым, общеизвестным философом, так что все терпели его и никто не обижался.

Однажды это случилось — он наткнулся на осла. Только он собрался сказать свое обычное «Вы что, осел?» — он только собрался сказать это. Но затем он увидел, рассмеялся и сказал: «Сэр, вы просто являетесь самими собой. Что я еще могу сказать?»

Люди, бегущие от мира, становятся ослами и буйволами; они опускаются ниже человеческого сознания, человеческих чувств. Вот почему они не могут жить даже скучной жизнью — нет ни смеха, ни скуки. Они стали животными. Они утратили честь быть человеческими существами; они пали. Конечно, жизнь животного менее беспокойная: нет беспокойства, нет боли. Поэтому вы увидите определенное спокойствие, чистоту вокруг них — но чистота без интеллигентности ничего не стоит.

Когда есть спокойствие с интеллигентностью, рождается Будда. Когда спокойствие существует без интеллигентности, вы возвращаетесь назад в мир буйволов. Но это происходит. Некоторые люди ушли из мира в стопроцентно бесполезную деятельность — молитву, медитацию, одиночество. Это не есть и не может быть полной жизнью. А другие, — миллионы, — живут только утилитарной жизнью, имея все больше и больше вещей, имея все большие и большие банковские счета, и они не знают ничего об игре. Даже если они играют, они становятся очень серьезными в своей игре; даже их игра становится бизнесом.

Люди не могут просто играть в карты, они должны ставить на них деньги; тогда это становится серьезным, потому что принимает форму бизнеса. Надо что-то поставить на кон, только тогда они могут играть. Вы видите игроков, смертельно серьезных даже в своей игре — это вопрос жизни смерти. Кажется, никто не игрив.

Мир полон утилитарной деятельности, и люди утратили все качества медитации, молитвы, игры, удивления, ощущения благоговения. Они не смотрят на звезды, на цветы, не играют на гитаре, не поют песен без всякой причины, просто из чистой радости. Эти люди также очень бедны.

Мистическое единство

Я хочу создать в мире полностью нового человека, который не будет так или иначе беден, который будет действительно богат — у которого будет все богатство мира, отношений, всех вызовов существования, который будет способен также и быть молчаливым, создать пространство игривости, медитативности.

Это моя идея саньясина: быть в мире и все же не быть его частью. Будьте в мире и все же превосходите его. Не будьте беглецом.

Правильное образование создаст в мире саньясинов — саньясинов в моем смысле — оно создаст целого человека. Пятьдесят процентов образования должно быть посвящено миру, а пятьдесят процентов — высшему, и оба должны оставаться в гармонии, в глубоком синтезе. Тогда вы можете быть образованными, и все же удивление продолжает струиться в вас. Тогда вы можете знать, и все же вы изумлены существованием.

*П*оследний вопрос:

Ошо, что такое теория относительности?

Я не физик, я не ученый. Но я могу рассказать вам две истории, которые покажут вам, что такое теория относительности: я рассказчик.

Я слышал, что однажды Гитлер инспектировал один из концентрационных лагерей и заключенные стояли перед ним по стойке «смирно»; он заинтересовался вопросом их веса. Он выбрал троих, принесли весы. Первый потянул на пять кило, второй на шесть и последний на одиннадцать. О нем Гитлер сказал: «Вот это толстячок».

Вот что такое теория относительности. Нет утверждения, которое имеет какой-то смысл само по себе; оно имеет смысл только в контексте и в контрасте с другими утверждениями.

Теория относительности — очень сложная штука. Говорят, что, пока был жив Альберт Эйнштейн, только двенадцать человек в мире были способны понять ее. Даже Альберт Эйнштейн, когда его спрашивали, что это такое, чувствовал озадаченность — как сказать, что это? Он сам использовал примеры. Он при-

Умирание в чуде

водил тот пример, что если вы сидите на горячей плите, одна минута покажется часом; а если вы сидите со своей возлюбленной, один час покажется одной минутой.

Человек, боявшийся дантистов, медлил до тех пор, пока у него не осталось только шесть зубов.

Зубной врач осмотрел его и сказал: «Эти зубы обречены. Позвольте мне вырвать их. Позвольте мне сделать рабочим корневой канал и все остальное, что я делаю, и у вас во рту будет полностью новый набор зубчиков. Вы будете прекрасно выглядеть и вы сможете отлично жевать».

Человек сомневался. «Доктор, я по природе трус. Я не могу терпеть боль».

«Кто говорит что-то о боли? Я лечу без боли!»

«Вы говорите это, но как я узнаю, что это так?»

«Не беспокойтесь, — сказал дантист, — Я сделал точно такую же работу для другого человека. Я назову вам его телефон, и вы можете позвонить ему прямо сейчас».

Итак, человек позвонил мистеру Каплану из Бруклина.

«Мистер Каплан, — сказал он, — меня зовут Эл Голдштейн. Вы не знаете меня, но я сейчас в конторе вашего зубного врача и он говорит, что он отлично поработал с вашими зубами. Правильно?»

«Это так», — согласился Каплан.

«О'кей, — сказал Голдштейн. — Теперь мне бы хотелось, чтобы вы сказали мне чистую правду. Причинило ли это боль? Скажите мне, да или нет?»

«Я не могу сказать вам ни да, ни нет, — сказал Каплан, — Но я могу сравнить это вот с чем. Каждое воскресенье я занимаюсь греблей в Проспект-парке».

«И?», — сказал Голдштейн.

«И, — сказал Каплан, — наш дантист закончил со мной в декабре. И вот в воскресенье в июне, я, как обычно, в своей лодке на озере Проспект-парка. Внезапно одно весло выскальзывает. Когда я наклонился схватить его, мои яйца попали в замок от весла. Можете мне поверить, мистер Голдштейн, впервые за шесть месяцев мои зубы не болели!»

Вот что такое теория относительности.

The page is framed by a wide, intricate border of repeating floral and geometric motifs. In the center, a large, ornate wreath of leaves and flowers encircles the title. The title itself is written in a bold, serif font.

За пределами
тени

19 декабря
1978 года

Мистическое единство

Никто не знает, как далеко
от пустоты до Бога.
До тех пор, пока ты цепляешься за свою самость,
ты будешь брести то вправо, то влево,
днем и ночью, тысячи лет;
а затем, после всех этих трудов,
ты откроешь свои глаза,
и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродящую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова;
но если однажды, освобожденный от нее,
ты окончательно оставишь свой труд,
дверь откроется тебе в течении двух минут.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь:
ты не можешь иметь обоих — и то, и это.
Растирай свою самость месяцы и годы, до конца;
оставь ее мертвым, и когда ты закончишь с этим,
ты достигнешь вечной жизни.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.
Для взгляда не-существующего мечеть и церковь — одно;
Для понявшего тень — небеса и ад подобны.
Для того, чей проводник — любовь,
вера и безверие, оба — туман,
скрывающий дверь к другу;
само его существо — туман,
скрывающий сущность Бога.

Пока ты не отбросишь свой меч прочь,
ты не станешь щитом;
пока ты не отложишь свою корону в сторону,
ты не сможешь показывать путь.

За пределами тени

Смерть души — это
разрушение жизни;
но смерть жизни -
это спасение души.

Никогда не останавливайся в пути:
стань не- существующим; не- существующим
даже в представлении о том, как становиться несуществующим.
А когда ты покинул оба ночлега -
индивидуальность и понимание, -
этот мир станет тем.

Когда глаз чист,
он видит чистоту.

Расстанься со своей самостью...
пока ты видишь свою самость как грязное пятно,
ты не способен достичь того места;
самость никогда не вдохнет того воздуха,
так иди своей дорогой без нее.

Мистическое единство

Однажды великий просветленный мастер сидел и обмахивался веером; к нему подошел философствующий монах и сказал: «Природа ветра — вот она, ветер сам по себе, или номинальная реальность ветра — есть постоянная вездесущность, так что во всем мире нет места, не наполненного им. Если это так, зачем ты обмахиваешься веером?»

«Ты знаешь лишь теорию о том, что ветер пронизывает все в мире», — сказал Мастер.

Монах сказал: «Каков, в таком случае, истинный смысл того, что ветер существует в мире?»

Мастер просто продолжал обмахиваться.

Монах склонился в почтении.

Религия не есть нечто абстрактное, религия — это что-то очень приземленное. Религия не философия, но переживание, опыт. Так что те, кто продолжает думать о Боге, упускают его. Размышление является не путем к Нему, но барьером, не мостом, но стеной. Размышление сохраняет вас отдельными.

Сожгите ваше думанье в сильной жажде. Когда человек заблудился в пустыне и хочет, жаждет напиться, приходит момент, когда жажда больше не является мыслью в нем, когда он не думает о жажде, когда он и есть сама жажда — все его существо вовлечено в это, самая его сердцевина горит, жаждет всеми фибрами души. Он просто огонь, он — жажда.

В этой интенсивности религия становится реальностью — в этой страстной интенсивности.

Итак, запомните: величайшая проблема, которая встретится — это спекуляция, философия, теоретизирование. Человек может продолжать и продолжать теоретизировать; этому нет конца, это процесс «в бесконечность».

За одной мыслью следует другая, и так далее, и тому подобное. Вы никогда не придете к завершению процесса — завершения нет. Это порочный круг. Вы будете двигаться по кругу, как бык вокруг жернова (на мельнице — прим. пер.). Будет движение, но не будет никакого прибытия. А именно прибытие наполняет.

Религия не имеет ничего общего с думаньем, но она имеет непосредственное отношение к безмерной жажде истины.

За пределами тени

Однажды Мастер принес свое сиденье в зал собраний и сказал: «Выше куска грязи вашего красноватого тела есть Истинный Человек без чина и звания. Он постоянно входит и выходит сквозь врата вашего лица — через ваши органы чувств. Если вы еще не встретили его, хватайте его, хватайте его прямо здесь и сейчас!»

В этот момент вышел монах и спросил: «Что за парень этот Истинный Человек без чина и звания?»

Мастер внезапно соскочил с возвышения, схватил монаха и сказал ему:

«Говори, говори!» Монах заколебался на мгновение. Мастер тут же, на месте, вытолкал его, говоря: «Ах, что за никчемный уборщик этот твой Истинный Человек без чина и звания.» И немедленно вернулся в свои личные покои.

Монах на мгновение засомневался: «Что сказать?», он подумал одно мгновение, какой ответ на насилие Мастера будет подходящим. Это было мгновение, когда активизировалось непоследовательное размышление. Обратите внимание, что в этот самый момент Истинный-Человек-без-чина-и-звания превратился в бесполезного уборщика.

Различие между истиной и не-истиной невелико. Расстояние между ними почти отсутствует — оно очень тонко, как будто их разделяет только маленький волосок. Просто мгновенное размышление, единственная вошедшая мысль, маленькое облачко мысли, движущееся в вашем ясном небе, только небольшой слой пыли на зеркале, и вы утратили, вы упали из истины в не-истину, из осознанности в глубокий-глубокий сон.

Остерегайтесь думанья.

Момент прихода религии растворяется в думании, он оборачивается безобразным сном, называемым теологией. Начинается сон о Боге, небесах и аде, ангелах и дьяволах, и он продолжает создавать тысячу и одну вещь, но все они состоят из сна. Истина не имеет ничего общего со всеми этими мыслями.

А вы можете быть очень умны, и ваши мысли действительно могут быть очень аргументированными. Вы даже можете убедить других и, в конце концов, себя, но все думание есть просто вздор.

Мистическое единство

Истина есть. Вы не должны думать о ней; — вы должны видеть ее, вы должны быть ею.

Последние сутры Хакима Санаи.

Никто не знает, как далеко
от пустоты до Бога.

Нет никого, когда-либо знавшего, потому что все зависит от ищущего, его страстного и интенсивного поиска. Это зависит от вашей интенсивности. Если вы просто «тепленькие» в вашем поиске, тогда Бог очень-очень далек от вашей пустоты. Если вы полны в вашей жажде, ничего не оставлено позади, вы прыгнули в него, вы ничего не оставили за собой, ничто в вас не упущено, вы прыгнул как целое органичное единство — ваш гнев, ваша любовь, ваша ненависть, ваша алчность, все вместе — вы поставили на карту все, что у вас есть, все, данное вам природой, — тогда расстояние почти равно нулю.

Это зависит от вашей интенсивности. Мера вашей интенсивности определит меру расстояния между Богом и вашим сном без Бога.

Никто не знает, как далеко
от пустоты до Бога.

До тех пор, пока цепляешься свою самость,

ты будешь бродить то вправо, то влево,

днем и ночью, тысячи лет;

а затем, после всех этих трудов,

ты откроешь свои глаза,

и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,

бродящую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова;

но если однажды, освобожденный от нее,

ты окончательно оставишь свой труд,

дверь откроется тебе в течение двух минут.

Наблюдали ли вы, что, когда вы полностью в чем-то, самость исчезает? Вы влюблены в кого-то: в самой интенсивности вашей любви самость исчезает. Вас нет больше, есть

За пределами тени

только любовь. Или вы разгневаны: в интенсивности и полноте гнева самость исчезает. Вас больше нет, есть только гнев.

Вы можете наблюдать это в вашей собственной жизни. Всегда, когда есть нечто, захватывающее вас целиком и полностью, самость не найдена. Это великий ключ: самость имеется, только если вы в чем-то наполовину. То, что вы оставляете при себе, становится самостью.

Если вы полностью вовлечены в рисование, в какую-то работу, пение, танец или игру на гитаре, если вы *полностью* в этом, вы немедленно увидите, что вас здесь нет. Что-то свыше овладело вами. Здесь нет самости, есть *не-самость*.

А быть в состоянии не-самости значит быть в Боге. Быть в состоянии самости значит идти далеко прочь от Бога — самость это расстояние, дистанция. Этот механизм должен быть понят. Когда этот механизм понят ясно, проблемы не существует: тогда Бог так очевиден.

А вы подходили к этой точке много раз, неосознанно, конечно. Наблюдая прекрасный заход солнца, вы были так потеряны в красоте этого, что на мгновение не было идеи самости. Вас не было здесь. Было полностью другое качество: вас не было здесь. Что-то было, но вы не можете назвать это «Я», вы не можете назвать это никаким застывшим состоянием эго. Вы были жидкими, струящимися.

Это то, что Кришнамурти называет моментом, когда наблюдатель становится наблюдаемым.

Солнечный закат был здесь, и заката было так много. Он овладел вами. Наблюдатель исчез в наблюдаемом. Закат был всем; вы не были отделены, вы не стояли одиноко и не наблюдали, вы не были зрителем. Вы были в нем, вы были частью его, вы начали чувствовать вид плавления, слияния.

Отсюда ощущение свободы от красоты, отсюда ощущение свободы в любви, отсюда ощущение свободы от музыки, великой музыки. Вы знаете эти мгновения — они приходят естественно, и они уходят. Но вы никогда не могли подойти к ним научно. Вы не размышляли над ними, вы не искали ключей, скрытых в них.

Ключ в том, что всегда, когда нет вас, есть Бог.

Это может быть сделано сознательно. Тогда не нужно ждать солнечного заката, потому что это будет, кроме всего прочего, видом зависимости. Тогда не нужно ждать любви — это снова

Мистическое единство

будет некой зависимостью; она может на мгновение освободить, но потом она снова станет оковами.

Если вы влюблены в женщину или мужчину, это освобождает. Вот почему люди влюбляются. Но рано или поздно они находят, что ощущение свободы исчезло, испарилось, и вместо этого ощущения свободы они внезапно проснулись в оковах — в цепях, заключенными.

Что случилось с любовью, которая была столь освобождающей? Как она стала тюрьмой? Вы стали зависимыми от нее, вы стали наркотически привязанными к ней; она была так прекрасна, она стала для вас наркотиком. А когда что-то становится наркотиком, когда вы одурманены чем-то, тогда, что бы это ни было — вы в оковах. Тогда это не освобождает, это не может освобождать. Это становится безобразным; все становится горьким, отравленным.

Нет, человек не может быть освобожден этими малыми переживаниями красоты, любви, музыки. Они, правда, дают вам проблески, но эти проблески не могут стать состоянием вашего бытия. Вы должны научиться тайне разрушения самости сами.

Каждое переживание, давшее вам некоторый вид свободы, в основе своей было опытом разрушения самости. Так что теперь, чем зависеть от чего-то, начните разрушение самости сами. Сидите молча, исчезните: не будьте. Работая, исчезнете — не будьте.

Когда у вас есть время, исчезнете. И тогда, постепенно, появляется умение. Тогда вы можете продолжать двадцать четыре часа работать, жить своей обычной жизнью, и все же вы не здесь. В вас остается какое-то чистое, молчаливое пространство.

Это молчаливое пространство есть Бог.

И это может случиться немедленно, потому что нет ни одного мгновения, когда Бог далеко от вас. Вы можете быть далеки, но Бог никогда не далек от вас. Вы можете быть погруженными в глубокий сон, но в любой момент вы можете проснуться. Возможность проснуться всегда остается вашей.

...а затем, после всех этих трудов...

Хождения вправо и влево, делания того и этого — методов йоги, молитвы, медитаций; есть тысяча и один метод. Делая то,

За пределами тени

делая это, — однажды вы внезапно просыпаетесь. Вы просто открываете глаза и в вас возникает великое веселье, смех над нелепостью ваших трудов — потому что вы пытались получить то, что вы уже получили. Отсюда абсурд.

Говорят, что Хотей, когда стал просветленным, стал смеяться. Он прожил годы, но смех продолжался. Когда бы кто-либо ни говорил ему: «Скажи нам что-нибудь. Каково твое послание?», он начинал смеяться, звонко смеяться, он начинал кататься по полу.

Почему Хотей делал такие нелепости? С его точки зрения, сама идея поиска Бога нелепа, потому что Бог уже есть. Вам не нужно никуда идти, вам нужно просто открыть глаза. Вы никогда не упустите его.

Он — ваша жизнь. Он — биение вашего сердца, вы вдыхаете и выдыхаете его, он обращается в вашей крови. Он — ваша осознанность, и он также ваш сон. Просто откройте глаза.

...а затем, после всех этих трудов,
ты откроешь, наконец, свои глаза,
и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродающую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова...

Каков неустранимый порок самости? Ее неустранимый недостаток в том, что самость есть ложная сущность — а ложь не может встретиться с истиной. Тьма не может встретиться со светом; если вы вносите свет, тьма исчезает. Если вы хотите, чтобы было темно, вы должны будете убрать свет; они никогда не встречаются.

В темноте есть неустранимый недостаток. Что это за неустранимый порок? Она несуществующая, это тень. Тень следует за вами, и она следует так постоянно, так непрерывно, что вы можете начать думать о ней так, как будто она есть что-то реальное. Куда бы вы ни шли, она с вами; она никогда не покидает вас. Но, все-таки, ее нет.

Оренштайн, держа руки в карманах, прогуливался по фешенебельному парку в глубокой задумчивости, когда к нему подбежал полицейский сержант.

Мистическое единство

«Выгуливайте собаку на поводке», — рявкнул полицейский, указывая на большого рыжего пса, резвившегося около ног Оренштайна.

Оренштайн, не вынимая рук из карманов, пошел прочь, не удостоив полисмена даже взглядом. Полицейский пошел за ним. «Что с вами? — сказал полисмен. — Везде развешаны знаки, запрещающие выгуливать в этом парке собак без поводка!»

Оренштайн пошел прочь, не говоря ни слова. «Нет, мы не можем так это оставить, — сказал озадаченный полисмен. — Я должен буду взять с вас штраф».

«Штраф?» — спросил Оренштайн. «За что? Это не мой пес!»

«Это не ваша собака? — сказал сержант. — Тогда какого черта она бегаёт за вами?»

«А вы? — спросил Оренштайн, вынимая руки из карманов. — Разве вы не бегаете за мной? А? А вы тоже не мой пес!»

Тень, которая постоянно следует за вами, может дать вам ощущение, что она есть нечто реальное, что она принадлежит вам. Вы можете отождествиться с ней.

Эго это просто тень, тень самости. Оно не самость, не ваша подлинная суть, оно просто тень. Узнать его как тень значит быть свободным от него; больше ничего не нужно. Вы не боретесь с ним, вы не идёте и не делаете ничего для того, чтобы убежать от него — потому что если вы пытаетесь избавиться от него, это просто покажет, что вы все еще думаете, что оно реально.

Так случается, что много людей приходят ко мне и спрашивают: «Как избавиться от эго?» Сам вопрос бессмысленен. Но есть люди, так называемые религиозные святые, которые дадут вам методы, практики, чтобы избавиться от эго. Прежде всего, глуп сам вопрос. А ответы, которые на него даются, еще глупее.

Вы не избавитесь от эго, потому что вы не можете убежать от того, чего нет. Тем, что вы приложили усилие, чтобы избавиться от него, вы допустили его реальность — вот где основной недостаток. Знайте, что эго есть просто тень, и вы свободны от него. Пусть оно следует за вами, это несущественно. Его *нет*: оно не может влиять на вас, оно не может что-то с вами сделать.

Даже когда кто-то становится просветленным, он должен использовать слово «Я». Кришна использует его, Христос ис-

За пределами тени

пользует его, Будда использует его: они все еще используют слово «Я». Вы тоже используете слово «Я», но смысл, вкладываемый вами, не тот, что у будд. Будды используют его только как лингвистическое приспособление, вы используете его, как нечто реальное. Будды используют его только как инструмент, как что-то произвольное, но имеющее смысл с точки зрения языка. Но нет эго, соответствующего «Я», нет реальности, согласованной с ним.

Когда вы используете «Я», вы думаете, что внутри вас есть некто, соответствующий идее «Я». Это единственное отличие. Вы думаете, что тень реальна, а затем хотите убежать от нее, или вы хотите сделать ее все сильнее и сильнее, больше и больше, что одно и то же. Есть люди, желающие сделать свои эго очень большими и великими, и есть люди, желающие, чтобы их эго исчезли полностью. И все в одной и той же лодке.

Настоящий человек понимания, осознания, просто смеется над всей проблемой.

Никогда не задавайте неправильных вопросов, иначе найдутся люди, которые поддержат вас неправильными ответами. А в том, что касается эго, все вопросы неправильны.

Миссис и мистер Готбаумы отпраздновали тридцатилетие брака походом в шикарный ресторан. Очарованные элегантной атмосферой, они насладились выбором и вкусом блюд со странно звучащими названиями.

Как бы там ни было, в конце ужина официант принес две чашки для мытья рук и поставил их на стол. Супруги посмотрели друг на друга. Они не знали, что делать.

«Спросить официанта?» — спросила миссис Готбаум.

«Ты что, с ума сошла? — воскликнул муж. — Показать наше невежество? Какой позор!»

«Да, — сказала она. — Но будет еще более позорным не использовать их вовсе».

«Правда», — сказал мужчина. Поэтому он позвал официанта и сказал:

«Простите меня, но не могли бы вы сказать назначение этих чаш с... эээ... жидкостью?»

Официант был вежлив.

«Сэр, это чаша для умывания рук. Вы погружаете пальцы в ароматизированную воду, а потом вытираете их о салфетки».

Мистическое единство

Мистер Готбаум подождал, пока официант ушел. Затем он повернулся к жене и сказал: «Видишь, Молли? Ты задала глупый вопрос и получила глупый ответ!»

Запомните, есть вещи, все вопросы о которых глупы и все ответы глупы также. Эго — одна из таких вещей. Не задавайте вопросов об эго — просто наблюдайте его. Смотрите на его действия, наблюдайте за его неуловимыми путями, без осуждения, без оценивания, просто наблюдая, чтобы узнать, что это, узнать, что оно собой представляет. Не говорите, что оно хорошо, не говорите, что оно плохо, не пытайтесь возвеличить его, и не пытайтесь сделать так, чтобы оно исчезло. Просто наблюдайте. Это нечто, что всегда с вами, следует за вами: что это такое?

И не спрашивайте никого другого, это не нужно. У вас оно есть; вы можете наблюдать за ним.

И в самом этом наблюдении, не судящем наблюдении, вы удивитесь; однажды вы увидите, что эго в действительности не существует. И в то мгновение, когда вы увидите, что эго не существует, ваши глаза откроются тому, что за пределами эго, тому, что за пределами тени. Бесконечный свет впервые проникнет в вас.

Не привязывайтесь к эго. Эгоист привязан к нему, и так называемый смиренный человек привязан к нему. Несомненно, смиренный человек пытается сотворить более изощренное эго, более неуловимое, украшенное, изысканное — вот и все. Он носится с идеей: «Я смиренен; нет никого смиреннее меня».

Когда Томас Манн впервые был с визитом в Америке, один из голливудских писак унижал себя перед романистом, упирая на то, что он — ничто, простая банальность, его работа недостойна упоминания даже рядом со вздохом мастера. Манн выслушал его с бесконечным терпением и учтивостью, но когда собеседник ушел, он повернулся к хозяину, своему старому другу, и сказал: «Этот человек не имел права делать себя таким маленьким. Он не настолько велик».

Смирение также делает людей большими. Смирение — самый неуловимый путь эго, самый неуловимый — очень очищенный, культурный, изощренный. Эгоист явен, смиренный человек

За пределами тени

не так явен, но суть игры одна и та же. Взгляните на игру, наблюдайте игру. И не начинайте наблюдать с уже имеющимися идеями. Это — проблема, вот почему многие люди не могут выйти за пределы эго: они уже решили, что это такое.

Западные психологи говорят, что это очень хорошая вещь, ее нужно усиливать, эго нужно делать более сильным. Вам нужно быть агрессивным, лишь тогда вы сможете действовать в мире. А чтобы выжить вам нужно сильное эго, потому что жизнь это постоянный конфликт. Если ваше эго слабо, каждый сможет уничтожить вас.

Поэтому вся западная культура зависит от усиления эго, от того, чтобы делать эго все более и более сильным, все более и более кристаллизованным. Подход Востока прямо противоположен — станьте смиренным, просто думайте о себе, как будто вы — ничто. Но это «как будто» делает все лишь сотворенным: будьте смиренным, унижайте себя, позвольте эго полностью исчезнуть.

Эти две точки зрения кажутся прямо противоположными, диаметрально противоположными. Но глубоко внутри они не прямо противоположны, но взаимодополняющи. Восточный человек создал очень тонкое эго — религиозное эго, но это та же игра. На Западе оно более проявлено, и причина в том, что Запад — это новое явление.

Настоящий западный ум есть лишь побочный продукт этих трехсот лет научного воспитания. Восток существует по крайней мере, десять тысяч лет; и он научился более лучшим путям сотворения эго. Он стал очень-очень хитрым и умным.

Запад немного ребячлив, а Восток стар, и ему присуща вся хитрость старика. Но усиливаете ли вы эго или ослабляете, одно абсолютно очевидно, что вы оба приняли его существование, его реальность.

Вот что не так — оно нереально. Вам не нужно эго усиливать, вам не нужно эго ослаблять. Нужно лишь проникнуть в суть эго функционирования, и само это озарение растворит эго. И оно останется тогда лишь как тень — средство для речи, не имеющее экзистенциальной истины в себе. Тогда вы можете эго использовать, но оно не использует вас.

... а затем, после всех этих трудов,
ты откросьшь наконец свои глаза,

Мистическое единство

и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродящей вокруг самой себя, как вол вокруг жернова;
но если однажды, освобожденный от нее,
ты окончательно оставишь свой труд,
дверь откроется тебе в течение двух минут.

Да, она откроется в течение двух минут. Почему двух минут? Почему не одной минуты? Это метафора, суфийская метафора: одна минута для вас, одна минута для Бога. Одна минута для вас, чтобы открыться, и одна минута для него, чтобы войти в вас. Несомненно, эти две минуты — не две минуты, но две стороны одной медали. Здесь вы исчезаете, и там немедленно появляется он.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь:
ты не можешь иметь обоих — и то, и это.
Растирай свою самость месяцы и годы, до конца;
оставь ее мертвым, и когда ты закончишь с этим, -
ты достигнешь вечной жизни.

«Бог не будет вашим, пока вы цепляетесь за душу и жизнь». Пока вы цепляетесь за идею отдельности, за то, что «Я отделен от существования», Бог не будет вашим, потому что Бог — в единстве с существованием: *unio mystica*, мистический союз. Бог есть, несомненно, единство. Бог это не личность, но единство.

Когда река встречается с океаном, — эта точка встречи есть Бог. Когда двое влюбленных растворяются друг в друге, — это растворение есть Бог. Когда художник затерялся в своей картине, этот момент — Бог. Бог — это пространство, где двойственности растворяются, исчезают, и появляется единство.

Известная даосская история гласит, что великий император попросил величайшего художника своей страны нарисовать на стене своей спальни вершины гималайских гор. «Нарисуй Гималаи», — он был любителем Гималаев. Художник работал два или три года, и когда картина была закончена, он попросил короля прийти и посмотреть.

За пределами тени

Покров, укрывающий стену, сняли. Император был просто перенесен в другой мир. Он много раз был в Гималаях, он любил горы, но художник превзошел реальность. Он смотрел, и смотрел, и смотрел. Он был так удивлен, что не мог вымолвить ни единого слова в течение многих минут.

Затем он вдруг сказал: «Но я был в тех местах. Я никогда не видел этой тропинки, что идет вокруг гор. Где ты взял идею этой тропинки?»

И история говорит, что художник сказал: «Я не знаю, право. Позволь мне пойти и посмотреть». И он вступил на тропинку и исчез за горой — на картине! — и никогда не вернулся снова.

Странная история, невероятная. Как вы можете войти в картину и никогда не вернуться вновь? Но в этом — безмерная значимость. Это не историческое событие, но мифологическое, поэтическое, которое говорит о многом.

Оно говорит, что художник может исчезнуть в своей картине: только тогда он — художник. Поэт может исчезнуть в своей поэзии: только тогда он поэт. Если он не может исчезнуть в поэзии, тогда его поэзия просто мусор. Если он не может исчезнуть в своей картине, то он может знать все техники рисования, но он не великий художник. Он может быть техником, он может знать о красках и холсте всё, он может знать, как рисовать, но в нем нет подлинного гения. Его картина есть нечто отдельное от него: он еще не нашел единства со своей картиной.

А всегда, когда найдено единство, найден Бог.

Вот почему я говорю, что к Богу есть столько же дверей, сколько и людей. Все, что нужно — это потеряться в том, что вы делаете — что бы вы ни делали! — будьте так наполнены этим, чтобы ничего не осталось позади. В этом самом мгновении есть Бог. Бог — это *unio mystica*: мистический союз.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь...

Если вы цепляетесь за свое отдельное существование, если вы цепляетесь за вашу отдельную жизнь, Бог не будет вашим — потому что Бог это единство.

...ты не можешь иметь одновременно и то, и это.

Мистическое единство

Вы не можете иметь одновременно и отдельность и единство; это невозможно. Это невозможно по самой природе вещей. Или вы можете быть едины, или вы можете оставаться отдельными.

Растирай свою самость месяцы и годы, до конца;
оставь ее мертвым, и когда ты закончишь с этим, -
ты достигнешь вечной жизни.

Есть парадокс: когда вы больше не заинтересованы в вашей отдельной жизни, в вашем отдельном бытии, вы получите вечное существование и вы получите вечную жизнь. Вы можете исчезнуть как маленький огонек свечи, но вы станете солнцем всех солнц. Вы можете исчезнуть как капля, но вы станете океаном.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.
Для взгляда несуществующего мечеть и церковь — одно;
Для понявшего тень — небеса и ад подобны.
Для того, чей проводник — любовь,
вера и безверие это туман,
скрывающий дверь к другу;
само его существо — туман,
скрывающий сущность Бога.

«Оставайся незатронутым надеждой и страхом». Как войти в это мистическое единство? Что сохраняет вас отдельным? Что разделяет вас? Все хотят убежать от страха, но никто не хочет убежать от надежды — а страх это часть надежды, другая сторона надежды. Так что если вы хотите сохранить надежду, страх входит через заднюю дверь. Все хотят отбросить всякую боль, но никто не хочет отбросить наслаждение — а боль это часть наслаждения. Вы хотите быть счастливыми, вы не хотите быть несчастными, но несчастье есть часть счастья.

Осознайте, взгляните на эту двойственность. Любовь и ненависть — вместе, рождение и смерть — вместе. Пойдите и наблюдайте это в вашей жизни: всё, что бы вы ни нашли, есть

За пределами тени

часть своей противоположности. И проблема, дилемма, в том, что мы хотим отбросить половину и оставить другую половину, Это невозможно: вы не можете отбросить одну сторону монеты и сохранить другую половину. Вы должны или сохранить обе, или отбросить обе; вы не можете выбрать одну. Или выберите всю монету, или отбросьте всю монету.

Вы хотите любить, но вы не хотите ненавидеть — это невозможно.

Теперь эта древняя истина стала также частью современных психотерапий. Современная психология также согласна с той истиной, что любовь и ненависть не две разные вещи. Несомненно, использовать два слова по отдельности с предлогом «и», разделяя их, неправильно; это может быть правильно грамматически, но экзистенциально это неправильно.

Так что те, которые более бдительны, более осознают это явление, стали использовать одно слово: «любовь-ненависть». «Любовь и ненависть» — неверно; тогда некоторые психологи стали использовать «любовь-ненависть» с дефисом; сейчас более понимающие отбросили даже дефис, поскольку нет даже дефиса, существующего между двумя. Любовьненависть — просто одно слово. Надеждастрах это одно слово, рождениесмерть есть одно слово.

Все, что вы должны помнить — то, что двойственности не есть двойственности. Тогда будет понято нечто безмерно важное. Теперь, если вы хотите, вы можете сохранить оба — но кто хочет сохранить ненависть, кто захочет сохранить смерть, кто захочет сохранить страдание? Тогда отбросьте и то и другое.

В этом исчезновении исчезает барьер между вами и реальностью — потому что когда отброшены все двойственности, вы начинаете падать в единение с существованием.

Бог един, вы двойственны — в этом проблема. Когда вы отбрасываете двойственность, вы тоже становитесь единым.

Оставайтесь незатронутым надеждой и страхом.

Для взгляда несуществующего — мечеть и церковь — одно...

Наблюдайте — мы создали двойственности везде: мечеть и церковь, Коран и Библия, индуист и христианин. Мы создали так много двойственностей. Есть естественные двойственности, как любовьненависть, и есть неестественные двойственности,

Мистическое единство

как католик и коммунист, как Кремль и Кааба. Мы создали много — имеются естественные двойственности и двойственности, созданные людьми; мы окружены двойственностями. А существование недвойственно.

В то мгновение, когда вы отбрасываете выбор между двумя, в то мгновение, когда вы становитесь невыбирающим, в то мгновение, когда вы остаетесь невыбирающим сознанием, внезапно случается великое озарение. Тогда несущественно, — живы вы или мертвы, ведь все — одно. Несущественно, достигли ли вы успеха или потерпели поражение, все — одно. Несущественно все случающееся с вами, ведь ваше глубочайшая сущность всегда остается превыше всего что происходит. Тогда вы ни грешник и ни святой.

Люди дао, дзен, суфии никогда не называют своих Мастеров святыми — никогда; они называют их мудрыми. И они подчеркивают огромную разницу между святым и мудрым. Святой всегда против грешника, святой — часть двойственного мира. Мудрец это тот, кто отбросил всю двойственность; он не против грешника, он ничего не знает о грешнике и святом, он никто.

Поэтому очень трудно понять мудреца. Очень просто понять святого; святой находится внутри вашего понимания, потому что он живет в том же мире двойственности, в котором живете вы. Вы можете понять грешника и святого — обоих. Но чтобы понять мудреца, вы должны будете выйти за пределы двойственности.

Легко понять грешника, легко понять святого. Один выбрал темную сторону жизни, а другой выбрал светлую, но оба делают выбор. А в момент, когда вы делаете выбор, — вы в оковах.

Свобода это невыбирание. Мудрый не выбирает: он живет от мгновения к мгновению, без всякого выбора. Он позволяет жизни течь через него. Он позволяет Богу делать все, что в его воле; у него нет собственной воли.

У святого есть своя собственная воля, иногда намного сильнее, чем у грешника. Вот почему сказано о грешниках, что они слабые люди, что у них много слабостей, что они — жертвы человеческих слабостей. А святой — сильная личность, человек с силой воли. Если это так, тогда грешник ближе к Богу, чем святой, потому что меньшая сила воли означает меньшее эго.

Это также и мой опыт. Я видел и тех и других, наблюдал как святых, так и грешников. Грешники более невинные, чем свя-

За пределами тени

тые. Святые очень хитры, очень умны, настоящие лицемеры. Грешник прост, невинен, подобен животному.

Мудрый тот, кто отбросил обоих — грешника и святого, кто просто живет, спонтанно, естественно. У него нет идеи, как прожить жизнь. Он не беспокоится о грехах и не практикует добродетели. Он невинен, как ребенок.

Мои саньясины должны всегда помнить, что я не создаю здесь святых, вовсе нет. Мир так сильно обременен святыми, они создали в мире так много суматохи. Они разрушили естественность человека, они сделали человека фальшивым. Я за мудрых, а не за святых. А осознание-в-мудрости есть только тогда, когда отброшена двойственность, отброшен выбор. Человек должен сдаться Богу — течь с рекой, не иметь больше никаких личных целей. Он просто чувствует себя частью целого. «Куда бы ни шло целое, я иду туда же. Если оно никуда не идет, и я не иду никуда. Я абсолютно сонастроен с целым». Это — состояние мудреца.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.

И вы станете мудрыми.

Для взгляда не-существующего мечеть и церковь — одно...

Мудрец не экзистенциален; он не существует как отдельная сущность. Поэтому мудрец не делает различия между мечетью и храмом, церковью и *гурудваром*. Для него это одно и то же; все дома — дома Бога, даже обычные дома это храмы.

Для взгляда не-существующего — мечеть и церковь — одно;
для понявшего тень — небеса и ад подобны.

Только эго думают о небе и аде. Те, кто отбросил свои эго или понял, что эго нет, но есть просто тень — для тех нет ни ада, ни небес. Снова, запомните: небеса и ад не два слова; мы должны использовать одно слово, небоад.

Для того, чей проводник — любовь...

Мистическое единство

А в этом состоянии отсутствия выбора вашим проводником становится любовь. В безвыборности любовь начинает переливаться через край.

Для того, чей проводник — любовь,
вера и безверие это туман...

Мудрец — не верит и не не верит. Он просто живет самой обычной жизнью. Он совершенно обычен: когда он голоден, он ест; когда ему хочется спать, он спит. Он ничего не возложил на себя, у него нет идеалов. Он ни верит, ни не верит; он об этом молчит.

А что такое ваша вера? Просто подавленные сомнения. Взгляните в каждую из ваших вер, и глубоко, на дне, вы найдете ее прямую противоположность: великое сомнение. Чем больше сомнение, тем большую энергию вы должны вложить в вашу веру.

Когда кто-то говорит: «Я глубоко верю...», это просто показывает, что он глубоко сомневается. Фанатики — величайшие из сомневающихся. Они *должны* быть фанатиками, иначе они не смогут подавить свои сомнения. А это рождает лицемерие.

Я слышал об одном «целителе верой» из «Христианской Науки».

Был великий «целитель верой»,
Который сказал: «Хотя боль и нереальна,
Но если я сию на иголке
И она колет мою кожу,
Мне не нравится воображать то, что я чувствую».

Так и будет. Вы можете взгромоздить на себя веры, но вы не можете так легко отделаться от реальности. Вы станете лицемером.

Для того, чей проводник — любовь,
вера и безверие это туман...

Потому что любовь открывает двери сердца, а вера и безверие лишь интеллектуальны. Кто-то верит, что Бог есть: это предохраняет его от того, чтобы узнать Бога, потому что он уже верит, без знания Бога, в то, что Бог есть. Его вера неискренна, его вера неистинна, потому что он все еще не знает. Посмотрите на неискренность так называемых верующих.

За пределами тени

И человек, который говорит: «Я не верю в Бога» — так же не искренен, потому что если вы еще не poznali, как вы можете не верить?

Искренний человек будет агностиком. Он не будет выбирать; он не скажет «да», он не скажет «нет». Он останется свободным, незатронутым. Он скажет: «Я буду искать. Я пойду в себя так глубоко, как могу, так тотально, как могу. Я растаю в существовании, я отброшу это разделение и увижу, что происходит, возможен ли союз, или нет. Если это случается, я узнаю; если это не происходит, я узнаю.»

Но помните, когда вы не знаете, вера не важна. Когда вы знаете, и тогда вера не важна. Когда человек знает, он знает; не возникает вопроса о вере.

Вера и безверие — это туман,
скрывающие вход к другу...

Утверждение Санаи имеет огромное значение. Как вера, так и безверие, как атеист так и теист, ушли в сторону — они продолжают удаляться от Бога.

Двери божьи открыты только для сердца тех, кто не верит, кто не не верит, кто просто открыт. Верящий или не верящий ум, это ум закрытый; он уже набрал предрассудки. А если вы набрали предрассудки, отравлены другими. Осознайте это.

Ваши родители отравляли вас, ваши политики и ваши священники, ваши учителя — все отравляли вас. Они давали вам свои верования. Почему каждый хочет навязывать свои верования другим? Потому что, если кто-то начал верить так, как верите вы, он становится вашим рабом. Вы чувствуете себя хорошо — ваше господство стало больше, ваши владения расширились, еще один человек стал частью вашего господства.

Родители набрасываются на своих детей когда они очень молоды. Священники постоянно беспокоятся, чтобы завладеть умами детей в как можно более раннем возрасте, чтобы они могли навязать свои верования чистому детскому сознанию. А ребенок так беспомощен, он даже не может сказать нет; он не знает, как сказать нет. Он не может сопротивляться, он не может бороться против них. Это очень недемократично; вся эта религиозная ерунда, которая продолжается, очень недемократична.

Если бы демократия в самом деле случилась бы в этом мире, священникам и родителям нужно было бы запретить навязывать свои верования детям. Детей нужно бы оставить в покое; лишь когда они становятся взрослыми они могут сами задавать вопросы.

Мистическое единство

Да, давайте им жажду истины, но не давайте им верований. Давайте им страстное желание спрашивать, но не давайте им концепции. Давайте им медитативность: говорите им, как быть молчаливыми, говорите им, как сидеть, ничего не делая, как оставаться незанятыми. Говорите им все это, потому что это не верование; но не говорите им во что верить, а во что не верить. Не делайте их христианами, индуистами и мусульманами.

Сделайте их медитативными, вот и все. Помогите им стать более интеллигентными, отточите их интеллигентность, чтобы когда они смогут жить сами по себе, когда они станут достаточно зрелыми, они были бы способны найти свой путь. Они смогут найти свой путь к Богу.

И это будет очень легко. Миллионы людей могут достигнуть Бога, это наше прирожденное право. Но мы не достигаем его, потому что перед тем, как достичь Бога мы уже нагружены таким количеством верований. И все эти верования неискренни — они разрушили наше вопрошание, они разрушили нашу открытость, мы стали закрытыми.

Дверь к другу закрыта из-за наших верований и не верований.

Само его существо — туман,
скрывающий сущность Бога.

Сама идея «я есть» скрывает суть Бога. А верования и не верования очень важны для эго, это помощники эго. Просто подумайте: если вы не индуист и не мусульманин, и не христианин, то часть вашего эго уже исчезла. Если вы не верите в Библию, и не верите в Коран, и не верите в Капитал, — то другая часть исчезла. Все это питает наше эго.

Просто подумайте на мгновение: если бы у вас не было никаких верований и не верований, в вас бы создалось чистое пространство. В начале это могло бы пугать, потому что вы не знали его так долго, вы полностью забыли, что когда-то оно было вашим пространством.

Когда вы родились, вы родились как *табула раса* — чистыми, ясными, просто пространством. Вы родились как пустое небо. А затем собрались многочисленные облака, и все пространство, ясность и открытость были утеряны.

Саньяса означает создать это пространство вновь.

Как раз недавно женщина написала мне письмо. Она католичка, и из-за того, что она не пошла в церковь в прошлое воскресенье, она чувствует вину и очень напугана. Теперь она хочет принять саньясу и боится, что случится с ее католическим воспитанием, церковью и священниками.

За пределами тени

Я могу понять ее страх, он естественен. Но никто не рождается как католик, или протестант; нас научили этому.

И помните, Богу нельзя научить. Религии нельзя научить, ее нужно поймать, ей нельзя научиться. Быть католиком это просто быть глупцом. Если вы можете найти где-то Христа, будьте с ним всеми возможными путями, будьте с ним тотально, не тусуйте эту возможность — потому что с ним можно получить элигию. Но ни один католический священник не может преподать ее вам, ни одна церковь не может дать ее вам.

Вам нужно быть в соединении с живым мастером. Если вы можете найти Христа, будьте с ним, если вы не можете найти Христа, — будьте с Буддой; если вы не можете найти Будду, будьте с Магометом — но найдите кого-то живого. И вы удивитесь — с Буддой вы, Христом, Магометом или Санаи — это не имеет значения. Вы поймаете ту же религию. Это тот же Бог. Если вы здесь, вы можете поймать это. Вместо того, чтобы думать о том, чтобы ходить в церковь, где священник просто говорит вещи, которые сказали ему другие, где он функционирует лишь как механизм. У него нет своего собственного озарения. Он верующий, он даст вам свою веру. Но вера это не религия. Вам нужно будет поймать религию. Ее нужно вдохнуть.

Счастливы были те немногие люди, которые жили с Иисусом. Но все те, кто ходит в церкви — просто несчастны. Счастливы те немногие люди, которые жили с Буддой, но те, кто зывает себя буддистами, потому что их научили быть буддистами, — они просто несчастны — потому что из-за их так называемых верований они не могут искать живого Будду вновь.

Я хотел бы сказать этой женщине: Если вы саньясин, это приведет вас ближе к Христу, чем что-либо другое. Форма может отличаться, но суть та же самая. Мой язык отличен от Иисуса, моя форма отлична от Иисуса, то, как я работаю, отлична от Иисуса. Но суть та же самая, цветение то же самое.

Когда вы здесь — вы с Иисусом. Когда вы становитесь саньясином, вы уже в самом деле вошли в мир сознания Христа. Это не церковь; церкви возникают лишь когда мастера уходят, церковь — это мертвая религия.

И ловите Бога, когда он где-то жив, живет в таком же теле как вы. Эти мгновения редки; лишь очень немногие счастливые люди способны это делать, потому что верования мешают всем. Кто-то католик, он не может сюда прийти, кто-то протестант — не может сюда прийти, кто-то — индуист, он не может сюда прийти — их верования мешают им. Кто-то коммунист, он не может сюда прийти.

И когда Иисус был здесь все было так же: из-за того, что кто-то был иудеем, он не мог идти к нему. Так же обстояло де-

Мистическое единство

ло, когда Мухаммед был здесь: кто-то был христианином, а кто-то иудеем, и они не могли идти к нему. Вот как люди продолжают упускать.

Религия должна быть впитана из живого источника.

Пока ты не отбросишь свой меч прочь,
ты не станешь щитом;
пока ты не отложишь свою корону в сторону,
ты не сможешь показывать путь.

Очень важное, несущее многое утверждение.

Пока ты не отбросишь свой меч прочь...

Этот меч представляет ваш поиск безопасности, ваше желание защиты. Все ищут безопасность, быть в безопасности. И из-за этого глупого поиска безопасности и надежности вы упускаете Бога вы упускаете жизненность, потому что безопасность возможна только если вы почти мертвы. Чем более вы мертвы, тем в большей вы безопасности.

Если вы хотите жить, есть опасность: жизнь означает опасность. Есть лишь один путь жить. Фридрих Ницше сказал: «Живите в опасности». И это единственный путь жить: вам надо жить в опасности.

И красота опасности в том, что если вы стали достаточно храбры, чтобы жить в опасности, вся опасность исчезает из жизни. Алан Уоттс назвал это «безопасностью опасности».

Существует что-то подобное опасности безопасности. То о чем вы думаете, что оно безопасно, таким не является; глубоко внутри есть скрытый поток опасности. У вас деньги в банке, но банк может обанкротиться — что это за безопасность? У вас сильное тело, но даже сильное тело может заболеть — у вас может быть сердечный приступ и раньше или позже смерть овладеет вами. У вас прекрасное тело, но оно может стать уродливым через мгновение. Может произойти дорожное происшествие или что-то подобное. У вас есть прекрасная женщина, которая любит вас, но завтра она может влюбиться в кого-то еще. Если может любить вас почему она не может любить кого-то еще?

Вы кого-то любите сегодня, а завтра? Кто знает... Все небезопасно. Вы только претворяетесь, что все безопасно. Ваша безопасность это лишь камуфляж. За ним все небезопасно.

За пределами тени

Ваши друзья могут стать врагами, ваши братья могут предать вас; ничто не безопасно.

Поэтому сначала увидьте, что вся наша безопасность поверхностна, это фасад. За ней есть безопасность. И наоборот — если вы начинаете жить в опасности, вы удивитесь — опасность будет лишь фасадом, а глубоко внутри вы будете в безопасности.

Как это происходит? Когда вы отбрасываете страх опасности, она исчезает, она существует из-за страха. Вместо того, чтобы бояться ее, вам нужно начать наслаждаться ее вызовом — потому что опасность зовет к приключениям, несет вам новое удивление, это постоянное приключение с неизвестным, это великое воодушевление: оно несет вас от неизвестного к неизвестному каждое мгновение, всегда есть удивление и каждое мгновение вашей жизни становится непредсказуемым.

Санаи говорит:

Пока ты не отбросишь свой меч прочь...

Меч представляет собой безопасность.

...ты не станешь щитом...

Если ты будешь нести меч в своих руках боясь, защищая себя, ты останешься незащищенным, ты не станешь щитом. Выброси меч! И немедленно ты станешь щитом. Выброси страх опасности, выброси желание быть в безопасности, и ты там.

Вся безопасность в Боге, с Богом, с целым. Если ты существуешь отдельно от целого, ты в опасности, если ты забываешь о себе, если ты сливаешься с целым, — ты в безопасности. В этом единстве ты в безопасности: ты становишься щитом...

...пока ты не отложишь свою корону в сторону,
ты не сможешь показывать путь.

И это основное зло, поиск безопасности. Торговать стремлением к выживанию это в самом деле зло. Ум заинтересован только в выживании. Эго постоянно стремится к выживанию. Ум хочет оставаться в безопасности всеми возможными путями, из-за этой одержимости безопасностью он разворачивает вас, парализует вас. А торговать стремлением к выживанию есть фундаментальное зло.

Мистическое единство

Отбросьте этот страх опасности, любите ее, потому что опасность есть жизнь. Не живите из страха, потому что тот, кто живет из страха не живет на самом деле, он только произрастает. Те, кто живет из страха, постоянно фокусируются на смерти. Страх означает страх смерти: весь страх может быть сведен к страху смерти. А те, кто фокусируются на смерти, продолжают упускать жизнь, потому что как вы можете наслаждаться жизнью, если вы постоянно думаете о смерти?

Если человек боится приключений, он будет оставаться закрытым. Он будет жить почти как в могиле. И тогда страх будет преследовать его везде. Разный страх будет мучить его, он станет параноиком. Он вообще не будет способен жить, он будет в лучшем случае выживать. Он только выживает, он не живет.

Вам нужно отбросить этот страх — потому что он саморазвивается; он становится все больше и больше, и он засасывает вас в свою трясины.

Смерть души — это
разрушение жизни;
но смерть жизни -
это спасение души.

Не бойтесь умереть как эго — потому что в то мгновение, когда вы умираете как эго, вы рождаетесь вновь. Пусть эго будет распято, и вы воскреснете. Смерть эго есть спасение души.

Вот что Иисус имеет в виду, когда он говорит: «Те, кто спасает себя — проиграют. А те, кто готов потерять себя — спасутся.»

Никогда не останавливайся в пути:
стань не-существующим; не-существующим даже
в представлении о том,
как становиться не-существующим.

Помните: эго не должно прятаться за вашей смиренностью. Станьте настолько несуществующим, что даже идея, что «я не существую», исчезнет, потому что это вновь игра эго.

Ученик подошел к мастеру и сказал: «Мастер, теперь я понял тебя; прошли долгие годы усилий и медитации, и теперь это случилось: я достиг ничто. Я пришел, чтобы поблагодарить тебя».

За пределами тени

Мастер вышвырнул его из комнаты и сказал: «Убирайся, и во-первых, выброси и это ничто, не вноси сюда ничто!»

Потому что вы стали ничем, нет никого, кто бы провозглашал: «Я стал ничем.» Если вы все же провозглашаете, вы есть — эго выучило новый трюк.

А когда ты покинул оба ночлега -
индивидуальность и понимание, -
этот мир станет тем.

Когда вы исчезли как индивидуальность, когда вы уже не думаете в терминах отделения, кто же тогда может понимать или не понимать? Вы стали невинны.

И в самой этой невинности исчезает этот мир и появляется тот. Это не два мира, это — один мир. Видимый через идею отделения это сансара: Это тот мир — обыденный, тщетный, бесплотный. Рассматриваемый с точки зрения единства, не отделения, тот же мир трансформируется: теперь это — тот мир — нирвана, просветление, мокша, Бог.

Когда глаз чист,
он видит чистоту.

А эго это нечистота. Отбросьте все верования и не верования, отбросьте эту идею отдельности.

Помните, то, путь видения есть также путь не видения. То, что вы фокусируетесь на объекте А, включает также, что вы отрицаете объект Б. «Чистота взгляда» означает то, что у вас нет предубеждений. Путь видения есть также путь не видения. Поэтому если вы индуист, вы видите с одной стороны, а если джайн — с другой. Путь видения есть также путь не видения. Когда вы сфокусированы на одном, вы обязательно отрицаете другое.

А истина неделима. Поэтому отбросьте все пути видения, все отношения, верования, не верования, концепции, философии. Просто видьте. Будьте зеркалом, чтобы все, что есть отражалось в вас.

Это — Бог, это — истина. Это не вопрос вашего выбора. Он отражается только когда вы в не выбирающем состоянии сознания.

Расстанься со своей самостью...

Мистическое единство

Такова тайна суфизма. Вся философия выражена в двух словах.

Расстанься со своей самостью...
пока ты видишь свою самость как грязное пятно,
ты не способен достичь того места;
самость никогда не вдохнет того воздуха -
так иди своей дорогой без нее.

Вы не можете войти в Бога как самость. Вы можете войти в Бога только как не самость — то, что Будда называет *анатта*, не-эго.

Если вы в самом деле хотите Бога, вам нужно исчезнуть. В этом проблема: люди хотят Бога, но они не хотят исчезать. Они хотят обладать Богом, так как они обладают другой собственностью. Вследствие этого они могут продолжать искать тысячи жизней, но они не найдут Бога, потому что они не выполняют основного требования.

Оно таково:

Расстанься со своей самостью...

И сразу же Бог начинает изливаться на вас, мгновенно. Весь мир становится светящимся; сразу же все празднует. Помните этот ключ Хакима Санаи. Это ключ мастера: он может открыть двери всех тайн.

Расстанься со своей самостью.

МЫ
ВСТРЕТИМСЯ
ВНОВЬ

20 декабря
1978 года

Первый вопрос:

Любимый Ошо, Иисус учил своих последователей возлюбить ближнего своего, как самого себя. Можешь ли ты рассказать о своих взглядах на заботу, сострадание и службу обществу?

Анна, утверждение Иисуса очень важно, но его последователи совершенно не поняли его. Позволь мне повторить его. Иисус говорит: «Возлюби своего ближнего, как самого себя». Фундаментальный вопрос в том, любишь ли ты себя или нет. Ты можешь любить своего соседа, только если ты любишь себя; ты можешь любить своего ближнего, только если ты любишь себя.

Христианство учило вас любить своих ближних, но основное полностью забывалось — и не только забывалось, но делалось как раз противоположное. Людей учили осуждать себя — как же они могут себя любить? Их учили, что они грешники — как же вы можете любить себя, если вы чувствуете, что вы грешник?

Христианство создает в людях огромное чувство вины, а если вы виноваты, вы не можете любить себя, вы будете себя ненавидеть, вы захотите себя уничтожить. Вот что так называемые христианские святые делали веками — разрушали себя. Из чувства вины может возникнуть лишь разрушение, из чувства вины возникает лишь самоубийство. А они продолжают учить: «Возлюби своего ближнего, как самого себя.» Вы никогда не любили себя — невозможно любить своего ближнего.

Поэтому я не учу любить своего ближнего, как самого себя. Мое учение просто: любите себя. И мой опыт таков, что если вы станете способными любить себя, любовь к ближнему придет сама: ее не нужно привносить, ее не нужно практиковать. Любая практикуемая любовь создает лицемерие.

Поэтому я полностью отбрасываю вторую часть этого утверждения. Забудьте о ближнем, просто любите себя. И вы удивитесь: в тот день, когда вы расцветете, аромат вашего цветка обязательно донесется до ближних. Куда еще ему распространяться? Когда вы полны любви к себе, любовь начинает изливаться. Она достигает ближнего, она достигает самых отдаленных звезд.

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ

И это случается само по себе. Вам не нужно думать об этом, вам не нужно это создавать, это вас не заботит. Просто любите себя, дружите с собой, и вы будете удивлены: человек, который любит себя, не может никого ненавидеть.

Говорят, что когда великая женщина-мистик, Рабия-эль-Адавия, читала Коран и встречала фразу «Возненавидь Сатану», она сразу вычеркивала ее.

Другой суфийский мистик, Хассан, увидел, как она это делает. Он не мог поверить своим глазам: Рабия корректирует Коран? Выбрасывает слова из Корана? Это святотатство! Он сказал: «Что ты делаешь, Рабия? Ты что, в самом деле, сошла с ума? Этого нельзя делать: Коран нельзя корректировать». Рабия сказала: «Что я могу поделать? Ко мне пришла любовь: теперь, даже если сатана появится передо мной, я не могу делать ничего иного, — лишь любить его. Во мне не осталось никакой ненависти, тьмы нет ни в одном уголке моего существа. Даже если бы я *хотела* ненавидеть, я не могу, и тут ничем не поможешь. Я должна вычеркнуть это утверждение, эту строчку, она ко мне не относится, она не может существовать, по крайней мере в *моем* Коране».

Когда вы любите себя, вы цветете. Любовь питает вас, вы уважаете себя. Вы чувствуете благородство Бога, вы чувствуете благодарность за то, что вы были созданы, вы чувствуете, что вам очень повезло, вы чувствуете благословение. И затем приходит переполнение, и аромат начинает распространяться во все стороны.

Я не учу вас любить своего ближнего, потому что две тысячи лет христиане учили этому, и ничего не произошло. Напротив, христиане убивали своих ближних больше, чем кто-либо другой. И основное, что упускалось — это любовь к себе.

Иисус совершенно прав. Он принимает как должное то, что вы любите себя. Он не обращает внимания на священников, которые идут по его следам и продолжают интерпретировать то, что он говорит. Он не имеет ни малейшего представления о Ватикане и Папе Римском. Он принимает как данное то, что вы любите себя — а это не так. Это было бы так, если бы не было никаких искажений, веками создаваемых священниками. Человек уже не любит себя.

Мистическое единство

Вы можете понаблюдать за собой: вы уважаете себя? Как вы можете уважать себя, если вы грешник? Если вас осуждают, как вы можете уважать себя? Вы чувствуете себя никудышным.

Вся стратегия так называемых религий состоит в том, чтобы заставить вас чувствовать себя недостойным. Если вы недостойны, неустойчивы, вы теряете уверенность, вы теряете свою силу, вы становитесь слабыми. А когда вы слабы, вы подчиняетесь священнику. И вокруг вас много тех, кто вас эксплуатирует.

В страхе вы начинаете цепляться за церкви, за мечети, за храмы, в страхе вы начинаете молиться. Но молитва, приходящая из страха — фальшива. Молитва истинна, только когда в ней есть аромат любви.

Анна, Иисус учил своих последователей возлюбить своего ближнего, как самого себя.

Но первое не может быть принято как данность. Первая часть отсутствует — отсутствует семя. Поэтому вы можете продолжать ждать, что расцветут цветы, но они никогда не расцветают. Никакое дерево не рождается.

Во-первых, нужно семя, а затем — что еще? Вы бросаете семя в почву, поливаете его, и оно растет — вам не нужно тащить его. Однажды придет весна, и дерево расцветет: это случается именно так. Но семенем должна быть любовь к себе.

Я учу вас любви к себе. И поскольку я учу вас самолюбию, вам нужно быть очень бдительными: самолюбие не означает эгоизма. Самолюбие возможно лишь если вы отбросите идею эго — таков парадокс: если вы отбросите в себе себя.

Человек, который любит себя, не может нести уродливый груз эго. Как он может нести эти горы, эти уродливые горы. Он отбрасывает эго, он становится чистым пространством. Он любит себя настолько, что не может нести в себе эту отраву. Он становится полным света, пустым пространством. И в этом пустом пространстве цветет лотос любви.

Самолюбие это не эгоизм, самолюбие это эго отсутствие. В самолюбии остается только любовь. Тогда вы создаете поле. И теперь многие чудеса произойдут с вами, для вас нет ничего невозможного, потому что любовь — это чудо.

Мы встретимся вновь

Ты говоришь: *не мог ли бы ты поделиться с нами взглядами на любовь, сострадание, службу обществу.*

У меня нет взглядов на любовь, сострадание и службу обществу. Все мои усилия направлены на то, чтобы трансформировать индивидуальность: я полностью сфокусирован на индивидуальности. А если индивидуальность начинает светиться, тогда эти вещи происходят естественно — сострадание, забота, служение.

Если вас учат служению, состраданию и заботе, вы выучите это и будете это делать, но это останется искусственным. И не только: это будет вредить и вам, и другим. Когда человек заставляет себя служить другим, он становится эгоистичным. Он начинает думать в терминах: «я святее, чем ты», он становится очень религиозным эгоистом, и ему кажется, что вы что-то ему должны, что ему должен весь мир.

Вы можете видеть, как это написано на лицах всех так называемых слуг народа. Это наибольшие обманщики во всем мире. Это источники обмана, но он происходит за закрытыми дверями, и вы не можете поймать их. Они служат вам, вы им должны, и они становятся вашими хозяевами. Они служили вам так много, что, если они начнут эксплуатировать вас, вы должны принять это с благодарностью. Они так долго служили вам, так много вложили в вас, что теперь их эксплуатацию нужно терпеть.

Я не учу служению — достаточно! Я учу лишь медитации. А из медитации, когда вы пришли к ней, возникает служение. Это будет естественным следствием, побочным продуктом. Служба это не цель, но следствие, так же как и сострадание.

Будда сказал, что, когда человек достигает вершин медитации, сострадание изливается из него. Так же это подобно тому, что вы зажигаете свечу, ее свет распространяется повсюду и тьма исчезает: когда свет медитации внутри, то вы излучаете сострадание.

И тогда сострадание несет красоту, потому что оно не эгоистично. Вам никто ничего не должен, фактически, если кто-то принимает вашу службу, вы должны. Вы служите ему и вы чувствуете, что вы должны это делать. Вы служите ему, но вы не просите ничего взамен. Это происходит без условий. Вы по-настоящему счастливы, что кто-то принял вашу службу.

Мистическое единство

Мой акцент на индивидуальности, а не на обществе. Настоящая революция случится с человеком, а не с обществом. Все социальные революции провалились, потерпели неудачу. Они были обречены на неудачу. Преобразиться может лишь человек, потому что лишь у него есть душа, сознание, осознанность.

Общество, социум не имеет души, в самом деле оно и не существует — вы когда-нибудь его встречали? Если вы встречаете кого-то, вы встречаете индивидуальность, вы встретите А, можете встретить Б, но вы никогда не встречаете общество.

Вы встречаете людей, но вы никогда не встречаете человечество. Слово «человечество» пусто, так же, как слово «общество». Но эти слова стали такими сильными, потому что веками они гипнотизировали нас. Общество, страна, родина, человечество — все это выдуманные слова. Реальность только одна — индивидуальность.

Только если человек станет светящимся, мир выиграет. Пришло время забыть о социальной революции и службе обществу, это время наступило. Мы должны стать более зрелыми и подумать о реальности, как она есть. Человек существует, поэтому он может быть преобразен.

Я не социальный революционер, и я также не служу обществу. И мои саньясины не должны становиться социальными революционерами и слугами общества — нет, совсем нет. Единственное, что вам нужно делать — следующее: больше любите себя, радуйтесь и празднуйте. И из этого празднования произойдет нечто чудесное: служение людям, сострадание, забота о людях.

Второй вопрос:

Я контролировал и дисциплинировал свою сексуальную жизнь годами, но все же я очень ею интересуюсь. Почему?

Именно поэтому. Это так просто, так очевидно. Вы остаетесь одержимы ею — иначе зачем контролировать ее, к чему угнетать ее? Что такое контроль, как не подавление?

Вы становитесь привязанными к этому, это привязанность. И с течением времени она углубляется. Конечно, она негативна,

Мы встретимся вновь

поэтому возникает вопрос. Вы были против этого, поэтому вы думаете: «Почему я все еще интересуюсь?»

На самом деле, если вы негативно привязаны к чему-то, ваша привязанность с течением времени будет углубляться; она никогда не кончится. Если вы привязаны позитивно, есть возможность, что она кончится, потому что опыт освобождает. Если вы узнали секс, то вы уже покончили с ним, потому что это детское занятие, он не имеет той силы, которую создает отрицательная привязанность.

Секс сам по себе не очень силен. Он кажется таковым, потому что нас учили быть против него: наш антагонизм дает ему силу. И чем больше вы против него, тем меньше у вас опыта, а чем меньше у вас опыта, тем больше возникает желание испытать это.

Фактически, монахи интересуются сексом до самой смерти: они умирают, думая о сексе и ни о чем больше — это простая психологическая истина. Но вопрос возникает потому, что мы думаем о привязанности только как о позитивной привязанности.

Привязанность имеет две формы — позитивную и негативную. Негативная намного глубже, чем позитивная, потому что с негативной нельзя покончить. Позитивная привязанность изнашивается, уменьшается. Вы узнали секс и его опыт: малопомалу вы начинаете понимать, что в нем ничего нет. Это лишь биологическая потребность, она ничего особенного вам не дает. Постепенно вы осознаете, что это лишь простое повторение.

Я не учу, чтобы вы начали думать, что это простое повторение. Если вы думаете, не понимая, эта мысль будет подавлением; это будет негативной привязанностью. Я не призываю вас судить это, суждение возникает само по себе.

Но когда вы негативно привязаны к чему-то, вы продолжаете избегать этого. Когда вы испытаете это? И чем больше вы избегаете, тем более свежим и молодым будет ваше желание. И чем больше вы подавляете его, тем больше оно уходит в ваше подсознательное и охватывает вас у самых корней. Из листьев оно идет к корням. У листьев была возможность увядания, потому что были открыты солнцу, опыту, жизни. Когда же оно достигло ваших корней, глубоко внизу, оно уже не может испариться.

Мистическое единство

Привязанность есть прямое следствие «отдачи-сопротивления». Когда вы отдаетесь чему-то или сопротивляетесь чему-то, или ненавидите что-то, или отождествляете себя с чем-то, вы становитесь привязаны к этому. Помните, говорить «да» есть привязанность-отдача. Говорить «нет» есть привязанность-сопротивление. Вторая привязанность намного глубже.

Вот почему дружба не так велика, как вражда. Дружба так себе, прохладна. Вражда очень страстна, очень горяча. Вражда живет долго, годами, кажется ее нельзя изжить. Дружба увядает.

Ты спрашиваешь: «Почему я все еще интересуюсь?»- ты будешь этим интересоваться до самого конца.

Отбрось свое сопротивление, отбрось негативную привязанность, иди в опыт секса. Не бойся, здесь нечего бояться. Он не так важен, чтобы тебе бояться его. Когда ты боишься, ты делаешь его больше. Это не такое большое дело, это лишь маленькое биологическое явление.

Священники его очень преувеличили. Вся ответственность лежит на них: они сделали все человечество сексуальным, очень сексуальным. Без священников в мире не было бы порнографии, не было бы проституции, не было бы непристойности. Они являются основной причиной.

Но понять это очень трудно, потому что они против всего этого — если вы слушаете их, они против всего этого. Естественно, вы будете думать, что, если они против, то как они могут быть источником этого? Но именно они являются источником. То, что они против, создает большую заинтересованность, большое притяжение.

Позвольте священникам исчезнуть, и вы удивитесь: сексуальность исчезнет. Секс будет, но секс — вещь маленькая; сексуальность — это одержимость.

Доктор Кинси производил опрос группы мужчин о том, сколько раз они вступают в связь с противоположным полом.

В ответ на его вопрос несколько человек подняли руки, сказав, что они занимаются сексом каждую ночь; некоторые сказали, что они вступают в связь десять раз в месяц; маленькая группа сказала, что они делали это четыре раза в месяц.

Наконец, все ответили, кроме одного человека, сидящего в углу. Мистер Кинси подошел к нему:

Мы встретимся вновь

«Хорошо, а кто занимается сексом лишь один раз в год?»

«Я, я», — вскрикнул человек, размахивая рукой и отчаянно улыбаясь.

«Прекрасно, — сказал мистер Кинси, — но почему вы так рады?»

«Потому что это сегодняшняя ночь!»

Если вы будете угнетать себя целый год, это естественно. Сколько лет вы контролировали свой секс? Даже улыбки во весь рот недостаточно. Вы будете улыбаться от кончиков пальцев до головы.

Поэтому не контролируйте, потому что любой контроль означает контроль вашего эго. Я учу вас не контролировать: оставайтесь естественными. Контроль делает вас ненатуральными, искусственными. Оставайтесь естественными, расслабьтесь. Что бы Бог ни дал вам — секс, любовь, что угодно — примите это как дар и идите в это, идите медитативно, идите в это очень сознательно, чтобы вы могли видеть, что это, чтобы вы могли научиться чему-нибудь.

И однажды секс исчезает. И этот день очень важен, потому что вы биологически свободны. Эта свобода не достигается через контроль; эта свобода достигается через понимание, осознанность, свидетельство.

П ретий вопрос:

Ошо, ты против всех других гуру?

Кто же тогда говорил о Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, Бахаддине, Ринзае, Бокудзю, Миларепе, Тилопе, Сарахе, Кабире, Мире, Иисусе, Будде, Махавире? Кто же тогда говорил обо всех этих гуру, если я против них? Никогда раньше не было такого человека, который говорил о стольких мастерах, и я не думаю, такой появится когда-нибудь вновь.

Но, конечно, я против некоторых гуру — не потому, что они гуру, но потому, что они не гуру: они притворщики. И я говорил не только о древних мастерах, я говорил также о Рамане Махарши, Рамакришне, Гурджиеве, Кришнамурти — я говорил также и о современных мастерах.

Мистическое единство

Я, конечно, против тех, кто просто притворяется, тех, кто не знает сути. Но в этом смысле и Иисус был против многих раввинов, а Будда был против многих браминов. В этом смысле каждый мастер всегда был против фальшивого, псевдо, в этом нет ничего нового.

Но, возможно, ты привязан к таким людям, как Сатья Саи Баба или Муктананда, и тебя это ранит. Это твое понимание. Сатья Саи Баба и Муктананда с моей точки зрения не являются гуру. И я очень удивлен: когда я вижу, что даже такой человек, как Муктананда, может иметь учеников, я не могу поверить, как низко пало человечество. Это проявление великой глупости.

Если у Муктананды есть ученики, тогда у каждого в мире могут быть ученики. Это просто показывает, что люди полностью забыли, что означает быть учеником и что означает быть мастером. Кажется, что потребность людей так велика, что, что бы они не получили, они готовы следовать этому. Люди находятся в таком невротическом состоянии, что идиоты могут притвориться и стать мастерами.

Быть Мастером — это цветение интеллигентности; разве вы видели хотя бы ее следы у таких людей, как Муктананда? Но это происходит — и причина не в том, что у Муктананды есть какая-то сила, причина в том, что нужда людей велика. Они не знают, куда идти, поэтому они падают жертвой всего, что подвернется под руку.

Я не против гуру, но вам могло так показаться. Язык очень неадекватен в выражении разных вещей, но другого средства нет. Приходится использовать язык и принять возможность того, что вы будете неправильно поняты.

Грузовик, перевозящий пингвинов, застрял на дороге. Водитель останавливает частную машину и говорит: «Я дам вам пятьдесят долларов, чтобы вы привезли этих пингвинов в зоопарк».

Когда он приехал в город, он увидел хозяина машины с пингвинами у входа в кинотеатр. Он вышел из машины и спросил: «Что вы здесь делаете?»

«Я свозил их в зоопарк, но, поскольку деньги остались, я повел их в кино. »

Мы встретимся вновь

Француз и итальянец охотились вместе в лесу. И вдруг мимо них пробежала прекрасная обнаженная блондинка.

«О, так бы и съел ее», - сказал француз, причмокивая.

Итальянец тут же застрелил ее.

Китайский прачечник пожаловался врачу на запор. Доктор прописал ему лекарство. «Придите в мой офис через несколько дней и скажите, помогло ли оно вам».

Через несколько дней китаец посетил доктора.

«Ну, что, дело подвинулось?» - спросил врач.

«Нет, сер, не двизеся, не двизеся.»

Врач покачал головой и прописал ему тройную дозу, сказав: «Придите ко мне через три дня и скажите, как дела».

Через три дня китаец пришел.

«Ну как, продвинулось?»

«Нет, сер, не подвинуся, не подвинуся. Я двигася завтра. Вся дома в дерьме. »

Четвертый вопрос:

Ошо, ты говоришь: «Прими себя, как ты есть», и: «Пока ты не родишься заново, ты не сможешь войти в царство Божие». Пожалуйста, прокомментируй это очевидное противоречие.

Дивакар, все противоречия кажущиеся. Если ты немного помедитируешь, то увидишь, что противоречий нет. Я говорю: «Прими себя таким, как ты есть». И я также говорю: «Пока ты не родишься заново, ты не сможешь войти в царство Божие».

Ты создаешь противоречия, потому что ты не медитируешь над этим.

Чтобы родиться вновь, надо принять себя таким, как ты есть: так человек рождается заново. Вы живете, отвергая себя, вы не принимаете себя такими, как вы есть. Очень редко можно найти человека, который принимает себя — потому что в то мгновение, когда он принимает себя, он рождается заново, он становится просветленным.

Вы не принимаете себя, вы продолжаете себя отвергать. Вы постоянно ищете пути улучшить свой имидж. Вы хотите стать

Мистическое единство

более красивыми, здоровыми, сильными, известными, — все что угодно. Вы не довольны собой такими, как вы есть.

Кажется, невозможно быть удовлетворенными тем, какие вы есть, потому что ум всегда воображает что-то лучшее. У вас может быть нос немножко подлиннее или немножко покороче. У вас может быть немножко больше интеллигентности, физической красоты, психической собранности, вы можете быть немного более сильным человеком. Вы можете всегда воображать, и ваше воображение делает вас неудовлетворенными собой, какой вы есть сейчас.

Если бы розы могли думать, и они были бы собой неудовлетворены — потому что они бы сказали: «Посмотри на пруд: лотосы такие большие, а мы такие маленькие». Они бы почувствовали себя очень неполноценными, они бы стали от этого страдать, они бы стали искать психоаналитика. И маленькие кусты тоже стали бы очень угнетенными, сказав: «Деревья велики, кедры поднимаются к звездам, а мы такие маленькие. Почему же Бог был к нам так несправедлив?» И тогда все существование было бы глубоко неудовлетворено.

Но неудовлетворен лишь человек. Кусты очень рады тому, что они кусты, а розы — что они розы, полевые цветы счастливы быть полевыми цветами, птицы рады быть птицами. Никто не хочет быть кем-то другим.

Если вы посмотрите, вы увидите, что это удовлетворение повсюду вокруг вас. Если вы откроете глаза, вы увидите наполненность, изливающуюся из каждого дерева, каждой звезды, каждого камня. Если просто убрать из мира человека, неудовлетворенность исчезнет.

Почему человек неудовлетворен? Потому что он сравнивает. А все сравнения фальшивы, потому что вы совершенно уникальны. Такого, как вы, больше нет, поэтому все сравнения неверны. Вы можете сравнить одну машину «Фиат» с другой, но вы не можете сравнить машину с собакой. Не правда ли? Каждый человек уникален, его невозможно сравнить. Но вы продолжаете это делать.

Вас учили сравнивать, все ваше образование зависит от сравнения, и это так потому, что общество хочет создать в вас дух состязания. Общество не знает никакого другого пути заставить вас делать что-то. Единственный путь, который оно знает — это создать дух соревнования, создать невроз, создать

Мы встретимся вновь

болезненное стремление быть первым. Общество еще не открыло лучшего пути сделать вас творческими. «Боритесь, сравнивайте, побеждайте — стремитесь быть первыми.» Оно учит вас конфликту, жестокости.

И когда вы в таком конфликте, естественно, это создает в вас неудовлетворенность собой — иначе как вы будете улучшать себя? Это дает вам великие идеалы: вы должны быть такими. И затем внезапно вы выглядите такими маленькими, такими ничтожными, такими тривиальными. Идеал так велик, а вы так малы. Вы съезживаетесь — в вас возникает великое отчаяние, вы начинаете ненавидеть себя. И это огромное несчастье для людей.

Я учу вас приятию. Не нужно соревноваться, не нужно сравнивать, не нужно быть амбициозными. Вы начинаете бояться: «Если нет амбиций, соревнований и сравнений, как же я буду расти?»

Рост не имеет с этим ничего общего. Рост имеет дело с энергией, рост это энергетическое явление. Когда вы не сравниваете, когда вы не соревнуетесь, когда вы не амбициозны, когда вы не хотите быть никем другим, кроме себя самого, вы накапливаете много энергии — потому что вся та энергия, которая растрачивается на соревнование и конфликт, уже не тратится. Вы становитесь резервуаром энергии.

Из этой энергии возникает творчество. Творчество не имеет ничего общего с соревнованием, оно имеет нечто общее с переполняющей энергией. Уильям Блэйк прав, говоря: «Энергия это наслаждение».

Когда вы переполнены энергией, горите энергией, она становится творчеством. Вы начинаете расти, но теперь рост имеет совершенно другой аспект. В нем нет цели — в нем есть источник, но нет цели. Теперь вы не думаете, кем быть; вы не следуете определенной цели, определенному плану. Вы становитесь такой большой рекой, что через вашу рвущуюся энергию вы достигаете океана. Никакая река не ищет океана, но все они достигают его; и ни одна река не соревнуется с другой, но все реки достигают океана. Река достигает океана, переполняясь водой. Этой энергии достаточно, чтобы привести ее к океану.

Вы можете стать океаном творчества, если вы удовлетворены. Тогда в вас возникает творчество, растет в вас — не из-за каких-то идеалов, но потому что у вас есть слишком много — и

Мистическое единство

вам нужно делиться этим. Вам нужно петь песню, потому что сердце так полно, переполнено — вам нужно изливать его в песне. Вы не можете сдерживать эту энергию, она переполняет вас. И это переполнение и есть творчество.

Когда дерево переполнено энергией, оно цветет тысячами цветов. Эти цветы есть простое утверждение дерева: «Больше я не могу ничего сдерживать. Во мне так много цветов, и аромат так огромен, что я распускаюсь». Дерево не стремится ни к какому идеалу, у него нет цели.

Иметь цель — значит быть несчастным, не иметь цели — значит быть в блаженстве. Человек, который принимает себя тотально — ни капельки не протестуя против себя, нисколько не отвергая себя, когда нет даже тени отвержения — этот человек становится просветленным немедленно. Просветление это не что-то, что должно быть достигнуто в будущем. Если вы принимаете себя, если вы расслаблены в своем бытии, оно может случиться именно в это мгновение, сейчас, здесь.

Поэтому я говорю: примите себя таким, какой вы есть, потому что именно так можно родиться вновь. И я также говорю: пока вы не родитесь вновь, вы не можете войти в царство Божие.

Пожалуйста, помните — второе утверждение сделано не для того, чтобы вы создавали цель: «Мне нужно родиться вновь, мне нужно войти в царство Божие». Если это становится целью, то вы неправильно поняли меня. Это не цель, это лишь следствие. Следствие чего? Следствие полного принятия — *татхаты*, таковости. «Я есть это, и я полностью счастлив с этим.» И это полное счастье и удовлетворение есть чудо, преображение. Вы рождаетесь вновь.

И помните также, я не говорю использовать «прими себя» как метод, чтобы вы родились заново, этого я не говорю, иначе вы уже снова создали цель. Вы говорите: «Хорошо: если так можно стать просветленным, если так можно войти в царствие Божие, тогда я готов принять себя». Это не принятие. Вы продолжаете думать о царствии Божием, вы продолжаете думать о том, чтобы стать просветленным, вы продолжаете соревноваться с Буддами. Вы продолжаете думать: «Как, этот человек — Гаутама Будда — стал просветленным, а я еще нет? Как мог этот человек — Иисус — стать Христом, а я живу, и еще не стал им?»

Мы встретимся вновь

Фридрих Ницше сказал именно это. Он сказал: «Я не могу принять Бога, потому что, если есть Бог, тогда что я делаю здесь? И как может кто-то другой стать Богом раньше меня? Поэтому я отвергаю эту мысль — Бога нет». Потому что, если уж Бог должен быть, тогда Фридрих Ницше должен бы быть первым. Лучше полностью отвергнуть эту идею: «Царства Божия нет, просветления нет». Иначе это создает чувство огромной неполноценности: «Другие достигли, а я еще не достиг. Что, я так отстал?»

Поэтому, пожалуйста, не делайте это целью. Мое утверждение о том, чтобы родиться вновь, есть лишь следствие. Источник — это приятие, а следствие — это вход в царствие божие.

Но ум очень хитер — берегитесь. Ум может сказать глубоко в вас: «Ну хорошо: если это ключ, тогда я использую его, но мне нужно войти в царствие Бога». И вы упустили все в самой этой хитрости.

Все очень просто. То, что я говорю, так просто, в этом нет сложности, но вы можете создать сложность. Ваш ум может создать такую путаницу, такой хаос! И основной трюк, основная стратегия ума в том, чтобы делать следствия целью.

Никогда не создавайте никаких целей, их нет. Мы уже у источника, нам не нужно быть нигде еще. В глубоком приятии вы оказываетесь у источника. И само это падение назад к источнику есть возрождение, воскресение. Вы исчезаете как отдельная сущность и появляетесь как мистическое единство: *унио мистика*.

Пятый вопрос:

Мы слышим вновь и вновь, что для трансформации достаточно осознания. Как с этим работать?

Это важный вопрос, потому что, если вы знаете о своем раке, рак не вылечится из-за вашего знания о нем — это правда. Но что касается психологических черт, они исчезают в то мгновение, когда вы осознаете их — потому что они не существуют как реальность, они существуют лишь как иллюзия.

Вы видели призрака, стоящего в ночи: теперь вы вносите свет и говорите, что никого нет. Просто форма дерева вызвала

Мистическое единство

в вас вам фальшивое впечатление, что кто-то там стоит. Призрак исчез, во-первых, потому, что его не было.

Осознанность помогает, приносит преобразование, потому что иллюзии, от которых вы страдаете, не являются реальностью. Если вы осознаете скалу, скала не исчезнет. Но если вы осознаете эго, эго исчезнет, потому что эго не есть реальность.

Если вы осознаете, страх исчезнет, потому что страх не есть реальность. Если вы осознаете, смерть исчезнет, потому что смерть есть ложь, это не реальность.

Осознание функционирует двумя путями. Первый: если что-то реально и вы осознаете его, это становится чрезвычайно прекрасным, это становится психоделическим, это становится цветным. Если это нереально, оно исчезает. Если это реально, оно становится более реальным, если это нереально, оно становится абсолютно нереальным.

Осознание это свет. Если вы приносите свет в темную комнату, тьма исчезнет, но появятся рисунки на стене. Когда в комнате было темно, рисунков не было; хотя они были, вы не могли их увидеть — для вас их не было, была лишь тьма. Когда вы вносите свет, тьмы уже нет, и рисунки появляются.

Что-то исчезает, когда вы начинаете осознавать, а что-то появляется. Смерть исчезает, бессмертие появляется. Эго исчезает, отсутствие эго появляется. Вы исчезаете как отдельная сущность: появляется Бог. Бог означает: «Я уже не отделен.»

«Ты когда-нибудь любил, старик?» — спрашивает один пожилой мужчина другого в вагоне поезда.

«Да, когда я был молодым повесой, я любил.»

«Но ты же никогда не женился, не так ли?»

«Нет, я никогда не был женат.»

«Как же это вышло?»

«А вот так: девушка, которую я любил, не выходила за меня замуж, когда я был пьян, а у меня не возникало желания жениться на ней, когда я был трезв.»

Осознание действует само. Если вы осознаете, вы не сможете делать многие вещи, которые вы делали до сих пор, и сможете делать многое, о чем вы никогда не думали раньше. Если вы осознаете, вы не можете злиться, потому что гнев мо-

Мы встретимся вновь

жет существовать только в состоянии неосознанности — таково предварительное условие его существования.

Если вы осознаете, гнев невозможен, и сострадание становится естественным следствием — та же энергия, которая становилась гневом, становится состраданием. Если вы осознаете, секс исчезает и возникает любовь: та же энергия, которая становилась сексуальностью при неосознанности, при осознании проявляется по-новому, как любовь.

Что касается психологической трансформации, осознанности достаточно, анализ не нужен.

Вот в чем разница между восточной и западной психологией: западная психология слишком озабочена анализом. На востоке психология существует пять тысяч лет, это самая древняя наука. Но она занята совершенно другим, она совершенно не интересуется анализом, все кажется совершенно ненужным.

И теперь западная психология также начинает осознавать тот факт, что анализ никуда не ведет. Встречали ли вы когда-нибудь человека, который был полностью проанализирован? Даже Зигмунд Фрейд не был таким. Никто не может быть полностью проанализирован. Вы можете проанализировать один сон, но на другой день приходит другой сон. Вы можете продолжать анализировать — люди ходят к аналитикам годами, но сны не исчезают, они продолжают приходить, анализ не заставит их исчезнуть.

Но на Востоке мы знаем искусство: как заставить их исчезнуть. Так что о чем беспокоиться? Это подобно тому, как вы видите призрак во тьме — призрака нет, есть лишь дерево, — а вы начинаете анализировать. Вы никогда не подходите близко к дереву, вы никогда не приносите свет. Вы начинаете анализировать форму издалека. Вы можете продолжать анализировать: от этого анализа ничего не произойдет.

Восточная психология говорит: зажгите свечу, принесите ее и посмотрите сначала, есть ли призрак. Если призрака не существует, тогда к чему волноваться? К чему тогда долгие годы анализа? Анализируемый продолжает выплескивать мусор, а аналитик продолжает анализировать, наклеивать ярлыки и разделять этот мусор на категории. Много работы, и все тщетно, много шума из ничего.

Западная психология базируется на анализе, восточная психология базируется на осознании.

Мистическое единство

Просто наблюдайте. Не нужно анализировать. Становитесь все более и более бдительными. Если вы осознаете проблему, половина ее уже решена, просто потому, что вы осознали ее. Простое осознание проблемы — и половина ее уже решена, потому что вы уже забрали у нее энергию, и эта энергия стала осознанностью; станьте более осознающим, и проблема растворится.

Шаг за шагом проблема исчезает, когда вы осознаете, потому что вы забираете энергию, которую вы вливали в нее — это создавало проблему. Вы забираете эту энергию обратно, вы уже не сотрудничаете с ней. Вы были творцом этой проблемы — вы забрали эту энергию обратно.

Когда вся энергия забрана, приходит мгновение, когда вся проблема испаряется. Сначала осознайте проблему, а затем станьте все более и более бдительными. Больше ничего не нужно; вам не нужно идти ни к какому психоаналитику.

Одно дело иметь проблему, но другое — даже не осознавать, что она у вас есть. Это похоже на историю об одном восьмидесятилетнем старике в Майами. Он отдыхал с другим стариком во Флориде. Во время своего отдыха они познакомились с дамами более молодого возраста. Они оба влюбились и решили пожениться одновременно. Наутро после брачной ночи между ними происходит следующий разговор. Первый говорит: «Ты знаешь, мне нужно пойти к врачу».

Второй говорит: «Почему?»

«Видишь ли, я не могу никак использовать эту свадьбу.»

«Ой, — говорит второй, — тогда мне нужно сходить к психиатру.»

«Почему?»

«Я даже не думал об этом.»

Сначала поймите свои проблемы, а затем становитесь все более и более осознающими. Не судите — суждение есть препятствие к осознанию. Не называйте это никакими именами, не оценивайте. Не говорите, что это хорошо, не говорите, что это плохо, не наклеивайте ярлыков, не классифицируйте. Просто будьте бдительными: отражайте все, что есть.

Если вы встанете и скажете: это плохо, — тогда вы уже заблокировали свое осознание. Вы сделали заключение — вы уже не нейтральны, вы приняли решение. И в то мгновение, когда

Мы встретимся вновь

вы говорите, что что-то плохо, вы не можете смотреть на это непосредственно. Когда вы говорите, что кто-то плох, вы не можете встретиться с ним лицом к лицу; вы избегаете его. Когда вы говорите, что что-то хорошо, вы становитесь позитивно связаны с этим; когда вы говорите, что что-то плохо, вы становитесь негативно привязаны к этому.

Наблюдение означает отсутствие какой бы то ни было привязанности, положительной или отрицательной. Вы просто находитесь в состоянии неразделяющего зеркального отражения, вы просто отражаете все, что есть. В этом осознании проблемы тают. В этом осознании ложь, фальшь и ошибки исчезают. В этом осознании, когда фальшь и ошибки исчезли, приходит реальность, распространяющая благоухание.

Вам не нужно принимать ЛСД, или марихуану, или псилоцибин. Примите дозу осознанности — и жизнь так прекрасна, полна благолепия, это такое прекрасное удовольствие, что ни ЛСД, ни марихуана ничего не могут к этому добавить. Вам нужна лишь осознанность, и жизнь становится таким прекрасным опытом, что вы не можете представить, что может быть что-то лучше. Обычная жизнь становится такой светящейся. Обычное дерево, мимо которого вы проходили всю свою жизнь — шли домой, шли на работу и всегда проходили мимо него, — в первый раз вы видите всю его зелень. В первый раз вы видите светящееся присутствие дерева, в первый раз вы видите его внутреннюю красоту.

Жизнь это такой дар, но мы продолжаем упускать его. А причина в том, что между нами и жизнью возникло так много лжи. Ваша осознанность разрушит эту ложь: она исчезнет, и реальность можно будет встретить обнаженной.

А познать реальность во всей ее наготе — значит познать Бога.

Шестой вопрос:

Ошо, есть ли предел терпению? Я достаточно страдала в своей жизни — бороться ли мне против этого или нет?

Есть предел всему — и терпению тоже есть предел. И человек не должен продолжать мучить себя без необходимости. Не

Мистическое единство

нужно становиться рабом, не нужно идти на компромисс. Если вы почувствовали, что вы достаточно страдали, восстаньте.

Почему вы ждали так долго? Ждать не нужно. Нужно быть в состоянии постоянного бунта. Почему нужно идти хоть на единое мгновение на компромисс? Ведь компромисс означает, что вы не уважаете себя, вы не любите себя. И если вы идете на компромисс в это мгновение, в следующее мгновение вам нужно будет идти на больший компромисс — потому что, если люди увидят, что вас можно эксплуатировать, то они будут продолжать эксплуатировать вас.

Не помогайте эксплуататорам, кем бы они ни были.

Но кажется, вы хотите продолжать идти на компромисс, отсюда и вопрос. Иначе не было бы необходимости спрашивать. Если вы пострадали достаточно, тогда хватит!

Чарли был приглашен в гости к своему старому другу и его жене на ужин. Когда настало время уезжать, его машина не завелась, и звонить в ближайший авторемонт было уже слишком поздно.

Муж предложил Чарли остаться. В комнате не было лишней кровати, не было даже дивана. Поэтому Чарли пришлось спать вместе с мужем и женой. Как только муж заснул, жена взяла Чарли за плечо и стала уговаривать его пойти к ней.

«Я не могу этого сделать, — прошептал он, — твой муж — мой лучший друг!»

«Послушай, милый, — прошептала она в ответ, — ничто в целом мире его сейчас не разбудит.»

«Я в это не верю, — ответил Чарли. — Наверняка, если я займусь с тобой любовью, он проснется.»

«Милый, конечно, нет, — если ты мне не веришь, выдерни волос из его бороды и посмотри, проснется ли он.»

Чарли так и сделал. Он удивился: муж продолжал спать. Тогда он перебрался на ту сторону, где спала жена, и занялся с ней любовью. Когда он кончил, он перебрался обратно на свою сторону. Через некоторое время она дотронулась до его плеча и попросила продолжить... Опять он выдернул волос из бороды своего друга, чтобы определить, спит ли он. За ночь это повторилось восемь раз. И каждый раз, когда Чарли занимался любовью с женщиной, он выдергивал волосок из бороды мужа.

Мы встретимся вновь

Когда в девятый раз он выдернул волосок, муж проснулся и пробормотал: «Послушай, Чарли, дружище, мне все равно, что ты делаешь с моей женой, но ради Бога, прекрати использовать мою бороду для отсчета!»

Хватит! Всему есть предел. Из вашей бороды выдернуто достаточно волос — теперь утвердитесь в себе. Прекратите казаться вниз, не продолжайте страдать.

Но мне кажется, что люди хотят страдать. Я вижу вот что: они продолжают жаловаться на страдания, но они хотят страдать. Они продолжают цепляться за свое страдание. Страдать лучше, чем ничего: по крайней мере, есть на что жаловаться, есть к чему привязываться, есть на что ворчать.

Просто послушайте людей. Все говорят о своем страдании. Почему вы не боретесь против него? Если вам в самом деле его достаточно, тогда делайте что-нибудь. Выйдите из него! Кто может помешать вам? Но люди ничего не делают. Страдание стало стилем их жизни. Если оно исчезнет, что они будут делать? Они чувствуют, что ничего не осталось; не на что будет жаловаться.

Помедитируйте на свое страдание, и вы увидите, что где-то глубоко внутри вы, должно быть, помогли ему — возможно, бессознательно, но ваша помощь необходима. В противном случае, без вашей помощи, страдание не существовало бы. Просто уберите свою помощь, и страдание исчезает. Вы для него желанный партнер. Вы нашли так много объяснений; объяснения можно найти, но все это — объяснения. Если вы хотите обманывать себя, они очень подходят; но если вы хотите пробудиться, отбросьте все объяснения. Просто увидите тот факт, что вы страдаете, и что жизнь не *предназначена* быть страданием, она предназначена для того, чтобы быть празднованием. И в любое мгновение все можно изменить.

Но нужна решительность. Вы так долго страдали, вы так привыкли к этому, что, пока вы не сделаете что-то решительное, качественный скачок, вы не сможете выбраться из этого.

Станьте саньясином: это будет чем-то решительным. Прыгните во что-то новое. Попробуйте сделать что-то новое, то, чего вы не делали раньше.

И помните: эго всегда привязано к страданию. Почему эго всегда привязано к страданию? Потому что эго кормится стра-

Мистическое единство

данием; вы чувствуете себя великой жертвой. Эго исчезает, когда вы счастливы, в самом деле счастливы. Радуйтесь, и вы не найдете эго.

Вот почему, если вы выбрали эгоистический стиль жизни, вы никогда не сможете выбраться из страдания. Вы можете изменить свои страдания, но тогда вы создадите новые страдания. Вы можете развестись с одной женщиной и жениться на такой же женщине вновь. Вы можете оставить мужа, но вскоре вы опять найдете такого же человека, потому что ваше эго начнет страдать.

Ваше эго существует как центр страдания. Когда вы радуетесь, заглядываете ли вы когда-нибудь внутрь? Эго нельзя найти там. Фактически, радость и отсутствие эго — это одно и то же, они не отличаются друг от друга. Поэтому, если вы в самом деле хотите выбраться из страдания, вам нужно быть готовым пожертвовать своим эго и всем тем удовлетворением, которое оно дает вам.

Очиститесь от эго — послушайте Санаи. И в этом очищении вы сможете освободиться от всего страдания.

И не продолжайте обвинять других; в этом нет смысла. Возьмите на себя всю ответственность — в этом суть человечности, в этом суть смелости. Возьмите всю ответственность на свои плечи. Старый трюк состоит в том, чтобы сваливать ответственность на кого-то: «Что я могу сделать? Такая семья, такие люди, такое общество, что я могу сделать? Я вынужден страдать».

Вы *хотите* страдать, вот почему вы сваливаете ответственность на других. Иначе, в любое мгновение, когда вы захотите выйти из этого, никто не может помешать вам, никто никогда не сможет вам помешать.

Примите ответственность полностью на себя. Если вы хотите страдать, страдайте. Но тогда не жалуйтесь — тогда наслаждайтесь этим! Это ваш выбор. Тогда все глубже и глубже увязайте в своей грязи, но больше не говорите о страдании — это ваш выбор. Если вы называете это страданием, тогда посмотрите на весь его механизм. Если вы хотите защитить себя как эго, тогда вам придется страдать. Если вы хотите перебросить ответственность на других, тогда вам придется страдать.

Мы встретимся вновь

Единственная возможная революция — взять всю ответственность на себя. Я есть причина своего страдания. Поэтому я могу быть причиной своего блаженства.

В этом утверждении вся суть саньясы, или суфизма, или дзен. Суть религии в том, чтобы взять всю ответственность за то, кем вы являетесь. И немедленно приходит озарение: «Если я ответственен за свое страдание, тогда это просто, я могу отбросить его. Это мой выбор. Я больше не буду его выбирать».

Суфийского мистика, который всегда был счастлив, как-то спросили... Люди семьдесят лет смотрели на него, а он никогда не был грустен. Однажды они спросили его: «В чем секрет твоего счастья?» Он сказал: «Секрета нет. Каждое утро, когда я просыпаюсь, я медитирую пять минут и говорю себе: “Послушай, есть две возможности: ты можешь быть несчастен, или ты можешь быть в блаженстве — выбирай”. И я всегда выбираю быть в блаженстве».

Все возможности открыты для вас. Выбирайте блаженство. И есть люди, которые могут находиться в блаженстве, даже если они находятся в тюрьме. И есть люди, которые остаются несчастными, даже если они живут в мраморных дворцах. Все зависит от вас.

Когда Александр Македонский направлялся в Индию, по пути он встретил Диогена. Александр интересовался Диогеном — крайности всегда интересуются друг другом. Он остановил свои армии и сказал: «Один день отдохните. Я хотел бы пойти увидеть Диогена. Я всегда хотел увидеть его. Теперь мы находимся близко, всего лишь в нескольких километрах, и я хотел бы навестить его».

Он пошел к нему. Было раннее утро, холодное, зимнее, а Диоген лежал обнаженный на берегу реки, загорая — обнаженный йог, у которого ничего не было. И Александр Великий, у которого было все, стоял с ним рядом. В первый раз Александр чувствовал себя очень бедным. Диоген был таким богатым в своей обнаженности. Его лицо было так грациозно, так прекрасно, все его тело излучало радость.

Александр сказал Диогену: «Я очень счастлив видеть тебя. Я хотел бы дать тебе подарок».

Диоген сказал: «Что ты можешь дать мне? Я не вижу, чтобы у тебя что-то было. Ты выглядишь таким бедным! На самом де-

Мистическое единство

ле, я сам хотел бы тебе кое-что дать. Я бы хотел дать тебе Бога, потому что это все, что у меня есть. Ты великий император, это правда, но все, что ты можешь мне дать, мне не нужно. Это будет для меня ненужным грузом. Но если ты в самом деле заинтересован дать мне что-то, тогда просто перейди с этого места на другое, потому что ты загораживаешь Солнце — я буду благодарен тебе всю оставшуюся жизнь».

Для Александра было шоком то, что Диогену ничего не нужно. Он был так наполнен, так удовлетворен. Расставаясь, он сказал Диогену: «Когда я завоюю весь мир, я бы хотел жить, как ты!».

Диоген сказал: «Но, во-первых, зачем делать условием завоевание всего мира? Взгляни: я не покорил мир, и все же я очень счастлив. Ты также можешь быть счастлив. И здесь достаточно места, ты также можешь быть здесь. Берег такой большой: раздевайся и отдохни хорошенько, увидь красоту солнца и утра, отдохай *сейчас!*»

Александр сказал: «Да, я хотел бы отдохнуть, но не сейчас — когда я завоюю весь мир».

Диоген сказал: «Никто никогда не был способен отдохнуть *потом*. Отдых возможен лишь *сейчас*, завтра никогда не приходит. И разве кто-нибудь мог завоевать весь мир? К тому времени, когда ты завоюешь его, жизнь уже прошла. Ты умрешь на полпути, ты никогда не сможешь отдохнуть».

Именно так и случилось: Александр никогда не вернулся домой. Он умер, возвращаясь из Индии.

Есть и другая история. По случайному совпадению Александр и Диоген умерли в один и тот же день. И они встретились на пути в другой мир, пересекая реку, отделяющую этот мир от того. Александр был впереди, потому что он умер несколькими минутами раньше. И Диоген просто следовал за ним. Когда они пересекали реку, Александр понял, что кто-то идет за ним. Он оглянулся — это был Диоген. Он был шокирован, потому что теперь этот человек мог сказать: «Смотри, я говорил тебе, что твое путешествие никогда не закончится».

И просто, чтобы хоть как-то скрыть свое состояние, Александр начал смеяться. Диоген спросил: «Почему ты смеешься? Твой смех бессмыслен, но все же, почему ты смеешься?»

Мы встретимся вновь

Александр сказал: «Я смеюсь тому, что мы встретились вновь. Странная это встреча — встреча императора и нищего». Диоген был нищим.

Но Диоген засмеялся еще громче. Я не думаю, что кто-нибудь другой смеялся бы так, как Диоген, когда они пересекали реку, отделяющую этот мир от того. Александр спросил: «А почему смеешься ты?»

Он ответил: «Я смеюсь потому, что ты прав: встреча очень странная, встреча императора и нищего. Но ты не понимаешь, кто император, а кто нищий. Я — император, а ты — нищий: вот что в самом деле странно. Вот почему я смеюсь».

И говорится, что Александр грустно склонил свою голову. Это было абсолютной истиной, как он мог отрицать это? С пустыми руками он пришел в этот мир, с пустыми руками возвращался обратно. Он никогда не познал ни мгновения радости. А этот человек, Диоген, жил в радости, жизнью, полной блаженства, жил настоящим существованием.

Позвольте мне опять напомнить вам. Есть три возможности: быть, делать, иметь. Иметь — самая низкая возможность; это люди, которые живут, владея: иметь то, иметь это. Немного лучше мир делания, но лишь немного лучше: делать то, делать это.

Самый высокий это мир бытия. Нет желания делать, нет желания иметь что-то, ты просто есть. И это не значит, что человек неактивен; великое творчество течет через вас, но это уже не делание. Ты уже не деятель, делает Бог. Ты уже находишься в состоянии, которое суфии называют *фана*, тебя уже нет, ты просто полый бамбук: Бог начинает петь свою песню, и полый бамбук становится флейтой.

Когда вы просто бытие, вы становитесь флейтой, и тогда жизнь — это песня и танец, блаженство и благословение.

Последний вопрос:

Возлюбленный Ошо. Спасибо тебе за то, что ты дал нам ключи от сада. Аромат Хакима Саная мистически близок мне. Хотя я и не помню, что слышала его, но я чувствую, как будто я дома.

Мистическое единство

Прадипа, возможно, ты не знаешь — как ты можешь знать это? Но я говорил тебе раньше, что по своей сути ты суфий. Поэтому ты чувствуешь себя дома у Хакима Санаи. В своих прошлых жизнях ты была с суфиями. А все суфии одинаковы: если ты видела одного суфия, ты видела их всех, их вкус одинаков.

Есть дервишская песня, суфийская песня, помедитируйте над ней.

Можно сказать, они пришли напрасно,
И пусть они не приходят напрасно.

Мы оставляем это требование вам;
Мы закончили все что могли, мы оставляем остальное вам.

Помните, эта работа доверена вам -
Помните, возлюбленные, мы встретимся вновь.

Жизнь это вечное странствие — мы продолжаем встречаться вновь, и вновь, и вновь.

Прадипа, вот почему ты так чувствуешь: *«Аромат Хакима Санаи мистически близок мне. Хотя я не помню, что я слышала его, но я чувствую, как будто я дома.»*

Ты жила с суфиями раньше, ты живешь с суфием сейчас.

Можно сказать, они пришли напрасно,
И пусть они не приходят напрасно.

Мы оставляем это требование вам;
Мы закончили все что могли, мы оставляем остальное вам.

Помните, эта работа доверена вам -
Помните, возлюбленные, мы встретимся вновь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НА ПУТИ ВЗДОХОВ.....	5
ПОБЕЖДАЯ БУДДУ.....	35
СМЕРТЬ СЕМЕНИ.....	63
ПОЛЕ БУДДЫ ВЕСНОЙ.....	93
ЗАБЫТЫЙ ПАСТУХ.....	119
НАЗАД К ЭРОСУ.....	151
СВЯЩЕННЫЙ ВЗРЫВ.....	179
УМИРАНИЕ В ЧУДЕ.....	209
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕНИ.....	233
МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ.....	261

В 1998 году выйдут книги Ошо-33-55

1-33 Дхаммапада 2	11-43 Сутра сердца
2-34 Йога-6	12-44 Скрытая гармония
3-35 Я говорю вам 1	13-45 Окультиные тайны
4-36 Дхаммапада 3	14-46 Тайна
5-37 Психология Эзотерического	15-47 10 веков дзен
6-38 Бог умер	16-48 Путь без пути
7-39 Высшая доктрина	17-49 Прямая передача
8-40 Я говорю вам 2	18-50 Вигьян Бхайрав Тантра
9-41 Унио мистика	19-51 Божественная мелодия
10-42 Искусство умирать	20-52 Проблески... автобиография

